

Novela

Позвольте мне
стать

Annotation

Прошло два года, как не стало его жены и жизнь утратила смысл. Ему казалось, что пустота в душе никогда не заполнится. Но Лукас и представить не мог, что его история начнет меняться в тот день, когда он вернется в свой родной город.

Я толкаю дверь в бар «Пристанище Джо», и она с привычным скрипом открывается. Наверное, за те годы, что я тут не был, ее нечасто смазывали. Ступая внутрь, я вижу, что тут почти ничего не изменилось: те же старые облупившиеся столы и стулья, древний музыкальный автомат в углу, запыленные лампы над старыми бильярдными столами, и что самое главное, — лица почти все те же. Старик Мелори, к девяти вечера напившийся вдрызг, почти уснул за барной стойкой. Вивьен Берри, главная прилипала Диллана, вечно околачивающаяся по значным местам в поисках веселья и выпивки. Глядя сейчас на то, как она вешается на Бойда Харольда, владельца автомастерской, я замечаю, что годы не пощадили ее. Даже под густым слоем косметики заметно, что Вивьен уже давно разменяла четвертый десяток. Еще во времена моей юности многие парни из школы лишались невинности с помощью Вивьен Берри, всегда готовой прийти на выручку неопытным пацанам.

В дальнем углу бара уже зреет разборка, которую устроили братья Стинсоны — главная болячка Диллана. Эд и Сем что-то не поделили с Теренсом Ферреем. Скорее всего, братья проиграли в бильярд и не желают расставаться с деньгами.

Направляясь к барной стойке, я слегка ухмыляюсь. Здесь и правда все по-прежнему, и это осознание отчего-то греет мне душу.

Я дома.

Некоторые узнают меня и здороваются. Интересуются, где я пропадал все это время и как мои дела. Стандартный набор вопросов, которые вы можете ожидать, вернувшись в маленький городок после долгих лет отсутствия. Я же отделяюсь привычной фразой: «У меня все отлично».

Возле бара я здороваюсь с Джо, который за последние десять лет значительно прибавил в весе и лишился большей части своей шевелюры. Узнав меня, Джо расплывается в улыбке, пожимает мне руку и хлопает по плечу. Я улыбаюсь в ответ, и это происходит искренне. Я правда рад видеть Джо. В школе мы с ребятами часто приходили сюда убить вечер за партией в бильярд и выпить пива. Мы были несовершеннолетними, но Джо закрывал глаза на это, и продавал нам по бутылочке пива. В «Пристанище Джо» для нас всегда было место.

Я заказываю бутылку «Будвайзера» и, пока Джо протирает запотевшее стекло тряпкой, интересуюсь его делами. Я удивлен, узнав, что Джо вот уже четыре года как примерный семьянин и у него подрастают мальчишки-близнецы. Я рад за Джо и поздравляю его.

Сделав глоток холодного пива, я вновь уклончиво отвечаю на вопросы старого приятеля о своей жизни. Я говорю, что состою на службе в ВВС, что доволен своей работой и пока что не обзавелся семьей. О чем я молчу, так это о Дженнифер. Но о ней я молчу почти всегда. Она глубоко внутри меня — там, где никто не может увидеть и вопросами о ней разбередить все еще незажившую рану.

— Так, так, так! Да неужто это сам Лукас Хантер?

Про себя я чертыхаюсь, когда Вивьен, узнав меня, приближается. У нее нетвердая походка из-за выпитого алкоголя, и густо накрашенные глаза немного косят. Вивьен уже достаточно близко, и меня обдает запахами ее приторно-сладких дешевых духов, табачного дыма и пота. Желая увеличить расстояние между нами, я отстраняюсь назад.

— Вивьен, — не желая быть грубым, я слегка киваю. Ее губы растягиваются в улыбке,

очевидно от того, что я узнал ее.

— Значит, малыш вернулся в родные края? — вскинув накрашенную бровь, заплетающимся языком выговаривает Вивьен.

— Вив, отстань от парня, — требует Джо. Я же оглядываю зал, надеясь найти здесь Бена.

— Джо, милый, а что я такого сказала?

К своему облегчению и радости, я замечаю старого друга за дальним бильярдным столом. Он не один, а в компании девушек и парней, и кажется, они не скучают. Я киваю Джо, еще раз говорю, что был рад увидеться и направляюсь к Бену с компанией.

Когда я подхожу ближе, Бен замечает меня и его все еще мальчишеское лицо принимает удивленно-недоверчивый восторженный вид. Слегка киваю, как бы подтверждая, что это действительно я, улыбаюсь и вот уже мы с Беном обнимаем друг друга, хлопая друг друга по спине.

— Твою ж мать! — выкрикивает Бен, отстранившись от меня. Его взгляд все еще полон недоверия. — Это же сам Лукас Хантер! Каким ветром тебя занесло в Диллан?

Я пожимаю плечами и объясняю, что у меня отпуск, который я решил провести в родном городе. Мне также необходимо наконец разобраться с домом, который мама оставила после своей смерти. Прошло уже более трех лет, а дом у озера так и пустует.

Мы обмениваемся самыми значительными новостями, которые случились с нами за то время, что мы не виделись. Бен знакомит меня со своей невестой, Тайрой. Это симпатичная, приятная на вид блондинка, и с Беном они хорошо смотрятся вместе. С ними еще двое парней, Уилл и Джимми. Уилл приходится родным братом Тайры, а Джимми компаньон Бена. Оказывается, друг открыл небольшую фирму по ремонту домов.

С ними еще одна девушка. Пока я знакомлюсь со всеми, она тихо сидит на подоконнике, поджав одну ногу под себя. Когда Бен оборачивается к ней, девушка ловко соскакивает с подоконника и, опережая его, протягивает руку мне и представляется:

— Клем, младшая сестра Бена.

Пожимая ее маленькую ладошку, я недоверчиво качаю головой.

— Младшей сестре Бена десять, у нее брекеты на зубах и все лицо в веснушках.

Это такой я ее запомнил. Сейчас же передо мной стоит взрослая, симпатичная девушка с шикарными светло-русыми волосами и улыбается слегка застенчивой улыбкой.

Клем смеется над моими словами, но я и правда поражен. В последний раз, когда я видел ее, она была нескладной, угловатой девочкой, одиннадцати или двенадцати лет. Она везде таскала за собой старого лохматого пса и была прилипалой. Мы с Беном часто убегали и прятались, только бы его сестра не обнаружила нас и не увязалась следом.

— Наша Клем слегка подросла, — легонько дернув сестру за волосы, с гордостью заявил Бен.

— Десять лет прошло, — напоминает Клем, просто пожимая плечами.

— Но это все еще не значит, что ты можешь носить на себе такое в этом баре, — бурчит Бен, неодобрительно оглядывая наряд сестры.

Клем закатывает глаза и легонько фыркает, давая понять, что мнение брата в этом вопросе для нее не авторитет.

На Клем короткие обрезанные джинсовые шорты, клетчатая рубашка и ковбойские сапожки. Я понимаю беспокойство Бена: я бы тоже не хотел, чтобы моя сестра щеголяла в таком виде перед пьяными завсегдатаями бара. К тому же, если сестра такая

привлекательная.

Мы заказываем еще по пиву, вспоминая старые времена, неторопливо загоня шары в лузы. Я узнаю, что через четыре недели у Бена с Тайрой свадьба, и я приглашен. Не знаю, буду ли еще тут к тому времени, поэтому я так и говорю, ничего не обещая. В момент, когда Бен оказывается рядом, он наклоняется ко мне и шепчет, чтобы никто не слышал:

— Сочувствую насчет Дженнифер.

Больше ничего не сказав, он возвращается к столу. Его очередь бить. Какое-то мгновение мне кажется, что я не смогу контролировать себя и на глаза выступят слезы. Я смаргиваю, но ничего не происходит.

Бен знает. Наверное, многие знают. Глупо было надеяться, что это удастся скрыть.

Я делаю глоток за глотком, потом подхожу к столу и ударяю кием о шар. Он падает в лузу.

Я делаю вид, что ничего не произошло.

Когда я просыпаюсь, яркий солнечный свет бьет мне в глаза. Недовольно ворча, поворачиваюсь на бок и оказываюсь на полу. Я не помню, как оказался на диване в гостиной. Не помню, как добрался домой. Но припоминаю, что пива вчера было более чем достаточно. А еще виски.

Встретившись с Беном после долгих лет, мы отметили встречу. И вовремя не остановились. Поэтому сейчас у меня чертовски болит голова и состояние препаршивое. Давно я так не напивался. Только в первые месяцы после...

Я обрываю мысль, не давая ей развиваться. Нет, только не сейчас. Не теперь.

Следуя на кухню за спасительной водой, чтобы потушить пожар во рту, я пытаюсь вспомнить, как вчера оказался дома. И кто заботливо укрыл меня пледом, очевидно не желая, чтобы я замерз. Под утро на озере бывает прохладно даже летом.

Пока я осушаю третий стакан воды, в голову ничего так и не приходит. Возможно, я сам как-то добрался домой? Но это вряд ли. Я бы не смог вести машину. И уж точно не стоял бы сейчас здесь, а в лучшем случае — где-нибудь на обочине, столкнувшись с деревом или чьим-нибудь ограждением.

Сполоснув стакан, я ставлю его на сушилку и в этот момент через окно кухни вижу, как темно-синий «Форд»-пикап въезжает во двор. Двигатель глохнет, открывается дверь, и Клем Стивенс спрыгивает на землю. Я выхожу из дома, когда Клем поднимается на крыльцо.

— Здравствуй! — она с сочувствием улыбается, выглядя очень бодро. — Решила проверить, как ты тут после вчерашнего.

Я морщусь и опускаюсь на деревянные ступени. Мой вид говорит лучше любых слов.

— Это ты привезла меня вчера? — отчего-то предполагаю я и, к моему удивлению, Клем кивает.

— Сам бы ты не справился.

Она садится рядом, и я чувствую приятный аромат, который окружает ее. Так пахнет свежесть, лето и юность. В этот момент я завидую Клем: в ней столько сил и выглядит она такой аккуратненькой. Простой летний сарафан с неброским цветочным узором, бежевые сандалии из мягкой кожи; локоны собраны в низкий хвост.

Наша разница составляет около десяти лет, но я чувствую себя стариком рядом с этой девушкой. Разбитым и больным. А ведь было время, когда мог кутить всю ночь напролет, и утром чувствовать себя прекрасно.

Похлопав себя по карманам джинсов, я нахожу мятую пачку «Мальборо» и зажигалку. Вытряхиваю одну сигарету и прикуриваю. Клем морщит нос и слегка отодвигается.

— Не боишься заболеть раком? — осуждающим тоном спрашивает она.

Мельком взглянув на нее, я делаю большую затяжку и выпускаю дым в сторону.

— Нет.

Мне не хочется объяснять, что вот уже два года, как перестал бояться. Всего. Даже когда провожу испытательные полеты, и есть шанс не вернуться на землю, я не испытываю страха.

Мне кажется, что Клем хочет что-то сказать, но лишь открыв рот, она вновь его закрывает и мы сидим молча несколько минут. Солнце играет в ее волосах, в его бликах я вижу несколько веснушек у нее на носу. Все, что осталось с тех пор, как она была ребенком.

Неожиданно Клем поднимается и, отряхнув сарафан, спрашивает:

— Что у тебя есть в холодильнике?

Ее вопрос приводит меня в растерянность. Как от разговора о раке мы перешли к содержанию моего холодильника? Или сейчас я так туго соображаю, что мне трудно улавливать ход ее мыслей?

— Не знаю, — Я дергаю плечами. — Молоко, яйца, может, бекон. Я купил вчера кое-что, но немного.

— Этого достаточно, — Клем машет рукой. — Тебе нужно поесть, я приготовлю тебе омлет. Или что из яиц ты предпочитаешь?

При мысли о еде мой желудок скручивает спазм.

— Знаешь, я не хочу есть.

Мои слова ничуть не убедили Клем. Она несогласно качает головой.

— При таком похмелье, как у тебя, поесть просто необходимо. Вот увидишь, тебе станет легче.

Я сильно сомневаюсь на этот счет, но спорить с Клем нет сил.

— Знаешь, я бы не отказался от кофе.

Если уж она решила приготовить мне завтрак, то пусть заодно и кофе сварит. Чашка крепкого кофе должна поднять меня на ноги.

— А кофе у тебя есть? — вскидывает бровь Клем. Я киваю и расплачиваюсь за это сильным импульсом боли, поступившим в голову.

— Я сделаю, а ты можешь пока в душ сходить.

Эта идея мне нравится, и после второй сигареты я возвращаюсь в дом. Из кухни я слышу, как Клем что-то напевает себе под нос. Невольно это возвращает меня назад: Дженнифер готовит мне завтрак, весело бубня себе что-то под нос, и как бы я ни прислушивался, не могу разобрать, что поет Дженни.

Сердце пронзает острая боль, и я вспоминаю кое-что еще: за последние два года никто не готовил специально для меня.

Внезапно возникает сильное желание пойти на кухню и попросить Клем уйти. Но то, что она младшая сестра моего друга, останавливает меня. Я не хочу обидеть эту девочку, это я тоже четко понимаю. Мне не все равно.

Ванная в доме всего одна, на первом этаже. Да и сам дом небольшой. Но нам с мамой хватало. Отец ушел, когда я был совсем маленьким, поэтому я почти не помню его. Повзрослев, я не стал искать его, как это делают некоторые брошенные дети. Мне не надо было знать причину. Если за все годы, что я рос, он не пожелал знать, что со мной, значит,

ему это не было нужно. Возможно, его уже нет в живых, но меня это не интересовало.

В ванной я стаскиваю футболку и швыряю ее прямо на пол, следом отправляются джинсы. Вода из душа льется холодная, я забыл включить бойлер. Но так даже лучше. Быстрее протрезвею.

Через несколько минут, почувствовав себя наконец живым, я выключаю воду и ищу полотенце в шкафчике, на привычном месте. Все здесь чистое и отглаженное. Спасибо тете Рут, которая присматривает за домом с тех пор, как мамы не стало.

Насухо вытершись и надев чистые джинсы с футболкой, я захожу на кухню, где пахнет свежесваренным кофе и омлетом. Вопреки моему ожиданию, содержимое желудка не подкатывает к горлу от запаха еды.

Я сажусь за стол, и Клем начинает суетиться вокруг меня. От этого мне становится неловко. В голову опять закрадывается мысль, что все неправильно. Кажется, будто Клем каким-то образом посягает на место Дженнифер. Но понимая, что это бред, я опускаю голову и прячу глаза в кружке с крепким кофе. Он, между прочим, отличный. Клем сделала так, как я люблю.

— Тебе нужно это съесть, — строгим тоном настаивает Клем, двинув тарелку с омлетом в мою сторону. — Вот увидишь, станет легче.

Я спорю несколько секунд, но все безрезультатно: Клем оказывается упрямой девчонкой. Сдаваясь, я беру вилку и начинаю есть. Омлет вкусный, но аппетита у меня так и не прибавилось. Одолев несколько кусков, я благодарю Клем и радуюсь, что она не настаивает, чтобы я все доел.

— У Бена сегодня тоже тяжелое утро, — замечает Клем, ставя тарелки в раковину. Она включает воду и берет щетку для посуды. Чувство неправильности внутри меня становится сильнее.

— Знаешь, ты вообще не должна этого делать, — поднимаясь, быстро говорю я. На самом деле, я думаю, что не хочу, чтобы она это делала. Но вслух об этом не говорю.

— Да это пустяк, — Клем отмахивается от меня и начинает мыть посуду. Я же наливаю себе вторую чашку кофе и молча выхожу из кухни.

«Это младшая сестра моего лучшего друга», — напоминаю я себе. И я не хочу быть с ней грубым.

Я сижу на крыльце, допивая остывший кофе, когда дверь позади меня открывается и Клем спускается на несколько ступенек, но не садится, а облакачивается на деревянный столбик перил.

— Извини, иногда я бываю бестактной, — вздохнув, нарушает молчание Клем.

— Все нормально, — я заставляю себя улыбнуться, ну или сложить губы в подобие улыбки. Мне не хочется думать, что я такой прозрачный, и Клем без труда разгадала мои мысли. В конце концов, она не виновата, что я не совсем в согласии со своей головой последние два года. Не стоит переносить свои заморочки на посторонних людей.

Клем открывает рот, собираясь что-то сказать, но вместо этого резко вдыхает воздух и сжимает губы. Очевидно, чтобы я не разгадал ее невысказанной мысли, она поворачивает голову в сторону озера и несколько секунд неотрывно разглядывает воду. Я же, сам того не замечая, пялюсь на нее.

— Жарко сегодня, — внезапно произносит Клем, и голос ее звучит расслабленно и беззаботно. Кажется, что недавнее напряжение прошло без следа.

— Это Северная Каролина — летом здесь всегда жарко, — пожимаю плечами я,

озвучивая и так очевидную истину.

— Сегодня особенно. Ужасная влажность! — Клем отталкивается от столба и, повернувшись ко мне лицом, идет к деревянному причалу задом наперед. — Не против, если я искупаюсь?

Не успеваю я и слова вымолвить, как Клем стаскивает сарафан через голову и остается в нижнем белье. Разбегаясь, она бежит по пирсу до самого края, потом отталкивается ногами и прыгает в воду. Все это занимает несколько секунд, но мне кажется, что я не меньше часа сижу с раскрытым ртом, не совсем понимая, что происходит.

Мое удивление вполне понятно: я никак не рассчитывал увидеть младшую сестру своего друга в одном белье. И положение, в котором я оказался, было совсем неправильным. Все, связанное с Клем, было не таким.

— Вода просто замечательная! — кричит Клем в тот момент, когда я про себя уже начал чертыхаться. Возникшее чувство, что девчонка может стать проблемой, доставляет беспокойство.

— Присоединяйся! — Клем весело плещется в воде, явно получая от этого удовольствие. Мое терпение подходит к концу. Я думаю, ей пора заканчивать свой визит.

Я поднимаюсь с крыльца и иду в дом за полотенцем для Клем. Мне не хочется, чтобы она замерзла, даже несмотря на сильное желание избавиться от нее.

Когда я выхожу из дома, Клем уже стоит на причале и вытряхивает воду из ушей. Ее волосы мокрыми колечками прилипли к лицу и плечам. Мне приходит в голову, что она выглядит забавно, и поневоле я улыбаюсь.

Подходя ближе, я стараюсь не отводить взгляд от ее лица, но все же успеваю рассмотреть ее нижнее белье. В нем нет ничего особенного: оно хлопковое, белого цвета. Женщины не надевают такое, желая соблазнить мужчину. Но в те секунды, когда мои глаза скользят по ее телу вверх, ища контакта с ее лицом, я осознаю, что делаю нечто... запретное.

— Держи, — произношу я, но вместо того, чтобы просто отдать ей полотенце, раскрываю его и набрасываю на плечи Клем.

— Спасибо, — Клем улыбается и кутается в полотенце. На ее лице ни тени смущения, словно эта ситуация совершенно нормальна, или даже привычна.

— Знаешь, у меня еще куча дел, так что... — начинаю я, надеясь, что Клем все поймет. Я лгу, потому что никаких срочных дел у меня не назначено. Я делаю это, желая остаться наедине со своими мыслями о Дженнифер. Мне кажется, что сейчас, как никогда, я должен помнить о ней. Просто потому, что сегодня впервые за два года после ее смерти кто-то нарушил мою внутреннюю пустоту.

— Да, мне тоже пора, — Клем быстро кивает, избавляя меня от еще большей лжи. — И я так и не сказала, что мама приглашала тебя к нам на ужин сегодня. Они с отцом были рады услышать, что ты вернулся.

Я принимаю приглашение и прошу Клем передать матери, что я приду. В юности я часто бывал в гостях у Бена и его родители всегда хорошо ко мне относились. Бонусом было то, что миссис Стивенс отлично готовила.

После того, как Клем надевает сарафан, она прощается со мной до вечера и, запрыгнув в «Форд», заводит мотор. Только тут я вспоминаю, что моей машины нет перед домом. Очевидно, она до сих пор стоит на парковке у «Пристанища Джо». Поэтому я прошу Клем подкинуть меня в город. И она без вопросов соглашается.

В назначенное время я останавливаю джип перед домом Стивенсов и иду к крыльцу. По дороге я заехал в магазин и купил персиковый пирог. Просто в знак уважения, хотя, как я помню, никакой пирог из магазина не сравнится с пирогами миссис Стивенс.

В лучах угасающего дня я вижу, что за все годы дом-ранчо совсем не изменился. Он все так же выкрашен бледно-желтой краской, на окнах расставлены деревянные кадки с яркими цветами, а голубые ставни приветливо раскрыты.

Я поднимаюсь на крыльцо, но прежде, чем успеваю постучать, дверь резко распахивается и расстроенная Клем налетает прямо на меня. Бросив на меня раздосадованный взгляд подозрительно блестящих глаз, она оборачивается назад и кричит:

— Бен, еще раз говорю тебе, отстань от меня! — ее голос дрожит, и в нем я улавливаю нотки истерики. — Я не хочу делать этого!

С этими словами она мчится по ступенькам и начинает бежать. В этот момент Бен вылетает из дома, но теперь я успеваю отойти, чтобы избежать столкновения. Заметив меня, друг растерянно останавливается и несколько секунд мы, как два идиота, ничего не понимая, пялимся друг на друга.

— Что здесь происходит? — наконец обретаю дар речи, понимая, что приехал не в самый удачный момент.

Бен устало проводит рукой по лбу и пожимает плечами.

— Клем все никак не желает принять действительность. Иногда она витает в облаках, и если большую часть времени это бывает мило, то порой сильно раздражает.

Я все еще ничего не понимаю, и, заметив это, Бен поясняет:

— Одна из наших лошадей, любимица Клем, умирает от рака, а моя сестра не хочет слушать врача, который сказал, что ее следует усыпить.

— Ясно, — я киваю, не зная, что еще сказать. Но через секунду добавляю, потому что мне кажется это правильным:

— Мне жаль.

Бен машет рукой:

— Забудь. Клем не маленькая, переживет.

Мы заходим в дом, и я здороваюсь с Мэри и Льюисом, родителями Бена и Клем. Они рады мне, а я понимаю, как скучал по этим людям. В те годы, что я жил здесь, они были моей второй семьей.

Бен предлагает мне пиво, и пока мы пьем, а Мэри заканчивает приготовления к ужину, я рассказываю о своей жизни на военной базе и жизни летчика-испытателя.

Мой рассказ занимает минут пять, потому что в последние годы вся моя жизнь ограничивается работой и ничего не значащими моментами.

Я рад, что никто не заговаривает со мной о Дженни. Спустя два года после ее смерти, я все еще не готов говорить об этом.

Скоро приезжает Тайра, и они с Мэри накрывают стол на заднем дворе. Льюис жарит стейки на самодельном мангале, и запах жареного мяса дразнит ноздри. Я не ел ничего с самого утра, целый день страдая от похмелья, но сейчас, когда хорошее самочувствие вернулось, я понимаю, как чертовски голоден.

Начинает смеркаться, когда мы садимся за стол. Клем так и не появилась. Я оглядываюсь в сторону хозяйственных построек, но ее нигде не видно.

Ловлю себя на мысли, что беспокоюсь за нее. Мысль нова, и она тревожит, отчего я хмурюсь, но тут же успокаиваю себя, решив, что мои чувства вызваны простой заботой о младшей сестре лучшего друга. Для меня Клем как младшая сестренка, которой у меня никогда не было.

— Может, стоит сходить за Клем? — тихо спрашиваю я, только чтобы Бен услышал.

Друг качает головой.

— Ее сейчас лучше не трогать. Она все равно не оставит Корицу одну.

В удивлении я вскидываю брови: эта лошадь была у Стивенсов еще тогда, когда мы с Беном учились в школе. Должно быть, она очень старая.

После отменного ужина в кругу старых друзей я расслабляюсь, смеюсь вместе со всеми над шутками Льюиса. Впервые за долгое время я чувствую себя почти нормально, даже хорошо. Более часа я не вспоминаю о Дженни, и, когда эта мысль возникает в голове, чувствую свою вину перед ней.

Небо, усыпанное яркими звездами, полностью темнеет. Мэри с Тайрой уносят грязную посуду в дом, и я вызываюсь помочь, но мать Бена с мягкой улыбкой отказывается.

Бен с отцом завязывают спор на тему шансов «Тар Хилс» завоевать главный кубок в университетской лиге, а я отлучаюсь, сказав, что хочу покурить.

Ноги сами несут меня на поиски Клем.

Я нахожу ее на конюшне. Клем сидит возле лежащей Корицы, кобылы рыжего окраса в белых яблоках. Дыхание с тяжелым хрипом вырывается из ноздрей животного, глаза прикрыты. Ей больно, и скорее всего, лошадь долго не протянет.

Я молчу, обхватываюсь за ограждение, наблюдая за Клем. Кажется, что она стала вдвое меньше с утра. Ее плечи подрагивают, но не слышно ни звука.

Клем плачет.

Проходит несколько минут, и я начинаю чувствовать себя глупо.

Чем я могу помочь ей? Скорее всего, я тут лишний.

Я думаю, что мне лучше уйти, но тут Клем оборачивается и смотрит на меня покрасневшими глазами.

— Думаешь, рай для животных существует? Место, где у них полная свобода, и у них нет хозяев, от которых они полностью зависят?

Ее вопрос ставит меня в тупик. Я не слишком верующий, но все же, если есть место, подобное раю, я бы хотел думать, что дорогие мне люди, которых больше нет — там.

— Я не знаю, Клем, — пожимая плечами, честно отвечаю я. — Я вообще не очень верю в существованиерая или ада. Люди сами создают свой ад или рай, находясь на земле. Наверное, у животных с этим проще.

Проходит несколько мгновений, и я вижу, что Клем осмысливает мой ответ.

— Значит, ты думаешь, что там ничего нет? — она обхватывает коленки руками и слегка прикусывает губу, сдерживая слезы. — Когда уходят те, кого ты любишь, это конец? Ничего не остается?

Я наклоняю голову, чувствуя, как в горле образуется ком из горечи и сожалений.

Как я могу ответить на этот вопрос? Точнее, где взять правильные слова. Разве может кто-то с уверенностью сказать, что любой ответ будет правильным... или не правильным?

Я — нет.

— Память остается, — наконец говорю я, но это слабое утешение. Я знаю это. Я сам это чувствую.

Дженни ушла, но я помню все, связанное с ней, будто это было вчера. Но это не помогает. Напротив, память делает боль почти невыносимой, осязаемой.

Клем вновь начинает гладить Корицу. Я медлю, оттого что не хочу уходить, но так будет лучше. Я боюсь, что Клем вновь задаст мне вопрос, на который у меня нет ответа. На который я не захочу отвечать.

— Попроси Бена позвонить доктору Ранеру, — не оборачиваясь, шепчет Клем, и я едва разбираю ее слова. — Скажи, что я готова.

Я иду к Бену и передаю просьбу Клем. Через двадцать минут к дому подъезжает новенькая «Тойота-Камри».

Доктор Ранер, ветеринар, работающий в Диллане более двадцати лет.

Доктор направляется к конюшне, и Бен с отцом следуют за ним. Мне лучше уехать, что я и говорю Мэри. Мы прощаемся, и я сажусь в джип.

В свете фар я вижу, как Клем выбегает из конюшни и, прислонившись к стене, складывается пополам; обхватывает живот руками и вздрагивает от рыданий.

Я завожу двигатель, сглатываю ком в горле и уезжаю.

С Дженни я познакомился в двадцать два года, когда учился в лётной школе.

В нашей встрече не было ничего примечательного, за исключением того, что, увидев ее впервые, я понял — эта та женщина, с которой я хочу провести всю оставшуюся жизнь.

Мы вместе оказались в одной очереди в супермаркете, и, когда пришло время расплачиваться за покупки, Дженни обнаружила, что забыла кошелек дома. Я же поспешил прийти ей на помощь, мысленно представляя, как буду делать ей предложение. Я не был романтиком, который в каждой привлекательной девушке видел свою будущую жену и мать своих детей, но тогда, в той очереди у кассы, я не сомневался, что однажды эта девушка с пшеничного цвета волосами и прямой осанкой станет моей женой.

После того, как расплатился за покупки Дженни, мы познакомились, я пригласил ее на чашку кофе, и с тех пор мы не расставались.

Через полгода мое обучение подошло к концу, и одним июльским утром мы поднялись в воздух на старой «Сесне», где я и сделал ей предложение, надев на палец золотое колечко с камнем в полтора карата — все, на что хватило моих сбережений. Еще через два месяца мы поженились. Нас обвенчал священник на берегу озера в присутствии шестерых гостей. Дженни хотела скромную свадьбу, и ее желание было законом для меня.

Каждый день с Дженни был счастьем. Иногда, просыпаясь рано утром, я долго смотрел, как спит моя жена, и не верил, что мне выпала такая удача. С появлением Дженни в моей жизни многое изменилось: я стал спокойней, уравновешенней и перестал испытывать судьбу, как это бывало в годы моей юности.

Мы прожили вместе шесть лет. Шесть замечательных, горьких, счастливых и несчастных, коротких шесть лет. Я думал, что мы всегда будем вместе, но наше «всегда» закончилось слишком быстро.

Через четыре года после свадьбы мы решили, что готовы к рождению ребенка. Дженни всегда мечтала о детях, и я был бы счастлив подарить ей ребенка. Иметь маленькую копию Дженни — это то, чего я хотел. Но скоро мы узнали, что нам не суждено стать родителями. После нашего обследования выяснилось, что Дженни никогда не сможет забеременеть. То есть, мы могли и дальше пытаться, могли испробовать всевозможные лечения, но шансов практически не давал никто.

После жестокого вердикта Дженни проплакала несколько дней, и я, как мог, успокаивал ее, хотя у самого на душе кошки скребли. С того момента наша жизнь изменилась: над ней словно нависла тяжелая печать беспомощности и разочарования.

После долгих разговоров мы решили, что попробуем лечение, хотя и в случае его никто не давал гарантий. Но Дженни настояла, она хотела использовать даже самый мизерный шанс родить ребенка. Прошел еще год, омраченный долгим и болезненным лечением, но никаких результатов так и не последовало. И тогда я попросил Дженни остановиться. Я больше не мог видеть, как в ее глазах всякий раз умирала надежда, когда очередной метод оказывался тщетным.

Оставив бесплодные попытки, нам пришлось смириться и подумать об альтернативе. Я был не против усыновить малыша, но мы решили повременить, так как наше моральное состояние после долгого лечения и многих разочарований было ослаблено. Я предложил

Дженни выждать год или два, чтобы боль утихла, и она согласилась. Но что-то сломалось в ней, и Дженни все чаще стала впадать в депрессию, и апатия стала почти постоянным ее спутником. Я уверял себя, что все это временно, что у нас еще все наладится. Мы были молоды, и я думал, что через какое-то время сила духа вернется к моей жене. Когда в нашем доме будет слышен детский смех, пусть и приемного ребенка, свет и жизнерадостность вновь оживет в Дженни.

Но этому не суждено было случиться. Потому что у нас не было времени. Каждый последующий день приближал меня к моменту, когда я потеряю Дженни навсегда.

На следующее утро я просыпаюсь с рассветом, делаю кофе и выхожу к озеру. Над водой гуляет легкий туман, а в зарослях камыша крачки устроили себе гнезда, чтобы произвести на свет новое потомство.

Воздух постепенно нагревается, туман рассеивается, а солнце поднимается все выше в голубом небе.

Допиваю остывший кофе и прикуриваю третью сигарету.

Я думаю о Клем. Как она пережила эту ночь? Все ли с ней будет в порядке? Когда улыбка вновь коснется ее губ?

Мои мысли удивляют меня, сбивают с толку. То, что я чувствую — это забота? Забота о Клем?

Кажется странным испытывать нечто подобное после двух лет эмоциональной пустоты.

Новые чувства волнуют меня, но я гоню беспокойные мысли. Нет, это не то, над чем стоит ломать голову. Это значит не так уж много.

Я возвращаюсь в дом и долго не могу найти себе занятие, чтобы отвлечься. Сегодня воскресенье и мне нужно дотянуть до понедельника, чтобы наконец заняться документами, которые оставила мне мама. Нотариус, мистер Сайлерс, в чью контору обращалась мама, заверил меня, что много времени это не займет.

Я вспоминаю про свой старый мотоцикл, который мне удалось купить в старших классах, занимаясь разными подработками. Я направляюсь в гараж, где накрытая старым брезентом стоит «Ямаха ТРМ 850» выпуска 1991 года. Я провожу рукой по потускневшим черным бокам, и по моим губам проскальзывает улыбка.

Следующие несколько часов я посвящаю своему старому боевому другу, и к тому времени, как солнце достигает своего зенита, байк вновь готов к покорению дорог.

В ванной я снимаю испачканную масляными пятнами одежду и принимаю душ. После надеваю чистые джинсы и черную футболку; вывожу байк из гаража и вставляю ключ в зажигание. Раздается знакомое, но подзабытое урчание мотора, я опускаю ногу на стартер и вместе с Ямахой мы срываемся с места.

Ветер треплет мне волосы, по венам мчится заряженная адреналином кровь. Воспоминание накрывают меня с головой, и в них нет боли, только легкая тоска, которая служит заправкой к ностальгии.

Я надавливаю на газ, и деревья по обе стороны от меня превращаются в сплошную стену. Я не чувствую страха, это чувство стерлось во мне за тысячи часов полета на испытательных самолетах.

Приближаясь к городу, я вынужден сбросить скорость. Останавливаюсь возле закусочной, чтобы пообедать. Встречаю нескольких старых знакомых и спешу отделаться короткими ответами на поставленные вопросы. После сырного фри и сэндвичей с курицей, я

вновь сажусь на байк и принимаю быстрое решение.

Через десять минут я стучусь в дверь к Стивенсам. Мне открывает Мэри и на слегка удивленный взгляд, я отвечаю, что хотел бы узнать, как дела у Клем после вчерашнего. Мэри отвечает, что Клем у ручья, что позади ранчо, а потом предлагает пообедать. Я вежливо отказываюсь и иду искать Клем.

Она сидит на берегу, обхватив коленки руками, и смотрит на бегущую воду. Я чувствую неловкость, словно я незваный гость, нарушивший ее уединение. Сейчас, с двумя косичками на голове, в клетчатой рубашке и джинсовых обрезанных шортах, она кажется мне еще моложе своего двадцати одного года.

Клем поворачивает голову в мою сторону, но молчит. Ее глаза сухие, но в них нет радости и того задора, который я видел вчера утром.

Я подхожу ближе и нарушаю молчание.

Я должен:

— Позволишь?

Клем кивает, и я опускаюсь рядом с ней на траву.

— Зачем ты приехал? — спрашивает Клем, и от ее пронизательного взгляда мне становится не по себе.

— Хотел убедиться, что ты в порядке, — честно отвечаю я.

«И потому, что меня тянуло к тебе».

Мысль вспыхивает в голове — она молнией проносится в сознании, и это настолько ошеломляюще, что я едва сдерживаюсь, чтобы не вскочить и не сбежать, как трусливый мальчишка.

Мне становится страшно, впервые за долгое время я чувствую, как что-то пока неведомое пугает меня. И эта хрупкая девушка рядом со мной — причина тому.

— Я в порядке. Или буду, — Клем вновь отворачивается и опускает голову на колени. Мы молчим несколько минут, и все это время я борюсь с собой, заставляя себя не пялиться на нее.

Я пытаюсь разобраться в себе, но не выходит. Впервые после смерти жены мне стал кто-то не безразличен. «Нет, не в романтическом плане», — убеждаю себя я. Но все же, Клем заставила меня чувствовать хоть что-то.

— Как долго ты собираешься пробыть в Диллане? — вздыхая, спрашивает Клем.

— Еще не знаю, — пожимаю плечами я. — Это зависит от многих вещей.

— Например?

— Например, сколько времени мне потребуется, чтобы разобраться со всеми делами, которые остались нерешенными после маминой смерти.

— Твоя мать умерла четыре года назад, — выгнув темно-русую бровь, напоминает мне Клем.

— Я помню, Клем.

Мой голос звучит сухо.

— Почему ты не сделал этого сразу?

— Потому, что на то были причины, — я хмурюсь и отвечаю раздраженно. Мне не нравится оборот, который принял наш разговор.

— Ты всегда такая любопытная? — чуть смягчаясь, вздыхаю я.

— Я просто интересуюсь, — Клем передергивает плечами и поджимает губы.

Мне жаль, что я обидел ее. Не за этим я приехал сюда. Но были вещи, о которых я не

хотел говорить.

На самом деле, таких вещей было очень много.

— Вообще-то, я думала, что ты останешься после похорон матери, — внезапно признается Клем, и краска смущения заливает ее щеки.

Ох, не хорошо это! Очень не хорошо.

Я собираюсь с мыслями, подыскивая нужные слова. Но разве они есть? Что я могу сказать ей, кроме того, что это неправильно?

— Клем...

В этот момент появляется Мэри и зовет Клем в дом по срочному делу. Я с облегчением вздыхаю, потому что приход миссис Стивенсон очень вовремя, и мне не нужно объясняться.

— Извини, мне надо кое-что сделать, — Клем вскакивает на ноги и, отряхнувшись от налипшей травы и листьев, убегает прочь.

Еще некоторое время я сижу у ручья, и пытаюсь переварить то, что стало для меня открытием.

Я нравлюсь Клем? Но когда? Как?

Я прав, или же в ее словах заключался иной смысл?

И, даже если у Клем есть некие чувства ко мне, между нами все равно никогда ничего не может быть. Есть слишком много причин для этого.

Она младшая сестра Бена, и это будет предательством по отношению к моему другу. Вместе мы прошли через многое, его семья всегда по-доброму относилась ко мне, и я не могу поступить так с ними.

Еще была моя работа, которая на данном этапе занимала лидирующее место в моей жизни. Одиннадцать месяцев в году я провожу на авиабазе «Лэнгли», в Вирджинии.

Но главная причина тому, почему отношения между нами не возможны — это Дженни. Я до сих пор не отошел от ее смерти, и я не думаю, что это случится в обозримом будущем. Я просто не смогу дать Клем полноценные отношения, потому что мое сердце все еще не свободно, а она заслуживает право быть первой.

Я возвращаюсь к дому, удивляясь тому, что просто рассматривал возможность того, чтобы завязать отношения с Клем.

Нет. Конечно же, это было бы не честно по отношению к ней. Она такая молодая, жизнерадостная и светлая девочка, и, конечно, ей не нужен кто-то вроде меня.

Во дворе я застаю Тима, своего двоюродного брата. Тим и Клем сидят на крыльце и о чем-то весело разговаривают. Они ровесники и, скорее всего, учились в одном классе, но я не знал, что они друзья.

Я здороваюсь с Тимом, но мой взгляд то и дело переключается на Клем. Она же старается всячески его избегать, очевидно, испытывая неловкость за свои недавние слова.

Она в этом не одинока.

— Люк, так это твой байк у дороги? — с восхищением произносит Тим, и я заставляю себя посмотреть на него.

— Он самый.

— То-то я смотрю, он показался мне знакомым.

— Да, — я киваю. — Пришлось провозиться с ним несколько часов, но теперь он отлично бегают.

— Аппарат что надо, — протягивает Тим, не сводя горящего взгляда с мотоцикла.

— Хочешь прокатиться? — внезапно предлагаю я, надеясь, что тетя Рут не убьет меня

за это.

— Конечно!

Тим вскакивает с энтузиазмом, и я передаю ему ключи.

— Только не гони, иначе твоя мать снесет мне голову, — тоном старшего брата предостерегаю я.

— Хорошо, — заверяет меня Тим, но по блеску в его глазах я вижу, что ему не терпится сесть на Ямаху.

— Клем, ты со мной?

— Нет, — Клем улыбается и качает головой. — Что-то не хочется.

Тим уезжает, и мы вновь остаемся одни. Чувство неловкости и недосказанности висит между нами Дамокловым мечом, и я уже жалею, что предложил Тиму проехаться.

— Вы с Тимом встречаетесь?

Мой вопрос вырывается внезапно, я даже не успеваю остановить себя, чтобы не произносить этого, но уже поздно.

— Встречаемся? — брови Клем взлетают в изумлении, а потом она начинает смеяться. И вопреки всему, я тоже улыбаюсь, потому что мне приятно слышать ее чистый, звонкий смех. Моя реакция буквально ставит меня в тупик.

— Нет, мы не встречаемся, — отсмеявшись, качает головой Клем. — С чего ты взял?

— Парень и девушка, одного возраста, вместе, — я пожимаю плечами, будто мой вопрос не несет в себе скрытых мотивов. — Просто предположение.

— Мы с Тимом друзья еще с младшей школы.

— Ясно.

На моем лице царит спокойствие, и я ничем не выдаю, что на самом деле это не так. Но, когда Клем подтверждает, что между ней и Тимом только дружба, я испытываю облегчение.

И радость.

Что со мной? Если бы это не было полным абсурдом, я бы решил, что ревную.

Но допустить такое.... Даже на мгновение я не могу себе позволить допустить, что это ревность.

Но уже в следующую секунду где-то очень глубоко в сознании рождается мысль, что лжец из меня неважный. Во всяком случае, себя не обмануть.

Вскоре вернулся Бен — как он сказал, они с Тайрой ездили выбирать свадебный сервиз. Вид у друга был довольный, не то, что можно ожидать от мужчины, которого заставили ходить по магазинам в поисках тарелок с цветочками.

Что ж, очевидно, Бен абсолютно счастлив и по уши влюблен в свою невесту. Я мог только порадоваться за друга.

Бен не слишком удивился моему присутствию и не стал расспрашивать о мотивах моего визита. Меня это полностью устраивало. Не хотелось пускаться в объяснения, когда я сам не до конца понимал, что толкнуло меня приехать на ранчо.

— Ты дал Тиму свою Ямаху? — брови Бена подскакивают вверх, а глаза с веселым недоверием обращаются ко мне.

— Да, я это сделал. — Я пожимаю плечами, но про себя уже сомневаюсь, что поступил правильно. Надеюсь, все обойдется благополучно. Не хочется, чтобы мой двоюродный младший брат, за которого я чувствую ответственность, свернул себе шею.

— Что случилось, Люк? — хохочет Бен. — Помнится, ты никого не подпускал к своей «детке».

Я прикрываю глаза на мгновение, вспомнив это нелепое прозвище, которым окрестил когда-то байк. Сейчас это кажется таким смехотворным, и чувствую я себя полным придурком.

Я замечаю, как Клем закусывает губу от смеха и отворачивается, чтобы ничем себя не выдать.

— Ну, это вроде как давно было, — сухо произношу я, но, видя, как откровенно смеётся Бен и усмехается Клем, я тоже не выдерживаю и смеюсь.

— Господи, вы были такими болванами! — внезапно озвучивает Клем, и мы с Беном возмущенно переглядываемся.

— Что, прости? — Бен делает огромные глаза, от чего Клем уже открыто хохочет.

— Мы были крутыми, самыми крутыми парнями в городе! — восклицает Бен, ударяя себя кулаком в грудь.

Очень смелое утверждение с его стороны. В то время мы действительно себя таковыми считали, но серьезно, насколько крутым может быть парень, называющий свой мотоцикл «деткой»?

— Давай, Люк, скажи ей! — друг переводит взгляд на меня, ища поддержки.

Я глубоко вздыхаю.

— Да, мы определенно были крутыми.

Мой голос звучит не слишком убедительно.

— Каждая девчонка в школе мечтала о свидании с нами, — разводя руками, хвастается Бен.

Тут Клем громко фыркает, ткнув в брата указательным пальцем.

— Не завирайся только! Тебе напомнить Марту Шуберт, которую ты добивался два года, и которая в итоге предпочла тебе ботана?

— А ведь она права, — усмехнувшись, припоминаю я.

Бен смотрит на меня, как на предателя, и я виновато качаю головой.

— Ты-то откуда все это знаешь? — недоверчиво смотрит на сестру Бен. — Это было миллион лет назад, ты тогда малявкой еще была.

Клем одаривает Бена снисходительной ухмылкой.

— Ну и что, я с детства была наблюдательной и у меня хорошая память.

— Ты просто маленькая пронира, — ворчит Бен.

Так, за старыми воспоминаниями и дружным смехом проходит некоторое время. Порой я смотрю на Клем и радуюсь, что вижу улыбку на ее лице. Впрочем, я уверен, что это временно. Позже Клем вспомнит о Корице и вновь будет грустить. Это нормально. Должно пройти какое-то время, когда воспоминания больше не будут вызывать острую боль.

Возвращается Тим, к моему облегчению, полностью невредимый. Его волосы торчат во все стороны после шлема, глаза полны азарта, а на лице абсолютный восторг.

— Ох, это было круто! — восклицает Тим, возвращая мне ключи и шлем.

— Рад, что тебе понравилось. И хорошо, что все обошлось.

Не знаю, чем я думал, предлагая Тиму покататься.

И где-то в глубине сознания противный голос тут же обличает меня в лицемерии.

Нет, я знаю.

Причина проста: я хотел, чтобы Тим оказался как можно дальше от Клем.

Вот и все.

— Клем, зря ты не поехала, — заявляет Тим, пятерней приводя волосы в порядок.

— Возможно, позже, — голосом, начисто лишенным раскаянья протягивает Клем, и на короткое мгновение ее глаза обретают контакт с моими.

— Так, стоп! Никуда моя сестра на байке не поедет! — Бен строго смотрит на Тима, и тот вынужден кивнуть.

— Боже, Бенни, ты такой зануда! — Клем качает головой. Она специально назвала его детским прозвищем, зная, что тот терпеть его не может.

Бен кипит.

— Для начала — никакого Бенни. И если тебе так хочется острых ощущений, то пошли сегодня с нами на пристань. Обещают неплохие аттракционы.

— Такие же, как в том году? — морщит нос Клем.

— Нет. Лучше, — заверяет Бен.

Клем вяло пожимает плечами, но соглашается.

— Тим, ты с нами? — Клем с надеждой смотрит на парня, и тот быстро кивает. Я делаю для себя безошибочное открытие: что бы Клем ни говорила о дружбе, Тим влюблен в нее по уши. Его глаза, полные обожания, когда он смотрит на нее, выдают его с головой.

— А ты, Лукас?

Клем обращает свой взгляд на меня, и клянусь, я вижу в нем лукавство.

А в следующее мгновение удивляю сам себя, потому что соглашаюсь.

— Отлично! — Бен хлопает меня по плечу. — Здорово развлечемся.

Это уж точно.

— Вот так это делается! — победоносно заявляет Клем, отставив в сторону ружье и потирая руки.

Она только что выбила все мишени в тире. До нее пробовал Бен, но ему удалось подбить только пять из десяти.

Мы уже минут двадцать находились на пристани, заставленной разными аттракционами

и палатками со всякой снедью и сувенирами. Парк развлечений приезжает в Диллан каждый год ровно на месяц, и так было всегда, сколько я себя помню.

Я удивлен. Клем отлично стреляет. За свою меткость она получает большого плюшевого зайца ярко-розового цвета.

— Стрельба по мишеням — мое хобби, — прижимая игрушку к себе, поясняет мне Клем.

Я понимающе киваю, хотя мне и кажется удивительным, что такая хрупкая на вид девушка, как Клем, увлекается стрельбой.

— Ладно, теперь моя очередь, — решаю я.

Стрелять я умею. Когда учился в лётной школе, мы с приятелями часто ходили на полигон и устраивали соревнования. После смерти Дженнифер я делал это, дабы выпустить пар и забыться, пусть и на несколько минут.

Я кладу приклад на плечо и навожу прицел. Через минуту, сбив все мишени, я получаю плюшевого коалу и дарю его Тайре, чтобы она не чувствовала себя обделенной.

Девушка с благодарностью улыбается мне.

— Я тоже попробую, — вызывается Тим, но ему удается сбить только четыре мишени. Парень понуро вздыхает, а Клем начинает подбадривать его.

Наблюдая за ними, я вижу, как близки эти двое. Наверное, из них вышла бы неплохая пара, но все же они до сих пор остаются друзьями.

Я раздумываю о причинах того, почему Тим и Клем не вместе, хотя не сомневаюсь, что парень по уши влюблен в неё.

Возможно, все дело в том, что Клем не испытывает к нему того же?

Вокруг нас сверкают огни аттракционов, звучат голоса сотен людей и раздаётся детский смех. Кажется, что сегодня весь город собрался на пристани. Но пройдет несколько дней, и ажиотаж спадет, как это всегда бывает. Потом, в конце августа, парк развлечений уедет, чтобы вновь вернуться через год.

Мы решаем перекусить, потому что трудно бороться с дразнящими ноздри ароматами, витающими в воздухе. Пахнет свежеприготовленными чизбургерами, корн-догами, воздушной кукурузой и сладкой ватой.

В палатке с едой каждый из нас берет то, что хочет, и мы садимся за деревянный столик, чудом оказавшимся свободным.

Вечер очень теплый и ветра почти нет, что редкость для побережья. Мы едим не спеша, разговариваем и смеемся. Удивительно, я чувствую себя вполне комфортно, как это бывает, когда вы оказываетесь в кругу старых друзей.

За сегодняшний день я почти не думал о Дженни, и я не знаю, хорошо это или плохо.

Вспомнив об этом сейчас, я жду новой волны вины и сожалений, но, к моему удивлению, этого не происходит.

Внезапное открытие радует меня, и я усмехаюсь. Ловлю на себе взгляд Клем, разгадать который не могу. Вопреки моему ожиданию, она не спешит отвести взгляд, и мы продолжаем смотреть друг на друга.

Мне кажется, что внезапно вокруг все исчезает, и здесь, сейчас, есть я и она. Это длится несколько секунд, а потом Бен встает из-за стола, и реальность вновь возвращается.

— Ладно, ты меня уговорила, — тяжело вздыхает мой друг, беря свою невесту за руку. Тайра радостно визжит и вскакивает следом.

Я отвлекся и не слышал, как Тайра просит Бена пойти с ней в туннель ужасов.

— Кто с нами? — Бен с надеждой смотрит на нас, но я усмехаюсь и качаю головой.

— Нет, я пас. Я слишком стар для этого.

— Если я не стар для этого, то и ты тоже, — хмыкает Бен. — Клем?

— Не-а, — сестра Бена ниже сползает на стуле и скрещивает руки на груди. — Знаю я этот туннель ужасов: дряхлый скелет и мумия в старых лохмотьях. Не привлекает.

Тайра уводит обреченного Бена, и за столом нас остается трое. Тим что-то говорит, и Клем поддерживает беседу, но я вижу ее рассеянность.

Возможно, мне стоило пойти с Беном и Тайрой?

Чувствуя неловкость и некоторое напряжение, я достаю из кармана пачку сигарет, но здесь запрещено курить, поэтому просто верчу ее в руках.

— Эй, да это же Джефф! — вдруг восклицает Тим и встает на ноги. — Извините, ребята, но мне нужно с ним поговорить.

После ухода Тима неловкость и напряжение между нами усиливаются. Я уже клянусь себя за то, что не пошел с Беном, и мне чертовски сильно хочется закурить, когда Клем внезапно усмехается и, чуть поддавшись вперед, произносит:

— Нервничаешь?

Я киваю.

— Есть немного. Ты... иногда ты ставишь меня в тупик своими вопросами, — откровенно говорю я, проводя рукой по коротким волосам. Военная жизнь обязывает всегда носить короткую стрижку, хотя сейчас из-за отпуска волосы немного отросли.

Как так вышло, что я, тридцатилетний мужик, многие годы управляющий новыми моделями истребителей, чувствующий себя абсолютно спокойно в воздухе на высоте нескольких десятков километров, нервничаю рядом с этой девушкой?

Я уже понял, что Клем Стивенс была другой, не похожей на большинство девушек своего возраста. Я только еще не разобрался, в чем же была ее исключительность.

— Ты не первый, кто так говорит, — вздыхает Клем. — Но тебя беспокоит то, что я сказала, правда? — Клем как-то робко улыбается, и я невольно думаю, как ей идет эта улыбка.

— Клем... — я замолкаю на полуслове, не зная, какие должен слова подобрать.

Как долго я в Диллане? Два дня. Два дня, и вот я полностью дезориентирован и выбит из колеи этой девушкой напротив себя. Два года я жил в эмоциональном коконе, только так справляясь с потерей Дженнифер. Менее двух дней понадобилось Клем, чтобы разрушить так тщательно возводимую мной стену отчуждения.

— В детстве я была по уши влюблена в тебя, — все с той же осторожной улыбкой выдыхает Клем, пока я думаю, что ей сказать.

Что я должен сказать? И о чем ни следует говорить никогда?

Но у Клем талант всякий раз изумлять меня.

«Ох, Клем, что же ты делаешь? Зачем усложняешь все, когда и так все запутанно?»

— Я не знал, — тихо признаюсь я.

Клем пожимает плечами.

— Откуда тебе было знать? Я была просто ребенком, младшей сестрой Бена. Вы были полностью погружены в свои взрослые, серьезные дела.

Обдумывая слова Клем, я понимаю, что она права. Мы действительно были подростками, занятыми своими проблемами взросления, и я редко обращал внимания на молчаливую девочку, которой она когда-то была.

— Банально, правда? — Клем приподнимает свою правую бровь, с усмешкой глядя на меня.

— Что именно?

— То, что я девчонкой влюбилась в лучшего друга своего брата.

Клем вдруг начинает рассматривать свои ладони, и мне кажется, что она жалеет о своей откровенности.

— Возможно, — я вздыхаю. — Но, Клем, разве вся наша жизнь не сплошная череда банальностей и клише?

Я улыбаюсь ей, чтобы подбодрить, чтобы она не винила себя за то, что открылась мне.

Мне хочется быть добрым с Клем, ведь она заслуживает только хорошего обращения.

Я знаю, что, возможно, мне еще придется причинить ей боль, как бы сильно мне этого не хотелось.

Но что, если у меня не будет выбора?

Я откидываюсь на спинку деревянного стула и озираюсь по сторонам.

Скорей бы Бен с Тайрой вернулись.

Или Тим.

— Думаешь, ты когда-то сможешь... вновь быть счастливым? — голос Клем звучит тихо, и я едва различаю его сквозь шум вокруг.

Ее голова опущена, и через трубочку она потягивает свою колу, но я догадываюсь, что Клем просто избегает смотреть мне в глаза.

У Клем феноменальная способность ставить сложные вопросы.

— Я не знаю, — честно отвечаю я, с трудом узнавая свой голос. Мне кажется, чья-то невидимая рука сдавила мне горло. Я не могу открыто говорить о Дженни, но чувствую, что Клем хочет поговорить именно о ней.

Я знал, что рано или поздно это случится: кто-то обязательно поднимет тему моей покойной жены. Но всякий раз, когда это случается, я готов взорваться. Даже спустя два года я не готов обсуждать то, что произошло. Ни с кем. Даже с Клем.

Тем более с Клем.

— Не знаешь? — Клем оставляет в покое свою колу и поднимает взгляд на меня. — Но разве не естественно предположить, что однажды ты будешь счастлив? Тебе ведь только тридцать, так что...

— Черт возьми, Клем, я не знаю! — я повышаю голос и сжимаю руки под столом.

— Знаешь, не все люди на этой планете счастливы, — зло цежу я, пока Клем с примесью обиды и упрямства смотрит на меня. Моя вспышка раздражения так сильна, что я тут же забываю, что еще совсем недавно не хотел делать Клем больно. Поэтому я наклоняюсь вперед и продолжаю свою злобную тираду:

— Возможно, если ты снимешь свои розовые очки, то увидишь, сколько дерма вокруг! Перестань быть таким ребенком! Пора взрослеть, Клем.

Я замолкаю, а мое сердцебиение гулом отдается в ушах. Мое раздражение начинает понемногу испаряться, и на смену ему приходят муки совести.

Рот Клем упрямо сжат, но нижняя губа подрагивает, будто она вот-вот заплачет.

Я чувствую себя полным куском дерьма!

— Клем, извини, я не должен был...

— Иди в задницу, Люк! — резко обрывает меня она, и мои глаза становятся огромными от ее отповеди.

Что ж, лучше это, чем слезы.

— Не думай, что я идеализирующая мир дурочка! — Клем хлопает рукой по столу, а ее глаза возмущенно сверкают. На нас с любопытством посматривают с соседних столиков, но ей нет до этого дела, и она продолжает:

— Я в курсе, что мир далек от идеала. Но знаешь что? В следующий раз, когда будешь себя жалеть, вытащи свою голову из задницы и подумай, что не одного тебя жизнь наградила дерьмом.

Клем резко поднимается и скоро скрывается в толпе. Я более чем шокирован, чтобы следовать за ней.

В понедельник утром я собираюсь в офис мистера Сайласа. Я хмурюсь, находясь не в самом хорошем расположении духа. После нашей ссоры Клем попросила Тима отвезти ее домой, сославшись на головную боль, и нам больше не удалось поговорить.

Впрочем, вчера было сказано достаточно. И я все еще сердился на нее. И на себя.

Пока брился, умудрился три раза порезаться. О том, что на моем лице все еще остались кусочки туалетной бумаги, мне сообщила секретарша в приемной Гордона Сайласа.

Будто я чувствую себя недостаточно идиотом.

В офисе я провожу около часа, и мы обговариваем положение дел на данный момент. Прежде, чем я смогу продать дом, мне придется оформить чертову кучу бумажек. Если бы я взялся за это сразу после маминой смерти, все было бы проще. Но теперь я лишь могу называть себя придурком, что не сделал этого тогда.

От юриста я отправляюсь на Роуз-стрит, где Бен и его бригада делают ремонт в старом особняке Кренстонов. Друг пригласил меня воочию посмотреть, чем он зарабатывает на жизнь.

По дороге к особняку я прикидываю, как спросить Бена про Клем и при этом не вызвать подозрений.

Особняк Кренстонов один из самых старых в Диллане. Когда-то Кренстоны были самой богатой семьей в городе, но с каждым поколением денег становилось все меньше, пока не осталось вообще ничего и немногочисленные потомки не покинули эти места. Бен рассказывал, что его фирма купила дом чуть ли не по самой смешной цене, и, когда будет произведена реконструкция, доход от продажи превысит затраты в несколько раз.

Я застаю Бена в самый разгар работы. Он сдирает старые панели в большой гостиной на первом этаже. Где-то наверху слышатся удары молотка.

— Так это и есть великий особняк Кренстонов? — после приветствия говорю я, с интересом осматриваясь. На самом деле, везде видны следы активных ремонтных работ — ни намека на какое-либо величие.

— Хах, поверь, когда мы закончим, этот дом будет конфеткой, — убеждает меня Бен. На нем старые джинсы и майка, пропитанная потом и пылью.

Я с готовностью киваю.

— Верю.

Несколько минут мы обсуждаем мой визит к нотариусу, а потом ради забавы соревнуемся в умении забивать гвозди. Надо отдать Бену должное: он опережает меня, хоть и на долю секунды.

У Бена холодное пиво в переносном холодильнике, и мы выпиваем по бутылке, сидя на подоконнике большого витражного окна.

— Слушай, не обращай внимания на Клем, ладно? — вдруг говорит Бен, ковыряя ногтем этикетку бутылки.

— Ты это к чему? — я вскидываю брови, не зная, сама Клем ему что-то рассказала или Бен догадался.

— Ну, Клем иногда заносит, я-то уж знаю, — Бен как-то виновато улыбается. — Порой, она говорит, не подумав, а потом раскаивается.

Бен тяжело вздыхает, будто на него возложили непосильную ношу.

— Я знаю, что она тебе вчера кое-чего наговорила... Извини, она не должна была.

— Мы оба погорячились, — отпив из бутылки, признаюсь я. — Все нормально, не парся.

Я улыбаюсь, и хлопаю друга по плечу.

Лицо Бена облегченно расслабляется.

И в этот момент мы слышим громкое чертыханье в холле. Через пару секунд Клем, переполненная возмущением, вносится в комнату.

— Бенджамин, черт возьми, я в последний раз привожу твой ланч! Мне надоело работать твоим курьером, потому что твоя бестолковая голова...

Тут Клем замечает меня и резко замолкает, а мгновение спустя я вижу, как щеки ее заливают румянцем. Мы смотрим друг на друга, и, даже зная, что Бен может догадаться о моих чувствах к Клем, я не могу отвести от нее взгляд.

Потому что она прекрасна.

Черт возьми, я хочу все время смотреть на нее!

Впервые я вижу Клем в платье: оно сиреневое, длиной выше колен и, скорее всего, делового стиля. Я в этом не особо разбираюсь. Но оно чертовски идет Клем. Волосы ее совершенно ровные и свободно лежат на спине. А еще Клем на каблуках. Прежде я не видел ее на таком высоком каблуке.

Клем — женщина.

Только в этот момент я совершенно четко осознаю, что Клем женщина, а не ребенок.

Прекрасная, красивая женщина передо мной.

Вчера я сказал, чтобы она повзрослела, но был не прав. Клем давно перестала быть ребенком, только я все убеждал себя в обратном.

— Я не видела... твоей машины, — нарушает затянувшееся молчание Клем, сделав глубокий вздох.

— Я подъехал с обратной стороны.

Клем кивает, но между ее бровей залегает хмурая складка, будто Клем в растерянности.

Наверняка она не ожидала меня здесь застать, а после вчерашнего не желает меня видеть.

Я даю себе мысленного пинка.

— Так что ты там возмущалась? — Бен направляется к сестре, забирая у нее бумажный пакет с обедом.

— Я тебе в служанки не нанималась, — Клем смеряет его уничижительным взглядом. — Уже третий раз за последние две недели я вожу тебе ланч, потому что ты его забываешь. Между прочим, я трачу время из своего обеденного перерыва.

— Ладно, сестренка, не будь такой занудой, — Бен широко улыбается сестре. — Одна

твоя улыбка мистеру Моссу, и все будет отлично.

Клем фыркает.

— Знаешь, моему боссу совершенно нет дела до моих улыбок, — заявляет Клем.

Я думаю, что мистер Мосс, кем бы он ни был, полный болван.

— И вообще, Бен, я серьезно. В следующий раз заказывай пиццу, ее доставщик хоть деньги за это получает.

Клем все еще выглядит возмущенной, но запал пропал.

В этот момент раздается звонок телефона, и Бен достает мобильный из кармана джинсов. Глядя на экран, он улыбается, и я не сомневаюсь, что звонит Тайра.

— Привет, любовь моя, — мурлычет в трубку Бен, на что Клем закатывает глаза, а я усмехаюсь.

— Извините, ребята, — шепчет нам Бен, — но тут важное совещание по свадебным букетам.

Бен выходит из комнаты, и мы остаемся одни.

Опять.

— Извини, я...

— Прости меня...

Говорить мы начинаем одновременно, и так же замолкаем, улыбаясь друг другу виноватыми улыбками.

— Ты первая, — машу рукой я, уступая даме.

— Прости меня за вчерашнее, — с горьким сожалением бормочет Клем, подходя ближе. — Мне очень жаль, что я тебе наговорила вчера, — волнуясь, Клем начинает активно жестикулировать руками. — Я не должна была, не имела права.

Я поднимаю руку, чтобы она остановилась, потому что не хочу видеть ее самобичевание. Не хочу, чтобы она чувствовала себя так.

— Остановись. Я был виноват не менее, если не сказать, что сам начал. Я не должен был срывать на тебе. Так что это ты должна меня простить.

По лицу Клем я вижу, что она колеблется, все еще считая, что она виновата в нашей вчерашней ссоре. Но потом она кивает и с облегчением выдыхает.

— Хорошо, будем считать, что мы стоим друг друга. Но я рада, что ты не злишься на меня.

— Нет, не злюсь, — качаю головой я.

Серьезно, злиться на Клем порой бывает очень легко, но совершенно неправильно. Иногда Клем может вывести из себя своими словами, вопросами, непохожестью на других. Нежеланием быть такой, как другие. Клем не слишком считается с условностями, и, скорее всего, в этом и есть ее прелесть. Недостаток это или все же наоборот — я еще не решил.

— Так ты работаешь? — спешу спросить я, желая уйти от неловкой темы и быть на нейтральной территории. Я серьезно опасаясь, что Клем затронет тему, способную вновь привести нас к спору.

— Да, летняя подработка в страховой конторе мистера Мосса, — Клем смешливо морщится. — Ужасный зануда, но платит неплохо.

Я улыбаюсь, представив, что Клем с девяти до пяти работает чьим-то секретарем. Эта работа такая обычная, слишком нормальная для Клем.

— Я прав, если предположу, что выполняя курьерскую работу для Бена, сама ты еще не обедала? — засунув руки в карманы джинсов, прищурившись, спрашиваю я.

Клем тяжело вздыхает:

— Не ошибаешься.

— Тогда пообедаем где-нибудь?

Я предлагаю это, не давая себе возможности передумать. Возможно, моя идея не самая удачная, но я хочу сделать приятное Клем. Хоть на полчаса скрасить ее скучный рабочий день.

— Конечно, давай, — она широко улыбается. Если она и удивлена, то хорошо это скрывает.

Хотя скрытность и Клем вещи плохо совместимые между собой.

Мы прощаемся с Беном. Я спрашиваю Клем, куда бы она хотела пойти, и она предлагает ресторан морепродуктов на пристани. Его не было, когда я жил тут раньше, поэтому я следую за ней на джипе.

Когда мы входим в «Царство Нептуна», обеденный наплыв почти прошел и нас сразу же усаживают за свободный столик у окна. Ресторан оправдывает свое название декорированным залом под морское царство. Довольно уютно.

— Мило здесь, — осмотревшись, сообщаю я. — Надеюсь, еда не хуже обстановки.

— Не будь таким напыщенным, — закусив губу, фыркает Клем. — Здесь отлично готовят, а главное, все продукты первой свежести.

— Что? — я вскидываю брови в удивлении. — Это с чего же я напыщенный?

— А все вы из больших городов такие. Считаете, что маленький ресторанчик в провинции не сможет удовлетворить ваших гастрономических вкусов, и лишь попробовав, признаете, что были предвзяты. — Клем поднимает меню, пряча от меня проказливую улыбку.

Я не верю своим ушам.

— Больших городов? Привет, я почти весь год живу на авиабазе, — тыча большими пальцами себе в грудь, напоминаю я. — Мои гастрономические вкусы легко можно утолить супом из банки или китайской едой.

Клем улыбается и качает головой, все еще всматриваясь в меню. Она не видит, как лицо мое превращается в гримасу. Этот разговор в очередной раз напомнил мне, что теперь я живу один.

Теперь я вдовец.

Но так было не всегда — когда-то все было иначе.

Я быстро моргаю несколько раз, прогоняя непрошенные мысли. Сейчас не время.

К нашему столику подходит официантка:

— Добрый день. Меня зовут Амелия, и сегодня я буду обслуживать вас. Вы уже... Люк? Лукас Хантер, это правда ты?

Женщина с радостной улыбкой смотрит на меня, и, приглядевшись, я узнаю в ней Амелию Эктон, свою школьную подружку. Из рыжей она превратилась в блондинку, и многочисленный пирсинг исчез, поэтому я не сразу признал ее.

— Мел? — я тоже улыбаюсь и, поднимаясь, обнимаю старую подругу. — Ты здесь? — я в приятном удивлении смотрю на женщину, когда мы выпускаем друг друга из объятий.

— Я слышал, ты вышла замуж за парня из Шарлотт.

— О, из этого ничего не вышло, — Амелия кисло улыбается. — Он оказался негодяем, и я решила вернуться домой.

— Понятно, — спрашивать дальше я не решаюсь, посчитав, что у Амелии, как и у меня,

есть темы с печатью «табу».

— Мел, это Клем Стивенс, — опомнившись, быстро говорю я. Все это время Клем молча наблюдает за нами.

— Я знаю, сестра Бена, — Мел хлопает меня по плечу. — Это же Диллан, Люк. Здесь все знают всех и всё. Привет, Клем.

Мел тепло улыбается Клем, которая в свою очередь выглядит скованно, что редкость для нее.

— Привет, Амелия, — в ответ сдержанно кивает Клем.

Амелия торопливо царапает свой номер телефона на листике из блокнота, сказав, чтобы я непременно ей позвонил. После стольких лет нам есть о чем поговорить. Я обещаю, что обязательно позвоню.

Я действительно собираюсь это сделать.

После Клем заказывает суп с мидиями и жареные креветки, я же по совету Мел выбираю тушеные морепродукты.

— Так Амелия — твоя старая подруга? — спрашивает Клем после того, как Мел приносит наши напитки и отходит. Мне кажется, что голос ее звучит немного напряженно.

Я озадачен, гадая, что может быть тому причиной, ведь еще недавно она была такой непринужденной.

Только если...

Клем ревнует?

— Не просто подруга, мы встречались в старших классах, — рассеянно отвечаю я.

— О!

Больше Клем ничего не произносит, а начинает грызть хлебную палочку.

Черт!

Я не хочу, чтобы между нами была эта натянутость, но она постоянно возвращается.

Нам приносят еду, которая оказывается очень даже вкусной, и минуты две мы едим в молчании.

Клем не выдерживает первой:

— Так эта была любовь или просто желание удовлетворить потребности бушующего гормонами тела?

Моя вилка выпадает из рук.

Моя челюсть где-то в районе моих ботинок.

— Что? — я ошеломленно глазею на Клем, но она сохраняет полнейшее спокойствие. Можно подумать, что спрашивает она как бы между делом, чтобы поддержать беседу.

— Клем, такие вещи не принято спрашивать.

— А что? — Клем дергает плечами. — Что не так с вопросом? Это сложно — ответить?

— Когда это касается тебя — да, — признаюсь я. — Знаешь, что не так с вопросом?

Формулировка и содержание.

Клем нетерпеливо фыркает.

— Ладно. Ты любил ее? — она вопросительно выгибает брови. — Это простой вопрос.

— Я не знаю, Клем, — я обреченно вздыхаю, понимая, что она не отстанет. — Нам было по шестнадцать. Что мы знали о любви? Возможно, я и любил, насколько это доступно в этом возрасте.

— А ты считаешь, что в шестнадцать невозможно влюбиться так, чтобы на всю жизнь?

Голос Клем звучит очень тихо, а ее голова опущена. Она водит ложкой в супе, но

кажется, что еда ее больше не интересует.

Зараза!

Ну почему, почему любое мое слово в разговоре с Клем оборачивается против меня?

— Наверное, что возможно, но мне лично это неизвестно.

Клем оставляет в покое остывший суп, поднимает голову и смотрит на меня долгим взглядом, но не произносит ни звука.

Мое сердце буквально пропускает удар, я моргаю и первым отвожу взгляд.

Твою мать!

Я со страхом ожидаю, что сейчас Клем скажет то, чего я не хочу слышать, но она хмыкает и возвращается к своей еде.

Я не знаю, сколько еще мы сможем балансировать на краю пропасти.

Если бы не дела, требующие моего здесь присутствия, меня бы уже давно не было в Диллане.

— Ты здесь часто бываешь? — спрашиваю я, когда молчание более чем затягивается. Но возможно, это только меня заставляет нервничать?

— Угу, — Клем кивает. — Мы с Тимом любим сюда приходить.

Голос Клем звучит спокойно, и при упоминании моего двоюродного брата ее интонация не меняется.

Замечая это, я осознаю, что рад своему наблюдению.

Невероятно, но я полон противоречий, когда речь идет о Клем.

— Так вы лучшие друзья, да? — спрашиваю я, хотя Клем уже говорила мне об этом.

— Они самые.

Клем улыбается краешком губ.

Я понимающе киваю, а потом произношу слова, за которые в следующую секунду готов убить себя:

— Тим влюблен в тебя.

Клем молчит, потом на секунду прикрывает глаза и кивает.

— Я знаю, — её голос звучит приглушенно.

— Знаешь?

Собственно, я не удивлен. Только слепому не видно, какие чувства Тим питает к Клем.

— Давно?

— Не знаю, всегда, — Клем качает головой. — В детстве это была милая привязанность, но когда стали старше, я заметила, что все изменилось. Все стало серьезно. Я знала, что Тим ждет от меня взаимности, хотя вслух о своих чувствах не говорил. Наверное, боялся, что если я не отвечу, то вместе с отказом дружба будет потеряна. А я всячески избегаю этой темы.

— Почему?

— Почему? — Клем грустно улыбается. — Потому что трусиха. Потому что я не хочу делать ему больно.

— Потому, что его сердце будет разбито, если он спросит? — догадываюсь я.

Клем кивает.

— Возможно, есть вещи, которые не следует трогать? — тихо говорю я.

Несколько секунд Клем смотрит мне в глаза, и на этот раз я не отвожу взгляд.

Да, порой у нас есть слова, произносить которые не следует. Просто потому, что кого-то они могут ранить.

— Я тебя поняла, — Клем заставляет себя улыбнуться, но я вижу затаенную боль в глубине ее глаз.

Чувствуя себя полным ничтожеством, я расплачиваюсь по счету, оставив Мел щедрые чаевые, и мы выходим на улицу. Людей на пристани в этот час очень мало, погода слишком жаркая для комфортной прогулки.

Клем кажется задумчивой, и я корю себя за то, что решился озвучить скрытое предупреждение. Клем слишком умна и все поняла правильно.

— Спасибо за обед, — Клем останавливается возле своей машины. Ее пальцы терпят ремешок сумки, а взгляд блуждает в стороне океана.

— Пожалуйста. Мне было приятно, — не без самопринуждения произношу я принятую фразу. Довольно безлико, ни к чему не обязывающе, и теперь мы можем разъехаться в разные стороны.

Но истина в том, что мне хочется коснуться ее лица. Почувствовать ее кожу на ощупь, ведь я уверен, что она такая же нежная, как и на вид. Хочу запустить пальцы в ее волосы, похожие на тонкий шелк.

Мне хочется вновь увидеть радость в ее глазах, потому что, когда Клем улыбается, мне кажется, что мир становится чуточку лучше.

С ней я становлюсь немного лучше.

Но, пока я думаю, пока борюсь с собой, Клем для себя что-то решает. Она отпускает ремешок сумки, переводит взгляд на меня и неожиданно порывисто обнимает меня.

Я слишком высок для нее — даже на каблуках Клем приходится подниматься на носочки.

— Я очень скучала по тебе, Люк, — на ухо шепчет мне Клем, и ее теплое дыхание щекочет мне шею. — И я всегда о тебе помнила.

Клем отстраняется, только чтобы посмотреть мне в глаза.

— Просто хотела, чтобы ты знал.

С этим Клем садится в машину и уезжает.

Я продолжаю стоять, чувствуя, как моим рукам чего-то ощутимо не хватает. Я слышу запах лимонов и мяты — так пахнет Клем.

Проходит несколько минут, или может часов, а может и целая вечность, прежде чем я сажусь в джип, но не трогаюсь с места.

Я кладу руки на руль и опускаю на них голову.

Достаточно ли двух лет, чтобы пережить утрату?

А трёх дней, чтобы влюбиться?

— Аманда приезжает в воскресенье, — сообщает мне Тим, разминаясь с баскетбольным мячом.

Сейчас полдень пятницы и мы пришли в парк на городскую баскетбольную площадку, открытую для всех желающих. Сейчас здесь кроме нас двоих никого нет.

— Отлично. Давно мы с ней не виделись.

Тим передает мяч мне, и я посылаю его в корзину. Короткий точный бросок — отголосок старых школьных тренировок.

Аманда — старшая сестра Тима. Наша с ней разница в возрасте составляет один год — я старше. Мы всегда хорошо ладили, и по правде сказать, она была моим самым близким человеком из родни.

Вот уже семь лет Менди с мужем и двумя детьми живет в Чикаго, и видимся мы нечасто, хотя регулярно перезваниваемся. Менди была, наверное, единственным человеком, с кем я мог (и хотел) говорить после смерти Дженнифер.

Теперь, когда Тим сказал о ее приезде, я понял, как сильно соскучился по ней.

Возможно, я даже расскажу ей о Клем: о том, в каком беспорядке пребывают мои мысли с тех пор, как я встретил ее. Менди всегда была моим советчиком, человеком, к которому я мог прийти за советом, зная, что меня выслушают и поймут.

Но, пока что это кажется сомнительным. Не знаю, хватит ли у меня духу во всем сознаться даже перед Менди.

Вот уже четыре дня я не видел Клем, с того обеда в понедельник. Все это время я посвятил разбору вещей и бумаг, скопившихся за мамину жизнь. В городе я показывался редко, намеренно избегая Клем. Я решил, что мне необходимо дистанцироваться от нее. Когда она рядом, я не могу ясно мыслить и забываю о том, что действительно важно.

Клем сбивает меня с толку. С ней я начинаю забывать, что моя жена — женщина, которую я любил так сильно, что порой это причиняло боль — больше не со мной. У меня нет возможности видеть ее каждый день своей жизни: просыпаться вместе каждое утро и засыпать; я не могу прижать ее к себе и сказать, как же сильно я ее люблю.

Я не смог уберечь Дженни, и чувство вины впредь будет со мной до конца моих дней.

Я не хотел, чтобы рядом со мной кто-то еще пострадал.

— Как думаешь, она не слишком молода для жемчуга?

— Что?

Вопрос Тима ставит меня в тупик, потому что, задумавшись, я прослушал начало разговора.

— Люк, вернись на землю, — усмехается Тим и посылает мяч в корзину, но промазывает.

Я оставляю комментарий без внимания и терпеливо жду, когда он повторит вопрос.

— Клем не слишком молода, чтобы дарить ей жемчуг? То есть, мне всегда казалось, что его носят те, кто родился не позже, когда Никсон был президентом. — Тим нервно усмехается, но за его напускной веселостью я вижу, что тема для него важна.

Он по уши влюблен в Клем, только чувство это безответно.

Я вспоминаю, как сам несколько дней назад думал, что люблю ее. Позже, все тщательно

проанализировав и не достигнув особого результата, я решил, что никак не могу быть влюблен в Клем. Я испытывал разные чувства к ней, но это не была любовь.

Но мне казалось, что я мог бы полюбить Клем.

Если бы моя жизнь не была разбита, а душа раздроблена на миллион кусочков, я мог бы любить ее.

Ее было просто любить.

— Почему ты собрался дарить ей жемчуг? — я намеренно не произношу имени Клем, боясь, что мой голос как-нибудь выдаст меня.

— Но ведь должен же я подарить ей какой-то подарок на день рождения, — Тим закатывает глаза, отчего кажется еще моложе своего двадцати одного года, в то время как я чувствую себя по-настоящему старым.

— И когда ее день рождения? — вертя в руках мяч, спрашиваю я, скрывая свой интерес за деланным безразличием.

— Тринадцатого, в следующую субботу. Будет что-то вроде сюрприз-вечеринки, но подозреваю, что Клем и так уже о ней знает, — Тим усмехается и неожиданно я тоже.

Не сомневаюсь, что Клем в курсе всего.

— Ты тоже должен прийти. Клем будет рада.

В этом утверждении я сильно сомневаюсь.

— О'кей, так почему все-таки жемчуг? — спрашиваю я, дабы не давать определенного ответа.

Я не уверен, что мне стоит идти на вечеринку Клем, даже если она этого и хотела бы.

— Я хочу подарить ей что-то особенное, понимаешь? — Тим отводит взгляд и ерошит свои русые волосы, уже требующие стрижки. — Не просто какую-то ерунду, а что-то, на что она будет смотреть и думать обо мне.

Я подавляю вздох, когда голос Тима ломается на последнем предложении. Сейчас мне жаль, что Клем не испытывает к нему тех же чувств.

Тогда многое было бы куда проще.

— Ты должен сказать ей, Тим.

— Что ты... — Тим замолкает на полуслове, когда я взглядом даю понять, что все знаю.

Да, Клем не хочет этого слышать. Не хочет, потому что знает, что как только она отвергнет Тима, их дружбе придет конец. Но он не может всю жизнь провести влюбленным щенком перед ней. Никто из них этого не заслуживает.

— А если она скажет «нет»?

— Тогда ты будешь знать, что был честен с ней и собой, — я пожимаю плечами. — Пока ты не задашь вопрос, то не услышишь ответ на него.

Я разворачиваюсь спиной к Тиму, делая вид, что готовлюсь к броску. На самом деле, я не хочу, чтобы он видел мое лицо в этот момент.

Мне кажется, что на моем лбу краснеет надпись «лицемер».

В семь вечера я выхожу из дома и сажусь в машину. Мое лицо свежевыбрито после того, как станок три дня не касался его. На мне тонкий коричневый свитер и черные слаксы. В руке бутылка красного вина, которую я купил ранее в магазине.

Я приглашен на ужин к Амелии. В среду я позвонил ей, и мы договорились на пятницу, так как это ее выходной в ресторане.

Амелия живет одна в небольшом коттедже на западе города. Прошло три года, как ее

брак разладился, и она решила вернуться в Диллан.

За стойком, печеным картофелем и салатом мы разговариваем, вспоминаем прошедшие годы юности и смеемся.

Я коротко говорю, что был женат, но моей жены не стало, не вдаваясь в подробности. К моему облегчению, Амелии они не нужны, и мы оставляем эту тему. Ее неудачный брак тоже не та тема, которую она хочет обсуждать, поэтому мы хорошо понимаем друг друга.

После ужина мы берем наш десерт — персиковый пирог — и выходим на деревянное крыльцо. Стоит еще один удивительный августовский вечер, принесший с собой свежую прохладу после удушливого, раскаленного дня. Начинает смеркаться, и появляются редкие звезды, но скоро совсем стемнеет и ими будет усыпано все небо.

Несколько минут мы сидим в уютной тишине, слушая пение сверчков и стрекот цикад, наслаждаясь пирогом и кофе.

Мне всегда было комфортно рядом с Амелией. Даже когда встречались, мы были больше друзьями, чем любовниками. Наша пара просуществовала чуть больше года, но расстались мы спокойно, сохранив при этом дружбу.

— Ты точно решил продавать дом? — сделав глоток кофе, спрашивает меня Мел. — Не думал, чтобы вернуться в Диллан?

— Нет, — я усмехаюсь краем губ. — Я слишком долго был вне этого города и уже привык, что моя жизнь — это авиабаза и самолеты.

— Ты всегда любил риск, всегда хотел вырваться из Диллана, чтобы покорить мир, — склонив голову на бок, задумчиво говорит Амелия.

Я пожимаю плечами.

— Мир — это слишком амбициозно. Но небо я покорил, — шучу я, и мы с Мел смеемся.

Мы разговариваем еще около получаса, и, когда совсем темнеет, Мел предлагает сходить в бар Джо.

В память о старых, добрых временах, и потому что еще не хочу прощаться с Мел, я соглашаюсь.

— Эта твоя причёска, когда ты выкрасил волосы в зеленый, была просто ужасной, — смеясь, заявляет Бену Амелия, на что тот недоверчиво качает головой.

— Ничего подобного! — Бен машет в воздухе пальцем. — Ничего подобного. Она была крутой, писк моды. Ну, для середины девяностых, конечно.

— Милый, я видела фото, — едва не прыскавая от смеха, произносит Тайра, — и Мел права. Отвратительная была причёска, а цвет еще ужасней.

Тут мы все хохочем, и даже Бен не выдерживает.

Вчетвером мы сидим за столиком в «Пристанище Джо», пьем пиво и разговариваем, частенько подначивая Бена. В юности он натворил достаточно глупостей, и нам есть что вспомнить.

Оказалось, что Мел и Тайра подруги, так что не было никакой неловкости. Мы все чувствуем себя свободно друг с другом.

— Господи, а ведь ты с этой причёской пришел на школьные танцы, но ни одна девчонка не захотела с тобой танцевать, — давясь от смеха, вспоминает Амелия. Мы вновь начинаем веселиться, когда Клем входит в бар, и, на секунду остановившись, осматривается.

Она замечает нас, и на мгновение наши взгляды пересекаются, но Клем почти сразу

отворачивается и подходит к барной стойке.

Я замечаю, как несколько пар мужских глаз смотрят оценивающе ей вслед.

Я хмурюсь, и мои кулаки непроизвольно сжимаются.

О чем она, черт возьми, думала, надев на себя эту короткую джинсовую юбку, белую облегающую майку и ковбойские сапожки? Она сейчас как красная тряпка перед мордой быка.

В это время Клем облакачивается о стойку и слегка поддается вперед, отчего ее юбка опасно задирается.

Мои зубы громко клацают, и я крепче сжимаю бутылку, сдерживая себя, чтобы не вскочить и не выволочь Клем из бара, а потом, когда мы останемся одни, задать ей хорошую трепку. Чисто в воспитательных целях.

И никаких сексуальных фантазий про сестру Бена.

«Ага, Хантер, напоминай себе это почаще».

— Я убью ее! — шипит Бен, только сейчас заметив Клем. Он срывается с места, хватая ее за предплечье и тянет недовольную Клем к нашему столику.

— Привет всем, — Клем машет нам, делая попытку улыбнуться, но я замечаю, как ее губы чуть подрагивают, будто она готова расплакаться на месте.

— Какого черта ты на себя нацепила? — почти вопит Бен, усадив Клем на стул. — Ты хоть понимаешь, что притащилась в бар, полный мужиков, почти без одежды?

— Боже, Бен, не устраивай сцен, — Клем опускает глаза на свои сцепленные пальцы, и ее голос чуть вибрирует, хотя она и старается говорить непринужденно. — На Тайре одежды не на много больше, чем на мне, — Клем указывает на короткое платье невесты брата, но Бен отменяет этот аргумент.

— Тайра почти замужняя женщина, а ты просто девчонка, которая своим видом дразнит мужиков из бара.

— Дорогой, успокойся, — просит Тайра, сжав плечо Бена.

— Девчонка? — Клем впивается грозным взглядом в брата, и ее щеки пылают от возмущения. — А ты просто болван с шовинистскими замашками! Когда ты уже поймешь, что я больше не ребенок, а взрослый человек, способный мыслить самостоятельно?

Клем тяжело дышит, с болью в глазах глядя на Бена, но тот лишь качает головой и отводит взгляд.

Я чувствую возникший ком в горле. Мне хочется взять Клем за руку и увести ее отсюда.

— Возможно, когда ты будешь вести себя как взрослый, ответственный человек, — наконец говорит Бен уже более спокойно. — Пока что ты демонстрируешь обратное.

Клем растерянно хмурит брови.

— И что это должно означать?

— Бен, не надо... — пытается остановить жениха Тайра, но ничего не выходит.

— Я знаю про обморок на этой неделе, — заявляет Бен, обличительно сузив глаза на Клем. — Ты опять забыла принять лекарство, и, если бы не Тайра, Бог знает, что могло произойти.

Ничего не понимая, я впиваюсь взглядом в Клем.

Лекарство?

Клем больна?

Я чувствую, как мое сердце гулко грохочет в груди.

Клем тем временем прячет лицо в ладонях и злобно шепчет:

— Заткнись, Бен. Ради Бога, просто заткнись!

Бен поджимает губы и с преувеличенным интересом начинает разглядывать входную дверь.

— Прости, Клем, — Тайра сокрушенно глядит на девушку. — Но я волновалась за тебя, потому и сказала ему.

Клем закусывает губу, и, ничего не ответив, лишь качает головой.

— Почему ты здесь одна? — очевидно решив сменить тему, вдруг спрашивает Бен. — Разве ты не собиралась в кино с Тимом?

— Мы с Тимом поссорились, — сухо сообщает Клем, смотря в сторону. — И теперь мне не на чем добраться домой.

Так вот, значит, по какой причине Клем появилась в баре одна на грани слез.

— Что?! И этот засранец бросил тебя одну? — кипятится Бен, потом смотрит на меня и быстро добавляет:

— Прости, друг.

— Все нормально, — заверяю я Бена. Сейчас я и сам всыпал бы Тиму за то, что оставил Клем ночью одну.

Но тут меня осеняет, что, возможно, я сам виноват в том, что Клем с Тимом поссорились.

— Что случилось? — допытывается у сестры Бен. — Из-за чего вы поссорились?

Клем упрямо качает головой.

— Я не хочу об этом говорить. Ты дашь мне свою машину? Я домой хочу.

— Я ее не брал, мы приехали на машине Тайры. Я собирался остаться у нее. Но мы отвезем тебя.

— Я могу это сделать, — быстро предлагаю я, напрочь забыв о решении держаться от Клем подальше. — Я тебя подвезу.

Я смотрю на Клем, но не могу понять по ее лицу, рада она этому или недовольна.

Вот черт, Амелия!

— Только, наверное, сначала мы отвезем Амелию, — я смотрю на свою подругу, чувствуя себя виноватым. — Или, наоборот, сначала завезем Клем.

— Тебе это совсем не по пути, — напоминает Тайра. — Мы подвезем Мел, она живет недалеко от моего дома.

— Все нормально, Люк, — Амелия улыбается, видя колебания на моем лице. — Я могу доехать с Тайрой и Беном. К тому же, так действительно будет удобно.

— Отлично! — Клем поднимается со стула, и резкость ее движений выдает нетерпение. — Если вы разобрались, тогда едем. Я, правда, очень хочу домой.

Клем разворачивается и идет к выходу, не сказав больше ни слова. Очевидно, что она очень расстроена, ведь грубость не черта, присущая ей.

Прощаясь с друзьями, я выхожу за Клем на улицу. Она шагает по стоянке к джипу, и я ускоряюсь, чтобы догнать ее.

— Что произошло между тобой и Тимом? — нагнав ее, спрашиваю я.

Плечи Клем напряжены, она резко качает головой.

— Ничего. Не хочу об этом говорить.

— Перестань! — я хватаю руку Клем, стараясь не причинить боль, но удержать на месте. Слишком поздно я понимаю, что допустил ошибку. Даже малейший физический контакт с Клем нежелателен.

Ее кожа гладкая и нежная на ощупь, и мои пальцы начинает буквально покалывать от соприкосновения с ней. Невинное, на первый взгляд, прикосновение заставляет меня замолчать, в то время как душу готово вывернуть наизнанку.

Лишь спустя несколько долгих мгновений я замечаю, что Клем затаила дыхание и, словно чего-то ожидая, смотрит на меня. Она не делает попыток вырваться, хотя сейчас это не составило бы ей труда.

— Извини, — я выпускаю ее запястье, при этом чувствуя укол сопротивления внутри, и нахмурившись, отступаю.

— Ничего, — Клем отворачивается, но я успеваю заметить разочарование в ее глазах.

Могу ли я быть большим идиотом, чем сейчас?

— Скажи мне, из-за чего вы с Тимом поссорились? — я хочу знать правду, потому что, возможно, именно я инициатор этого разлада.

Черт, неужели я должен чувствовать вину еще и из-за этого?

Несколько секунд Клем молчит, недовольно сопя, и я уже думаю, что она так ничего и не ответит, когда Клем с шумом выдыхает и произносит:

— Он сказал мне. Сказал, что любит меня, и мне пришлось разбить ему сердце. Доволен? — Клем шмыгает носом и стискивает зубы, сдерживая слезы.

Мне хочется убить себя на месте. Я чувствую боль Клем. Вижу ее.

Какого черта я не держал свой язык за зубами?

— Мой лучший друг, который очень дорог мне, с которым мы через столько всего прошли, сегодня предложил мне свое сердце, — Клем прижимает руки к груди и больше не пытается остановить слезы. — А я просто его растоптала. Понимаешь? Я ненавижу себя за это!

Я тяжело сглатываю и провожу ладонью по волосам.

Черт! Черт! Черт!

— Пошли, я отвезу тебя домой.

Клем забивается в угол Джипа и дает волю слезам. С тревогой поглядывая на нее, я молча веду авто, кляня себя последними словами.

Через несколько минут судорожных всхлипов Клем достает телефон и дрожащими пальцами нажимает кнопки.

— Пожалуйста, Тим, возьми трубку, — с мольбой шепчет Клем, зажмурив глаза. — Пожалуйста, пожалуйста!

Вызов заканчивается, и Клем набирает вновь, но на том конце только длинные гудки. После трех неудачных попыток Клем убирает мобильный и, спрятав лицо в ладонях, делает глубокие вдохи.

Мое волнение возрастает, когда я вспоминаю слова Бена об обмороке Клем. Вдруг это опять случится? Что я должен буду делать, когда даже не знаю, что за проблема у Клем.

— Ты в порядке? — решаюсь спросить я, когда мы подъезжаем к дому. Везде темно, если не считать лампочки на крыльце.

— Нет, — Клем убирает ладони от лица. — Но буду. Спасибо, что подвез меня.

Клем открывает дверь и выпрыгивает из машины. Я делаю то же самое. Мне неспокойно, и я не могу просто взять и уехать.

— Клем, дома есть кто-нибудь? — спрашиваю я, поднимаясь за ней на крыльцо.

— Нет, родители на ярмарке в Бивер-Фоллз, вернутся в воскресенье, — Клем нервно кусает нижнюю губу. — Но так даже лучше, не хочу объяснять им, что произошло.

Я думаю, что мне надо во всем признаться, но медлю. Клем наверняка посчитает меня предателем и будет права.

— Возможно, тебе не стоит оставаться сегодня одной? — только сказав это вслух, я понимаю, как двусмысленно прозвучала фраза.

Я потираю шею — признак беспокойства и смущения; и смотрю куда угодно, только не на нее. Но Клем так расстроена, что ничего не замечает.

— Все нормально, Люк. Я уже большая девочка. Но, — внезапно Клем оживляется, и я почти уверен, что она себя заставляет, — не откажись от компании для кофе. Будешь?

Очень сомневаюсь, что вправе принимать ее приглашение, я, тем ни менее, все равно соглашаюсь.

Мы проходим на уютную кухню в стиле кантри, и Клем начинает готовить кофе.

Она ставит свежий фильтр, насыпает кофе, заливает воду. Клем выглядит очень сосредоточенной, но, судя по хмурой складке между ее бровей, мысленно она где-то далеко от этого места.

— Что ты будешь делать, если вам с Тимом не удастся...договориться? — как можно более нейтральным тоном спрашиваю я, облокотившись о кухонный стол.

— Я не знаю, — Клем расстроено поджимает губы. — То есть, я почти уверена, что нашей дружбе конец. Потому что я не знаю, как тут о чем-то можно договориться.

Клем наливает мне полную чашку кофе.

— Больше никогда ничего не будет прежним. Даже если мы сделаем вид, что этого признания не было, все не может быть как раньше. Теперь, когда правда озвучена, есть либо «да», либо «нет», — Клем вздыхает. — А я сказала «нет», я выбрала.

Плечи Клем поникли, и она поморщилась, будто испытывая физическую боль.

Ладно, сейчас я сделаю еще хуже.

— Думаю, я знаю, почему Тим выложил карты на стол сегодня, — с нажимом произношу я.

Клем непонимающе хмурится.

— Ты о чем?

— Возможно, — я смотрю на шкафчик за спиной Клем, избегая ее пронизательного взгляда, — это я подсказал ему эту идею.

— Что?! — Клем делает несколько шагов в моем направлении, все еще не понимая. — Это как же?

— Сегодня, когда мы играли в баскетбол, Тим признался, что влюблен в тебя, — я решил не уточнять, что заставил его признаться. — И я посоветовал ему все тебе рассказать.

— Что ты сделал? — голос Клем дрожит, а глаза недоверчиво смотрят на меня. — Какого черта ты это сделал?! — в одно мгновение ее лицо меняется, когда смысл сказанного полностью доходит до Клем. Глаза пылают яростью.

— Извини, — тихо прошу я, понимая, что этого мало. Одного «извини» недостаточно, чтобы исправить то, что я натворил.

— Боже, это невероятно! — Клем недоуменно усмехается, качая головой. — Ты такой лицемер, — Клем запускает руку в волосы и разочарованно глядит на меня.

— Лицемер?

— О, да! — Клем недобро улыбается. — Ты так стараешься беречь свою жизнь от постороннего вмешательства, боишься хоть кого-нибудь подпустить к себе ближе той дистанции, что ты установил между собой и миром. Ты — это сплошные табу и запреты. Но

почему-то ты посчитал, что имеешь право лезть в дело, которое тебя совершенно не касается!

— Это не так, — желая, защититься от ее обвинений, цежу я. Я чувствую, что должен сказать что-то в свое оправдание, потому что в глубине души понимаю — Клем права.

— Я просто не хотел смотреть, как Тим изводит себя от своей неразделенной любви к тебе, — выдаю я первое, что приходит мне в голову, но даже для меня это звучит неубедительно.

— Правда? — Клем скрещивает руки на груди, а ее взгляд со злостью впивается в меня. — Причина в этом?

— Да, — я киваю, но знаю, что она чувствует мою ложь.

— То есть, ты просто решил разыграть карту старшего брата? — Клем еще ближе подходит ко мне.

— Я ничего не разыгрывал. Просто в тот момент я решил, что должен ему что-то сказать.

Я тру перенощицу, чувствуя, как моя голова начинает раскалываться от боли.

Черт! Как меня угораздило вляпаться в такое дерьмо?

— А я удивлена. Оказывается, порой ты бываешь очень разговорчив, — голос Клем сочится сарказмом, и я понимаю, что мы еще не закончили.

— Если так, Люк, то возможно, ты и мне хочешь что-то сказать? — Клем делает паузу для глубокого вдоха. — Тебе есть, что мне сказать?

— Что ты хочешь, чтобы я сказал? — мой голос повышается, потому что внезапно я и сам начинаю злиться. — Ты считаешь, что я никого к себе не подпускаю? Ну, так ты права, за единственным исключением. Кажется, я совершил ошибку, подпустив недавно кого-то слишком близко!

Я тут же жалею о сказанных в запале словах, потому что в момент, когда они срываются с языка, ее лицо искажается от боли. Я готов убить себя и уже собираюсь в очередной раз просить прощения, как вдруг взгляд Клем становится твердым — и в следующую секунду мне хочется задушить ее, потому что Клем произносит:

— Может, расскажешь мне про свою жену, если мы в таких отношениях, когда ты считаешь возможным давать советы касательно моей жизни?

Мое дыхание сбивается, и мне кажется, что чей-то бетонный кулак с размаху врезается в мой живот.

Голос Клем холоден, а взгляд непреклонен. Мне хочется схватить ее за плечи и трясти до тех пор, пока не клацнут зубы. Заставить ее заткнуться, и никогда, никогда! не говорить о Дженни.

— В чем дело, Люк? — Клем выгибает брови, когда я так ничего и не говорю. — Что ты молчишь? Ты не считаешь нужным хоть что-то сказать?

Мои кулаки сжимаются, а по лицу ходят желваки. Красная пелена застит мне глаза.

— Давай, Люк. Сейчас. Я хочу об этом поговорить.

— Замолчи.

Воздух с шумом покидает мои легкие, и, когда внутри начинает печь, я понимаю, что задерживал дыхание. Мой голос тих, но буквально вибрирует от едва сдерживаемой ярости.

— Замолчать? Ты хочешь, чтобы я замолчала? Почему же ты не сказал этого себе, когда говорил с Тимом? Какого черта ты думаешь, что можешь приехать сюда и делать все, что хочешь? Ты знал, как боялась я того, что однажды Тим все мне скажет. Знал, как я не хотела

причинять ему боль.

Я знал, что облажался, но в этот момент я все еще чертовски зол на нее, поэтому я молчу, и наше тяжелое дыхание выдает степень нашего гнева друг на друга.

— Я виноват, — стиснув зубы, выдыхаю я, — но ты не понимаешь, о чем говоришь.

— Серьезно? — плечи Клем дергаются. — Тогда объясни мне. Как я могу что-то понять, если ты ничего не говоришь? Ты. Никогда. Ничего. Не. Говоришь! — голос Клем срывается, и слезы дрожат на кончиках ресниц.

— Потому что я не хочу говорить об этом! — я с силой хлопаю ладонью по столу за спиной Клем. — Я не могу говорить об этом. Это чертовски паршиво, Клем. И это не то, что люди хотят слышать.

Наши лица слишком близко, и я вижу, как расширились от страха ее зрачки. Наверное, мои сейчас такие же.

— Я хочу это услышать, — без прежнего запала бормочет Клем.

Внезапно, я криво усмехаюсь, сдаваясь. Гнев покидает меня, сменяясь пустотой.

— Что ты хочешь узнать? Хочешь знать, как она умерла?

Взгляд Клем выражает тревогу и испуг, мой же не предвещает ничего хорошего.

— Я расскажу тебе.

Я беру хрупкие кисти рук Клем и подношу их к глазам. Сквозь тонкую кожу я вижу голубую паутину вен.

— Она перерезала себе вены. Сделала вертикальные надрезы, чтобы кровь вытекала быстрее, и у меня не было шанса ее спасти. Моя жена покончила с собой, Клем. — я безжалостно смотрю в ее глаза, когда из них начинают катиться слезы. — Ты это хотела узнать, да, Клем? Или ты желаешь подробностей?

— Люк...

Клем пытается остановить меня, но я продолжаю:

— Знаешь, какого цвета стал наш голубой кафель в ванной в тот день, когда моя жена зашла туда, чтобы вскрыть себе вены?

Я не замечаю, как мои руки сильнее сжимают запястья Клем. Мне кажется, я горю. Волна жара окатывает меня от макушки до стоп. Огонь, пожирающий меня в первые месяцы после самоубийства Дженнифер, разгорается с новой силой.

— Пожалуйста, Люк, — о чем-то умоляет меня Клем, пытаюсь выкрутиться из моих рук, но сейчас я глух ко всему. Все, чего я хочу, это чтобы чертов огонь выжег все, что еще заставляет меня чувствовать.

— Я никогда не видел столько крови, — быстро говорю я, и мои глаза видят не Клем, а ванную, залитую темной, липкой кровью и Дженни в красной воде. — Темная, почти черная, она была повсюду. Даже сейчас я чувствую тяжелый запах металла и ржавчины. Он всегда будет преследовать меня.

— Перестань, Люк. Пожалуйста, не надо.

Плач Клем прорывается ко мне сквозь красную пелену, которая заволочла мое сознание. С ужасом осознаю, что причиняю ей боль и резко отшатываюсь, выпуская запястья Клем из рук.

Клем дрожит и, оказавшись свободной, бессильно прислоняется к столу. Ее веки закрываются в попытке остановить слезы.

— Ты это хотела услышать? — холодным голосом спрашиваю я, сейчас не находя в себе сочувствия к ней. Она вынудила меня сказать все это вслух. То, что я так тщательно хранил,

благодаря ей вырвалось наружу.

Клем молчит, и ее веки по-прежнему прикрыты. Мне бы уйти, и покончить с этим чертовым вечером, но в этот момент я беспощаден.

— Узнала, что хотела, Клем? Надеюсь, я ответил на твои вопросы, и твое любопытство удовлетворено.

Я подхожу ближе, и Клем распахивает глаза, с видом запуганного кролика глядя на меня. Ее грудь быстро поднимается и опускается.

— Надоедливая, любопытная девчонка. Теперь мы в расчёте? — ядовито выплевываю я, после чего оставляю поверженную Клем одну.

Все еще в бешенстве, я уезжаю от Клем, на пределе гоня по пыльной дороге.

Мой пульс скачет, зубы стиснуты, а руки до боли в ладонях сжимают руль.

На очередном повороте джип едва не заносит, и только тогда я сбавляю скорость. Еще через несколько метров я съезжаю на обочину и заглушаю двигатель.

Гнев в полной мере бурлит во мне, требуя выплеска. В бессильной злобе я несколько раз бью по рулю, потом выскакиваю из машины и принимаюсь вышагивать по краю дороги, делая глубокие вдохи-выдохи, чтобы успокоиться.

Я сожалею, что поддался на провокацию Клем. В тот момент, когда почувствовал, что начинаю терять контроль, следовало просто уехать. Но я не сделал этого. Я позволил ей увлечь себя туда, где просыпается моя темная сторона.

После похорон и короткого расследования я ни с кем не говорил о самоубийстве Дженнифер. Я наложил на эту часть своей жизни тяжелую печать молчания, зная, что если постоянно буду к этому возвращаться, то сойду с ума. Даже с собой я не был откровенен до конца, предпочитая считать, что моя жена просто умерла, без уточнения причин. Но это было после, после долгих месяцев самокопания, когда я пытался понять, почему, почему Дженни решила на этот шаг? Где я недоглядел, не заметил, что все движется к столь печальному финалу? Неужели в сознании Дженнифер было все так безнадежно, что она не видела смысла и возможности жить дальше?

День за днем, неделю за неделей и месяц за месяцем я искал ответ на вопрос — и не находил его. Я бродил по пустой квартире, вслух произнося лишь одно слово «почему», но ответом мне была тишина. Человек, который мог бы назвать мне причину, больше никогда не заговорит: она была мертва. Моя жена была мертва.

Но потом я запретил себе думать об этом и пытаться найти ответ. Потому что это было невозможно.

Невыносимо.

Разрушительно.

Я чувствовал, что схожу с ума и прекратил это. Это не было легко, и мне потребовались все силы, что у меня еще оставались, чтобы перестать изводить себя мыслями о самоубийстве Дженни. Возможно, только страх потерять работу, которую я по-настоящему любил, не дал мне пропасть окончательно. Это все, что осталось у меня после потери Дженнифер.

Я прислоняюсь к машине, сжимаю пальцами переносицу и глубоко дышу. Наконец мне удаётся немного успокоиться, но картина окровавленной ванны и бездыханной Дженнифер в ней прочно засела в мой мозг.

Я знаю, что есть только один способ вытравить ее оттуда. Именно он заглушал мой истерзанный разум в первые месяцы после смерти жены.

Я вновь сажусь за руль джипа и включаю зажигание. Через пять минут я уже возле бара. Бен, Тайра и Амелия уже ушли. Но это и к лучшему. В таком деле мне не нужна компания.

Я собираюсь как следует надраться.

В воскресенье, когда я приезжаю в дом тети Рут, я все еще мучаюсь похмельем.

Я пил всю ночь пятницы, точнее, до той поры, пока не отключился, и Джо не привез меня домой. Надо будет еще раз поблагодарить его за это.

Большую часть субботы я тоже пил, отключив телефон, и не выходил из дома. Но сегодня воскресенье — день приезда Менди с мужем и детьми, поэтому мне пришлось остановиться.

Я превращаюсь в чертового алкоголика.

Безусловно, мама бы гордилась таким сыном!

Я оставляю джип на подъездной дорожке и иду к дому, морщась от свинцовой тяжести в голове. Мои покрасневшие глаза скрывают очки-авиаторы, а лицо «украшает» трехдневная щетина. Похмелье оказалось таким сильным, что я и не подумал сбрить ее.

Я коротко стучу в дверь и, не дожидаясь ответа, захожу.

Аманда с семьей недавно приехали из аэропорта, и я принимаюсь со всеми здороваться и обниматься, при этом желая себе мгновенной смерти. Только это избавит меня от последствий чрезмерного возлияния.

Тетя Рут суетится на кухне, готовя обед. Итан, муж Менди, всячески ей помогает. В их семье именно он следит за тем, чтобы никто не умер от голода. Аманду к плите лучше не пускать, иначе она обязательно спалит дом.

Получив от меня по двадцатке в качестве подарка, восьмилетний Джек и шестилетняя Кейти убегают играть, а мы с Амандой выходим в небольшой ухоженный сад позади дома. Менди берет себе пиво, а я ограничиваюсь кофе.

— Паршиво выглядишь, Люк, — без обиняков заявляет мне Менди, когда мы садимся в плетеные кресла под яблоней.

Я кисло улыбаюсь.

— Спасибо.

Менди усмехается и делает длинный глоток пива. Она одна из немногих знакомых мне людей, которая всегда предпочитает говорить правду.

— Серьезно, ты что, неделю пил не просыхая? — Менди вскидывает светлые брови в вопросе, и в ее голубых глазах я вижу искреннее беспокойство.

— Нет, всего лишь день или два.

Я знаю, что Менди волнуется за меня, и благодарен ей за это.

— Люк, я думала, ты давно прошел эту стадию, — нахмурившись, замечает Менди.

— Я и прошел, просто... — я потираю шею, не зная, что сказать. Мне хочется выложить ей всю правду. Рассказать о Клем и о том, что со мной происходит с тех пор, как я приехал в Диллан.

Я знаю, что Менди поймет меня.

И я делаю это.

Я все рассказываю Менди: говорю, как я растерян и как запутался, все еще не понимая, что со мной происходит. Несколько минут Менди внимательно слушает меня, не перебивая, а, когда я замолкаю, смотрит на меня и улыбается.

— Ох, милый, ну это должно было случиться рано или поздно, — качает головой Менди.

Я в недоумении хмурюсь.

— Что?

— Ну, Люк, это же очевидно, — Менди склоняет голову на бок и усмехается. — Боже, порой мужчины бывают такими глупыми. Ты влюблен, вот что. Это случилось, чему я лично

очень рада. Ты не можешь жить в трауре всю жизнь, — Менди пожимает плечами. — Никто не может.

Я раздраженно качаю головой.

— Я не влюблен в нее. Она надоедливая, раздражающая и очень часто я хочу ее придушить. Мы постоянно спорим.

Заявление сестры кажется мне абсурдом, хотя я сам недавно думал, что возможно...

Но нет, я не могу любить Клем.

Не так скоро.

— Я любил. Я знаю, как это, и это не то, — убеждаю я Менди, хотя кажется, что в первую очередь слова предназначаются мне самому.

Менди протяжно вздыхает.

— Ты знаешь, как любить Дженнифер. Но ты не знаешь, как любить кого-то другого. Люк, любовь не похожа на шаблон, она разная. В ней много оттенков и полутонов.

Слова Менди заставляют меня задуматься.

А что, если она права? Что, если те чувства, что я испытываю к Клем — и есть любовь?

Какой бы она ни была.

— На самом деле, есть еще одна проблема, — вздыхаю я, решив подумать об этом позже, когда буду один. — Помимо прочего.

Я собираюсь рассказать Менди о том, что Тим влюблен в Клем, об их ссоре и о том, какую роль во всем этом сыграл я.

Я почти уверен, что Менди разозлится. И правильно сделает.

— В чем дело? — Менди откидывает длинную челку со лба и с интересом смотрит на меня.

— Не знаю, в курсе ли ты, — вскинув руку в неопределенном жесте, начинаю я, — но Тим и Клем — друзья. Лучшие друзья.

— Ох, точно! — глаза Менди расширяются, когда она вспоминает. — Но ведь...

Менди изумленно замолкает, и по ее виду я понимаю, что она сложила два плюс два.

— Он по-прежнему в нее влюблен?

Я скептически хмыкаю и развожу руками.

— Да. Но ты еще не слышала самого худшего, — я делаю глубокий вдох перед тем, как сознаться. — Я надоумил Тима во всем признаться Клем. И он так и сделал. Но проблема, собственно, в том, что Клем не испытывает к нему того же. Все эти годы она с ужасом ждала, что он ей откроется и тогда их дружбе придет конец.

— О, нет, — Менди страдальчески морщится, правильно истолковав мои слова. — Это потому Тим такой подавленный? Из-за Клем?

Я кивком подтверждаю ее догадку.

— Знаю, я повел себя как придурок.

Менди кивает.

— Не буду с этим спорить. Но, если подумать, рано или поздно это все равно случилось бы и без твоей помощи. Не твоя вина, что Клем не чувствует к Тиму того же.

Вот тут я как раз и не был уверен. Возможно, если бы не влюбленность Клем в меня, кто знает...

— Но скажи, ты знал, что Клем не ответит взаимностью Тиму до того, как советовать, ему во всем сознаться?

Пытливый взгляд Менди прожигает меня насквозь. Я знаю, что не смогу ей солгать

даже если захочу.

Я медленно киваю.

— Да, знал.

— Но все равно сказал ему открыть свои чувства? — Менди выгибает на меня бровь, но, к моему облегчению, в ее глазах нет осуждения.

— Я же сказал, что повел себя как придурок.

— Нет, Люк, — Менди усмехается. — Ты повел себя как мужчина — собственник, которому нравится девушка. Ты это отрицаешь, и я понимаю почему. Я, правда, понимаю, Люк.

Ладонь Менди ложится на мои пальцы и легонько похлопывает.

— Но ты должен во всем разобраться и, главное, решить для себя, возможно ли для тебя будущее с этой девушкой. Потому что если это так, то непусти ее, Люк.

Я молча смотрю на Менди, впитывая в себя ее слова, полные убеждения и искренности. Я знаю, что Менди права, и мне следует прислушаться. Но сомнений все еще хватает, и все вместе, и каждое по отдельности, они стопорят меня.

Нас прерывает появление тети Рут и Итана, выносящих еду и тарелки в сад. Мы с Менди принимаемся помогать и прекращаем разговор.

Мне кажется, сегодня я сказал достаточно.

— Дорогой, принеси с кухни нож для мяса, — просит меня тетя Рут, награждая ласковой улыбкой. Она очень похожа на маму и порой, глядя на тетю, мне кажется, что мама не умирала.

Я захожу в дом в тот момент, когда в дверь кто-то стучит. Пересекаю коридор и открываю. Клем стоит спиной, но быстро оборачивается и, увидев меня, застывает.

Что ж, я и сам не рассчитывал ее здесь встретить.

Против воли я хмурюсь, заметив осунувшееся лицо и покрасневшие глаза девушки. Выглядит она не важно, и в то же время по-прежнему красавицей. Уж это никуда не делось.

Возможно ли, что изможденный вид Клем — результат двухдневного инцидента в ее доме?

— Я... Мне нужен Тим.

Клем обхватывает себя руками, глядя куда угодно, только не на меня. Ее голос звучит приглушенно, будто что-то мешает ей говорить.

— Наверное, я не вовремя... — наконец Клем робко смотрит мне в глаза, и только тогда я понимаю, что все это время, не шелохнувшись, пялюсь на нее.

— Тим, он... Он наверху, — начинаю запинаться я, заставляя свою голову работать. Сейчас, когда Клем здесь, и я вижу, как ей плохо, мне трудно собрать свои мысли в кучу, потому что мне кажется, что я должен что-то сделать. Что-то, чего не до конца понимаю.

— Ладно, просто скажи ему...

— Клем?

Тим спускается по лестнице и подходит к двери. Его глаза озадаченно вглядываются в ее лицо.

— Привет, — Клем делает слабую попытку улыбнуться, но лицо искажается, будто она вот-вот заплачет. — Прости, что вот так заявила, но мне очень нужно с тобой поговорить, — Клем с мольбой смотрит на Тима, напрочь забыв, что я стою рядом.

Я чувствую себя лишним и очень-очень виноватым.

Тим молчит, хмуро поджав губы, и я едва сдерживаюсь, чтобы не треснуть его по

затылку.

Какого черта он мучает ее!

— Пожалуйста, Тим. Ты не отвечаешь на мои звонки, я не знаю, что еще мне сделать, чтобы ты выслушал меня, — Клем закусывает нижнюю губу и склоняет голову.

В горле я чувствую ком, кажется, что кислород полностью покинул мои легкие.

Я ничтожество!

— Я вас оставлю, — сдавленно говорю я, хотя могу ручаться, что ни Тим, ни Клем меня не слышат.

Уходя, я слышу, как Тим зовет Клем в свою комнату для разговора.

Весь обед я рассеян, мыслями находясь в комнате наверху.

Тима все еще нет, и я извожу себя мыслями о том, что там происходит.

О чем они говорят?

Что Клем хочет ему сказать?

Может ли так случится, что она передумала? Что решила попробовать дать их отношениям с Тимом шанс?

Но, если это так, то это хорошо — верно? Клем и Тим знают друг друга сто лет, они лучшие друзья, и из них выйдет хорошая пара.

Тогда какого черта я напрягаюсь всякий раз, стоит мне об этом подумать!

Это вообще не мое собачье дело, с кем станет встречаться Клем. Я уеду отсюда через три недели. Все. Конец.

— Чего ты такой дерганый? — тихо спрашивает меня Менди, только чтобы услышал я один.

Я в растерянности моргаю.

— Что?

Менди красноречиво смотри на мое колено, отбивающее шейк под столом.

Чтобы успокоится, я делаю глоток чая со льдом, но все равно чувствую себя как на иголках.

Ну и где же моя выдержка?

Я не слежу за ходом беседы за столом, украдкой поглядывая на наручные часы. Уже сорок минут прошло. Что они до сих пор там делают?

Я определенно превращаюсь в параноика.

Наконец, когда я уже готов идти в дом и подслушивать (могу ли я пасть ниже?), Тим выходит из дома. По его лицу я не могу понять, как прошел разговор, а спрашивать не решаюсь. Не сейчас, если на то пошло.

— Почему Клем к нам не присоединилась? — удивленно смотрит на сына тетя Рут.

— Ей нужно было ехать, — сухо отвечает Тим, не отрывая взгляд от тарелки.

Я выдерживаю не больше пары минут, когда делаю вид, что неожиданно вспомнил о договоренной встрече со старым приятелем и мне срочно надо уехать. Я извиняюсь, пообещав заехать позже, и поднимаюсь из-за стола. Уходя, я оборачиваюсь и вижу задумчивый взгляд Менди, устремленный на меня.

Машину Клем я замечаю, когда выезжаю на проселочную дорогу, ведущую к ранчо. С обеих сторон дороги простилается поле, засеянное кукурузой. Я прибавляю скорость и мигаю фарами, чтобы Клем меня заметила и остановилась.

Я не хочу копаться у себя в голове, пытаюсь понять, зачем я это делаю. Я не хочу дать себе шанса передумать.

Эти два дня, когда я пил, чтобы не думать о Клем, об отвратительной ссоре между нами, были паршивыми. И я не хочу больше прятаться или избегать правды, засовывая голову в песок.

Наконец я достаточно близко, чтобы Клем заметила меня. «Форд» начинает замедляться и, съезжая на обочину, останавливается. Я тоже заглушаю двигатель, вывернув джип к краю дороги. Почти одновременно мы с Клем выходим из авто, но она остается на месте, в недоумении прищурившись на солнце, а я быстро преодолеваю расстояние между нами.

— Люк, что слу...

Я обхватываю затылок Клем ладонями, притягиваю ее к себе и обрушиваю свои губы на ее рот. Слова Клем тонут в поцелуе, а напряженное тело почти сразу расслабляется, доверчиво прижимаясь ко мне.

Наш первый поцелуй не слишком нежен — скорее даже груб, но сейчас это то, что нам нужно.

Руки Клем поднимаются, пальцы забираются мне в волосы и легонько оттягивают.

Невероятные ощущения.

Наши губы движутся в отлаженном ритме, будто мы уже делали так тысячу раз. Я усиливаю натиск, и губы Клем с готовностью раскрываются — мой язык скользит ей в рот, встречаясь с ответной страстью ее язычка. Наше горячее дыхание становится одним целым, стук сердец сливается в один быстрый громкий ритм.

В моих ушах шумит кровь, от желания, такого сильного, которого я не знал уже несколько лет. Трудно устоять на месте, и я прижимаю Клем к кабине пикапа, не разрывая губ. Мои руки скользят по тонким ключицам, перемещаются на лопатки и останавливаются на пояснице, обнаружив две маленькие ямочки.

Клем выгибается в спине, прижимаясь еще тесней ко мне. Из ее горла раздается тихий грудной стон прямо мне в рот, и я тоже не сдерживаюсь, издавая хриплый рык.

Воздух заканчивается, и мы отрываемся друг от друга, но не выпускаем из объятий. Пальцы Клем перебирают мои волосы — мои руки поглаживают нежную кожу под ее футболкой. Наши лбы прижаты друг к другу, а тяжелое дыхание стало общим, и я не знаю, где чье.

Я смотрю в глаза Клем, почти полностью ставшие черными из-за расширившегося зрачка. Несколько секунд мы просто молчим и смотрим друг на друга. Потом губы Клем изгибаются в лукавой ухмылке и тихим шепотом она шепчет:

— Этого стоило ждать.

— Ну, и что мне с тобой делать? — я улыбаюсь Клем, но без особой радости. Мы сидим в моей машине, лицом друг к другу. Прошло чертовски много долгих минут, пока мы смогли оторваться друг от друга. Но теперь, когда ясность мысли вернулась ко мне, я осознаю, какую ответственность взял на себя. И я не уверен, что потяну ее. Потому что, будь это кто-то другой...

Но это Клем, и этим все сказано.

— Думаю, у меня есть кое-какие мысли, — она хитро улыбается, переплетая наши пальцы вместе. Придвигается ближе и легко целует сначала в один уголок моего рта, потом в другой. Мне требуется вся моя выдержка, чтобы не наброситься на нее с новой чередой поцелуев. Потому что я хочу этого, хочу так, как уже давно ничего не хотел.

— Будут проблемы, Клем. Ты знаешь это, — я не хочу портить момент этими разговорами, но я должен. Я должен дать ей шанс передумать, пока еще можно. Потому что я не знаю, сколько пройдет времени, пока я окончательно сломаюсь. — Я знаю это.

Она протяжно вздыхает и, чуть отстранившись, спокойно смотрит в мои глаза.

— Ну и что, я не боюсь проблем. Меня это совершенно не пугает, — она с таким легкомыслием дергает плечами, что я начинаю раздражаться.

— А должно бы пугать, Клем. Мало того, что наши действия сейчас под запретом, есть большая, просто огромная вероятность, что из этого ничего не выйдет.

— Но ведь нам не обязательно решать все прямо сейчас, Люк. Да, из этого может ничего не выйти, а может и наоборот, — ее губы складываются в мягкую улыбку. — Все может быть, но, не попробовав, мы не узнаем.

Ее слова звучат здраво, и я бы хотел относиться к этому так же просто, как и она. Но есть столько обстоятельств, которые меня останавливают.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я откидываю голову на подголовник и сжимаю пальцами переносицу.

Проблема в том, что я уверен — какое бы решение я ни принял, любое будет неверным.

— Зачем я тебе? — я поворачиваю голову и вопросительно смотрю на Клем, внимательно наблюдающую за мной. — Ведь очевидно, что тебе нужен кто-то лучший, чем я. Кто-то, у кого нет за плечами такого багажа. Клем, я совершенно точно не тот, с кем тебе стоит заводить отношения.

— Люк, я знаю, что ты делаешь, — она опускает взгляд и качает головой. — Ты хочешь напугать меня, заставить сбежать. Но не получится, — она твердо смотрит на меня. В этот момент я понимаю, что в этой хрупкой на вид девушке много внутренней силы. — И, если ничего не выйдет, так тому и быть. Но жалеть о том, что даже не рискнула попробовать, я не хочу.

Я издаю долгий стон, когда мое самообладание начинает рушиться. Как бы ни пытался, я все равно проиграл. И зная, какими последствиями мне это грозит, я все равно не смогу отступить.

— Иди ко мне.

Я приподнимаю Клем, и она со счастливой улыбкой устраивается на моих ногах. В машине тесно, и наши лица разделяет всего несколько сантиметров.

Тепло Клем обволакивает меня, ее пальцы не спеша перебирают мои волосы. Я долгое время был лишен человеческого физического контакта, предпочитая все время держать дистанцию. Но сейчас, когда Клем в моих руках, я осознаю, как сильно мне этого не хватало.

Или, может, дело в Клем и ее способности влиять на меня?

— Я не хочу, чтобы ты пострадала, — серьезно говорю я, заправляя прядь мягких волос ей за ухо.

— Я тоже этого не хочу. Но в отличие от тебя, я не уверена, что это непременно случится.

Я ничего не отвечаю: беру ладонями ее лицо и целую. Не так нетерпеливо и требовательно, как ранее, а медленно, словно пробуя на вкус. Губы у Клем мягкие и податливые и с охотой отвечают мне.

Я не делаю ничего, кроме того, что целую ее. Хотя внутри меня разгорается огонь, вызывая скрытые желания, которые долгое время спали. Но поцелуи — это и так слишком многое, что я позволил себе в отношении этой девушки.

— Как прошел ваш разговор с Тимом? — заставив себя оторваться от нее, хрипло спрашиваю я.

Необходимо проветрить голову, потому что держать себя в руках рядом с Клем оказалось сложнее, чем я думал.

Клем разочарованно выдыхает.

— Ты правда хочешь говорить об этом сейчас?

Нет, определенно сейчас я хочу точно не этого. Но только так я могу защитить ее от себя самого.

Поэтому я киваю.

— Ну, разговор не то чтобы удался, — Клем закусывает губу, и я вижу боль в ее глазах. В этот момент я ненавижу себя. Если бы не я, она бы сейчас не мучилась. — Но я рада, что он выслушал меня.

— И что ты сказала ему? — интересуюсь я, хотя не уверен, что имею право спрашивать.

— Сказала, что всегда буду любить его, но как друга. Что сожалею за боль, что причиняю ему. И что не хочу терять такого друга, — она слегка дергает плечом. — Это слабое утешение, но он пообещал, что я не потеряю его.

Она немного молчит, но потом продолжает:

— Если бы я правда была хорошим другом, а не такой эгоисткой, то отпустила бы его.

— Эй, тебе не в чем обвинять себя, — я приподнимаю ее голову, с убеждением заглядывая в глаза. — Ты была честна с ним. Мне правда жаль, что Тим страдает, но ты поступила, как должна была.

Клем кивает, но ее лицо все еще излучает сомнение.

Внезапно я вспоминаю, что уже несколько дней не дает мне покоя.

— Что с тобой? О каком обмороке говорил Бен?

Лицо Клем досадливо морщится. Похоже, я задел нежелательную тему. Но я должен знать.

— Это ерунда, правда, ничего серьезного, — она улыбается, но выходит неубедительно. — Просто диабет. Вот и все. Это не смертельно.

Реакция Клем удивляет меня. Она старается звучать легкомысленно, как если бы мы говорили о простом насморке.

Но диабет — это не ерунда.

— Давно это у тебя? — я стараюсь говорить спокойно, но ком, вставший в горле, мешает этому.

— Пять лет, — Клем избегает моего взгляда. Она вдруг сникает и будто замыкается в себе. — Вот поэтому я и не люблю говорить об этом, — она горько усмехается.

Я в недоумении.

— Почему?

— Это, — Клем указывает рукой на мое лицо. — Ты жалеешь меня. А мне не нужна жалость, понял? — она поджимает губы. — Не надо так смотреть на меня. Это не рак, это просто чертов диабет! Миллионы людей живут с этим диагнозом.

Она так разволновалась, что ее грудь тяжело и быстро опускается и опадает.

— Посмотри на меня! — я беру ее за затылок, заставляя посмотреть на себя. — Я тебя не жалею, ясно? Не жалею.

Я четко проговариваю каждое слово, чтобы она поверила мне. Я знаю, какой взгляд она увидела в моих глазах.

Жалость и сочувствие.

Я сам ловил такие взгляды на себе тысячи раз. И я ненавижу это.

— Прости, — она упирается лбом в мое плечо, и я успокаивающе глажу ее по спине. — Просто мне так надоело, что дома все носятся со мной как с инвалидом. Особенно Бен. Это утомляет. Брат никак не хочет понять, что я выросла и могу сама за себя отвечать.

Я молчу, давая ей выговориться. Но в чем-то я Бена понимаю. Клем — его младшая сестра, и он хочет ее защитить.

К примеру, от таких людей, как я.

— В тот день мы с Тайрой так увлеклись предсвадебными делами, и я просто забыла принять таблетки. К тому же, пропустила обед, поэтому и упала в обморок. Это было глупо, ведь я пять лет живу в таком режиме, но в итоге все обошлось, — Клем слабо улыбается. — Но мне это еще не скоро забудут.

— Так ты не инсулинозависимая?

Я не слишком осведомлен в тонкостях этой болезни, но в нашей семье со стороны матери была одна тетка, которая каждый день делала инъекции инсулина.

Клем мотает головой.

— Нет. Мне хватает таблеток и диеты.

Мне жаль, действительно жаль, что у Клем такой диагноз. Но я не хочу, чтобы она видела это, чтобы не задеть ее гордость.

— Мне пора ехать, иначе я опоздаю, — Клем смотрит на мои часы и морщит нос. — Я пообещала своей подруге посидеть пару часов с ее сыном.

Я разочарован, что она должна уйти. Не хочу сейчас ее отпускать. Но, возможно, так будет лучше. Нам необходимо время, чтобы обдумать то, что произошло.

— Я заеду к тебе сегодня вечером.

Она чуть прикусывает мой подбородок, и я улыбаюсь.

— И, пожалуйста, пока меня не будет, не думай слишком много, — будто прочитав мои мысли, усмехается Клем.

Я обещаю ей, что не буду.

Простившись с Клем, я решаю вернуться домой, но прежде заезжаю на заправку. Мне нужно пополнить бак, а заодно прикупить кое-каких продуктов.

В мини-маркете при заправке Тексако я делаю покупки. Мой холодильник совершенно пуст: в последние дни мне было не до его содержимого. Но теперь с этим покончено.

Теперь, когда обрел нечто важное, то, что заставляет мое сердце сжиматься в предвкушении чего-то хорошего, даже с учетом того, что мои колебания насчет отношений с Клем никуда не делись.

Но я не буду думать об этом сейчас, как и обещал ей.

Я улыбаюсь, вспоминая, как прижималась ко мне Клем, отвечая на поцелуи.

Рука тянется к щетинистому лицу. Наверняка я всю ее исколол, а мне не хотелось бы, чтобы она испытывала хоть малейший дискомфорт по моей вине.

Я бросаю в корзину флакон пены для бритья, собираясь побриться сразу, как только приеду домой. Подхожу к кассе, где пожилая миссис Робинсон с приветливой улыбкой желает мне доброго дня. Я отвечаю тем же, вежливо интересуясь делами ее сына Стюарта, с которым мы учились в школе.

Обменявшись несколькими фразами с женщиной, пока она пробивает мой товар, я достаю бумажник, собираясь достать кредитку. Но забываю об этом тут же, как вижу фото.

Изображение улыбающейся Дженнифер я всегда ношу с собой. На фотографии она счастлива, и глаза лучатся светом и любовью. Но сейчас мне кажется, что я вижу в них укор.

Начинает смеркаться, когда машина Клем съезжает на мою подъездную дорогу.

Мы расстались какие-то четыре часа назад, но мне уже ее не хватает. И это сбивает с толку.

Моя реакция на нее. То, что я чувствую. Почему? Как это произошло? Как за такой короткий отрезок времени Клем Стивенс удалось занять место в моем сердце?

Это пугает. Да, я взрослый мужик с небезопасной профессией, но когда речь идет о Клем, я растерян и напуган.

Я совершенно точно не собирался заводить новые романтические отношения в ближайшее время. Но вот он я — не могу дождаться девушку, из-за которой теряю голову.

Немыслимо!

Улыбаясь, Клем идет ко мне, и я поднимаюсь с крыльца ей навстречу. На ней простое красное платье в белый горошек на бретельках и юбкой до колен. Волосы свободно лежат на плечах. Очень милая и юная.

И я в очередной раз думаю, что не имею права посягать на нее.

Она подходит достаточно близко, чтобы за ее улыбкой я разглядел неуверенность и настороженность. Думаю, не ошибусь, предположив, что она решила, будто я уже успел передумать.

— Ну, привет.

Клем берет меня за руки и переплетает наши пальцы. Я успел заметить, что ей это нравится.

— Привет.

Я делаю шаг к ней — когда мы так близко, заметно, что я выше ее на целую голову.

Снова чувствую запах лимонов и мяты — запах Клем. Мне нравится. Нет этой сладкой удушливости, которой так любят пользоваться некоторые женщины.

— Все нормально? — ее голос хоть и звучит оживленно, выдает скрытую тревогу. — За эти несколько часов ничего не случилось?

Я поджимаю губы, словно пытаюсь что-то вспомнить, специально тяну время, желая ее

подразнить.

Наконец я качаю головой.

— Да нет, ничего такого. А что-то должно было случиться? — я с невинным видом смотрю на Клем.

— Засранец! — она фыркает и несильно бьет кулаком по моей груди.

— Ну, извини, — усмехаюсь я, — не удержался.

Я снова сцепляю наши пальцы, потому что не хочу отпускать ее. Мне нравится наш контакт. Кажется, что ее прикосновения согревают меня изнутри.

— Значит, ты выполнил свое обещание и не увлекался раздумьями, да? — веселится Клем.

Я пожимаю плечами.

— Я все еще сомневаюсь. Но было бы глупо не посмотреть, что из этого может получиться, — пока говорю, я внимательно смотрю на нее, пытаюсь отыскать ее собственные следы неуверенности. Возможно, Клем уже жалеет о том, что случилось сегодня?

Но ничего нет. Ее взгляд открыт и чист.

— Я рада, что ты так думаешь, — с явным облегчением выдыхает она.

— Но, Клем, ты же понимаешь, что никто не должен знать? — говоря это, я чувствую себя отвратительно. Клем менее чем кто-либо заслуживает быть героиней тайной интрижки. — Во всяком случае, пока мы сами во всем не разберемся.

Я представляю, как мне придется объясняться с Беном. Не удивлюсь, если он захочет меня убить.

Я бы на его месте захотел.

— Ты не хочешь, чтобы о нас кто-то знал? — переспрашивает Клем, и ее голос звучит уязвленно.

Мое сердце сжимается.

— Не вообще. Но сейчас — да. То есть, ну что мы скажем твоим близким? Что пробуем создать отношения? И Тим. Ты готова, чтобы Тим узнал?

Как только я упоминаю Тима, лицо Клем болезненно искажается.

Мой очередной промах.

Молодец, Люк!

— Наверное, ты прав, — нехотя соглашается Клем. — Хотя то, что происходит между нами, касается только нас. Мне все равно, как к этому отнесутся мои родные. Это моя жизнь.

— Боюсь, твой брат другого мнения, — хмыкаю я.

Клем закатывает глаза.

— Мой брат — осёл!

Я крепко прижимаю ее к себе, а она обвивает руками меня за пояс. Щекой прижимаюсь к ее макушке. Мы стоим так довольно долго, потому что никто не хочет разжимать объятий.

Сейчас, рядом с Клем, я чувствую то, чего уже давно не было в моей жизни. Спокойствие и умиротворение.

Так же, как эта девушка могла разжечь огонь во мне, так же она умела успокоить одним своим касанием. Звуком своего дыхания.

— А теперь, если ты не против, я хотела бы кое-что сделать, — произносит Клем, когда мы отпускаем друг друга.

Я с подозрением выгибаю брови. Seriously, когда дело касается Клем, я не знаю, чего

ожидать.

— Мне есть чего бояться?

— Нет, — Клем хохочет. — Глупый какой!

Она спешит к своей машине и достает с заднего сиденья бумажный пакет с продуктами.

— Это всего лишь ужин, Люк! — улыбается мне Клем. — Я приготовлю нам ужин, а ты пока побудешь во дворе. И это будет официальное свидание.

В ней столько энтузиазма, что я не решаюсь возразить. Да и не хочу. Напротив, идея Клем мне нравится.

Пока она орудует на кухне, я сижу на крыльце, курю и наблюдаю, как небо над озером темнеет, пока не становится так темно, что вода кажется черной. Вокруг очень тихо, даже легкий ветер стих. Крачки уснули в своих гнездах, и только иногда раздается пение сверчка.

Я думаю о том, что менее чем через три недели уеду из Диллана. Навсегда. Мои дела здесь будут выполнены, и дом скоро продадут. Нити, держащие меня с этим городом, разорвутся.

Что будет с нами, когда это случится?

Что станет с Клем, когда я вернусь к своей обычной жизни?

Даже прочные отношения тяжело хранить на расстоянии. Стоит ли говорить о тех, что и отношениями еще не стали.

Вот что странно — я всегда любил риск. В восемнадцать лет я уехал из родного дома, чтобы осуществить свою мечту стать летчиком. Каждый раз, когда поднимаюсь в воздух, есть шанс, что назад не вернусь.

Каждый полет — это риск. Но я не боюсь, мне это даже нравится.

Но в случае с Клем этот закон не действует. Отношения с ней тоже имеют степень риска, но тут у меня возникает уйма чертовых страхов.

Я не хочу, чтобы сердце Клем было разбито — мое же второй раз не выдержит.

— Пенни за твои мысли, — негромко говорит Клем, стоя у меня за спиной. Я так увлекся, что не заметил, как она подошла.

— Там нет ничего ценного.

Я хлопаю на место рядом с собой, и она, придерживая платье, опускается на ступеньку.

Не хочу передавать ей свою неуверенность. Думаю, ей и своей хватает.

— Запаха дыма нет, — шутливо замечаю я, желая развеселить задумавшуюся Клем. — Могу я быть спокоен, что ты не спалишь мой дом?

Она пожимает плечами и загадочно улыбается.

— Кто знает.

Клем глубоко вдыхает ночной воздух и, прикрыв глаза, поднимает лицо к небу. Больше она ничего не говорит. А я боюсь пошевелиться, как если бы мои движения могли испортить момент. Вот этот самый миг: Клем с безмятежностью на прекрасном лице. Я бы хотел запечатлеть его навечно. Сейчас я даже жалею, что совершенно не умею рисовать.

— Хочешь знать, когда это случилось? — неожиданно спрашивает она, взглянув на меня.

— Случилось что?

— Любовь, — и, видя, что я в замешательстве, она объясняет: — Когда я поняла, что люблю тебя.

— Ты это помнишь? — почувствовав неловкость, удивляюсь я.

Губы Клем складываются в мягкую улыбку.

— Мне было пять лет, а вам с Беном по пятнадцать. В то лето я постоянно увязывалась за вами следом, но на самом деле, мне нравилось быть рядом с тобой.

Я усмехаюсь, вспоминая, о чем она говорит.

— Вы пошли в старый амбар и постоянно оглядывались, не идет ли кто за вами.

— Ну, мы там курили, — хмыкаю я.

Клем кивает.

— Да. И в тот раз я пошла за вами, а когда Бен меня увидел, то накричал на меня. Я обиделась и бросилась бежать, но упала и ободрала колено, — Клем делает небольшую паузу, а ко мне возвращаются видения далеких дней моей юности. — И, конечно же, я расплакалась. Тогда ты подошел ко мне, подул на коленку и подарил мне камень. Обычная галька с белыми разводами, но ты сказал, что это амулет. Что каждый, у кого он есть, должен быть сильным и смелым. И тогда я перестала плакать, потому что не хотела, чтобы ты принял меня за трусиху. Тогда он и настал, тот момент. Когда любовь пришла.

Я смотрю в глаза Клем, не в силах отвести взгляд, даже если бы и захотел — не смог. Я вспомнил, о чем она говорит. Но ее слова — то, что она это запомнила через столько лет — просто невероятны. Как столь обычный случай мог перевернуть мир маленького ребенка?

На губах Клем все еще мягкая улыбка, когда она с какой-то тоской смотрит на меня. Смотрит так, будто знает одну ей известную истину, которую я пока не постиг.

Я молчу. Молчу, потому что, кажется, будто воздух покинул легкие. Что меня разорвет изнутри.

— Запомни его, этот момент, Люк. Момент, когда поймешь, что любишь меня.

— Я тебя снова шокировала, да? — морщится Клем, когда я продолжаю хранить молчание, ошеломленно глядя на нее.

Страхивая оцепенение, я качаю головой, заставляя себя улыбнуться.

— Нет, не совсем, — я вздыхаю, потому что мои слова звучат неубедительно. Слишком очевидно. — Ладно, самую малость. Но я привыкаю, правда, — заверяю я Клем, не желая смутить ее.

И это истина. Я, в самом деле заметил, что стал привыкать к форме общения, свойственного Клем. Слишком честная, порой чересчур прямая. Для нее естественно высказывать вслух то, что большинство людей никогда не осмелятся озвучить.

Клем задумчиво покусывает нижнюю губу, колеблется, но потом вздыхает и все же говорит:

— Я не хочу... чтобы тебе было некомфортно рядом со мной, — она вымученно улыбается, отводя взгляд.

— Мне хорошо с тобой, — пожимая плечами, признаюсь я. Не знаю, с чего она решила, что может быть иначе. Клем — единственный человек за долгое время, рядом с которым мне на самом деле хорошо. Лучше, чем просто хорошо.

— Я рада, — она застенчиво кивает.

Мы еще немного сидим на крыльце, особо не разговаривая, слушая ночные звуки. Молчание не тяготит нас, с Клем это даже уютная тишина. Потом она поднимается и протягивает мне руку. Мы идем в дом, где Клем накрыла стол и зажгла две свечи.

Я в изумлении застываю на пороге кухни. В нашем доме нет отдельной столовой, но она действительно постаралась придать обстановке торжественность, сервировав стол маминым фарфором и поставив свечи в серебряные подсвечники.

— Ну как тебе? — она кажется несколько взволнованной и неуверенной. Вместо ответа я беру ее лицо в руки и мягко касаюсь губами ее губ.

— Это означает, что тебе понравилось? — облегченно усмехается она.

— Мне очень понравилось, Клем, — кивком подтверждаю я.

Мы садимся за стол и, неторопливо ужиная цыплёнком с тушеными овощами, разговариваем о всякой всячине.

— Какой твой профильный предмет? Ты уже выбрала? — с интересом спрашиваю я, когда Клем говорит, что в сентябре начинается ее выпускной год в Университете Северной Каролины.

— Я выбрала два предмета — историю и археологию, — она делает глоток белого вина, пожав плечом. — Эти предметы всегда интересовали меня, так что еще на первом курсе я определилась. Может, стану учителем или поеду на раскопки куда-нибудь в Азию, — она с озорством улыбается.

Я отвечаю на ее улыбку, но для себя делаю открытие: Клем в самом деле хочет добиться в жизни чего-то значительного. Стремится больше узнать, посетить другой континент.

Вопреки большинству южных девушек, которые посвящают свою жизнь замужеству и материнству, Клем имеет другие стремления.

— Должно быть, это интересно, — замечаю я, наблюдая за ее губами, на которых все

еще блуждает мечтательная улыбка.

Клем глубоко вздыхает.

— Для меня — да. Представляешь меня на раскопках где-нибудь в пустыне? — она смешливо морщится. — Что-то типа Индианы Джонса женского пола.

Я смеюсь и качаю головой.

— Почему бы и нет? — я вскидываю брови и указываю на нее рукой. — Думаю, ты бы смогла.

Не сомневаюсь в том, что если Клем чего-то захочет, то непременно это получит. Но вдруг я отчетливо понимаю, что не хочу, чтобы она уезжала в другую страну и, тем более, на другой континент. И это желание обусловлено исключительно эгоистическими побуждениями. Я просто не желаю, чтобы тысячи миль лежали между нами.

Не хочу терять Клем.

— А ты, когда ты понял, что хочешь связать свою жизнь с полетами? — спрашивает Клем, не замечая моей задумчивости.

— Помнишь лётное шоу, которое устраивали каждый год на День Независимости? — ностальгически улыбаюсь я.

Клем быстро кивает.

— Да, они и сейчас его проводят.

Я пожимаю плечом.

— Мне было лет шесть или семь, когда мама отвела меня посмотреть на шоу. Можешь представить мой детский восторг, — усмехаюсь я. — Тогда я решил, что непременно научусь делать такие же трюки. Собственно, в то время они занимали мой ум больше всего, — признаюсь я.

Клем слегка наклоняет голову, с чистой, открытой улыбкой смотря мне в глаза. Вид ее молодости, нежности и где-то трогательной наивности щемит мне сердце.

Нас разделяет десятилетняя разница в возрасте. Но десять лет — это много или мало? Когда дело касается нас с Клем, мне кажется, что десять лет превращаются в непреодолимую пропасть.

Очевидно, она замечает, как на моем лице отражается возникшее колебание, потому что касается своими пальцами моей сжатой руки.

— О чем ты думаешь? — ее большие голубые глаза выдают тревогу.

Я качаю головой, прогоняя напряжение, желая сгладить этот неприятный момент, портящий последние полчаса откровения.

— Так, расскажи мне о колледже, — прочищая горло, предлагаю я, придав голосу непринужденности.

Клем приподнимает брови.

— Что именно тебя интересует? Предметы и преподаватели или бесконечные студенческие вечеринки?

— Вечеринки? — прищуриваюсь я. — И много таких вечеринок ты посещаешь?

Мой тон шуточно-строгий, но помимо воли я испытываю беспокойство. Сам я никогда не ходил в колледж, но мы с ребятами из лётной школы часто приходили на тусовки в соседний студгородок. И я знаю, что обычно происходит на таких сборищах. Парни спаивают девушек, чтобы потом затащить в койку.

Черт, я сам был таким парнем. Одноразовый секс был привычной формой моих отношений с противоположным полом до того, как я встретил Дженнифер.

— Не слишком, но бывает, — с легкой улыбкой признается Клем. — Ну, мне все же двадцать один и я студентка колледжа. Это вроде как необходимо, чтобы лет через двадцать было что вспомнить о студенческих годах.

Непроизвольно, но я думаю о том, что будет с нами через двадцать лет: где будет Клем и как сложится ее жизнь? Станет ли она учителем истории или посвятит себя археологии?

И где буду я к тому моменту?

Скорее всего, к тому времени моя карьера в ВВС закончится, я выйду на пенсию и в свободное время, которого у меня будет в избытке, стану собирать модели самолетов, вспоминая былые дни.

Печальная правда в том, что я почти уверен в том, что все так и будет.

— Знаешь, в следующую пятницу у меня день рождения, — вдруг отчего-то занервничав, неуверенно начинает Клем.

Да, я помню об этом, но не перебиваю ее.

— И мне планируют сюрприз-вечеринку, но это уже давно не тайна, — Клем усмехается, а я улыбаюсь просто потому, что мне хочется это делать, когда смотрю на нее. — В общем, я буду рада, если ты придешь.

— Конечно, если ты этого хочешь, — киваю я.

Лицо Клем светлеет.

— Очень хочу.

— Тогда не вопрос.

На десерт мы едим мороженое «Бен и Джерри», а после я делаю нам кофе, мы захватываем одеяло и идем к причалу.

В ярком лунном свете черная вода озера кажется усыпанной серебром. Я расстилаю одеяло на деревянном причале, и мы устраиваемся поудобней. Спина Клем прижимается к моей груди, когда она располагается между моих колен. Я рассеянно перебираю ее мягкие волосы, пока мы слушаем пение ночных насекомых и рассматриваем яркие звезды на небе.

— Когда я была маленькой, то представляла, что звезды — это драгоценности, которые рассыпала принцесса с далекой планеты, — смеется Клем, сплетая пальцы наших рук.

Я хмыкаю ей в макушку.

— Ты была милым ребенком, — тихо замечаю я. — Я помню.

— Я была мелкой надоедой, которую вы с Беном постоянно прогоняли, — фыркает она.

Я безуспешно подавляю смешок.

— Простишь меня за это?

— Я давно простила, — повернув голову ко мне, выдыхает Клем.

Я кладу ладонь на ее щеку, большим пальцем проводя по мягким полным губам. С каждой минутой рядом с ней я чувствую, как крепнет и увеличивается моя привязанность к этой девушке. И день, когда я должен буду уехать — день, который наступит скоро — пугает меня. Потому что я не знаю, что принесет нам расставание. Будет ли оно легким или болезненным?

Три недели не долгий срок. Для вселенной он ничего не значит. Но для нас три недели могут изменить все.

Сейчас я не знаю, любовь ли то, что я чувствую к Клем? Или что-то, что очень на нее похоже. А может, я уже успел по уши влюбиться в нее, но не заметил, когда это случилось?

Мог ли я пропустить момент, который Клем просила меня запомнить?

— Люк? — зовет меня тихий голос Клем, отвлекая от самокопания.

— М-мм?

— Я нравлюсь тебе, ведь правда? — она отстраняется, чтобы полностью развернуться ко мне. Ее голос наполнен волнительной неуверенностью. — То есть, это вроде как очевидно, — с коротким смешком она качает головой, не дав мне ответить. — Но я хотела бы знать, хочешь ли ты... Ты хочешь меня как женщину? — выпаливает Клем и напряженно замолкает.

Я раздумываю, как мне поступить: перевести все в шутку или притянуть ее к себе, чтобы у нее не осталось сомнений в моих желаниях.

Мне отчаянно хочется улыбнуться: не смотря на свою прямооту и открытость, Клем даже более неопытна в отношениях мужчины и женщины, чем я думал.

— Да, хочу, — просто и честно отвечаю я, не желая смутить ее еще больше. — Конечно же, я хочу тебя, Клем, — добавляю я дрогнувшим голосом.

До меня доносится тихий вздох облегчения.

— Я тоже хочу тебя, Люк, — обвивая мою шею руками, жарко признается Клем.

Она так близко, и я чувствую тепло, исходящее от ее кожи. Я делаю глубокий вдох — и тут же стискиваю зубы, осознавая свою ошибку.

Пьянящий, возбуждающий запах Клем заполняет мои легкие. Но я знаю, что, как бы сильно не желал ее, — еще рано.

Я не готов.

— Я так давно этого хочу, — дрогнувшим полусшепотом бормочет Клем.

— Клем, я правда хочу тебя, — заверяю я девушку, мягко снимая ее руки со своей шеи. — Но, малыш, это слишком скоро. Я еще не готов, чтобы мы перешли к... таким отношениям.

— Слишком скоро? — разочарованно полувсхлипывает, полувздыхает Клем. — Хотеть тебя с тех пор, как мое тело узнало, что такое сексуальное влечение, по-твоему, слишком скоро?

— Клем, — я протягиваю руку и касаюсь ее локон, упавшего на лицо. — Я понимаю, что для тебя это долгое время, — спокойным, понимающим тоном говорю я. — Но для меня это только несколько дней. И ты... Ну, это ты, а не просто девушка, которую я только встретил. Именно поэтому я не хочу торопиться. Для этого ты слишком дорога мне.

Несколько секунд Клем смотрит на меня в темноте, и только тихий звук ее дыхания нарушает тишину. Потом ее руки находят мои и с силой сжимают, словно скрепляя только что заключенную сделку.

— Хорошо, — просто говорит Клем и повторяет: — Хорошо.

Следующие несколько дней наполнены новизной, волнением и, к моему удивлению, — приятной легкостью.

Мы с Клем проводим много времени друг с другом. Днем она на работе, а я в это время, если не занимаюсь оформлением бумаг, переданных мне в наследство, разбираю вещи, решая, что оставить себе, а что отдать в местный благотворительный фонд.

Также несколько раз я навещаю дом тети Рут, проводя время с Амандой и ее семьей. И всякий раз я упорно гоню прочь чувство вины в присутствии Тима.

Когда же солнце клонится к закату, я выхожу на крыльцо и с нетерпением ожидаю Клем.

Несколько раз я катал ее на мотоцикле, и всякий раз она так крепко прижималась ко

мне, будто от этого действительно зависела ее жизнь. Будто она верила, что рядом со мной ей ничто не грозит. И в такие моменты я особенно понимал, что не хочу причинять ей боль.

Но проблема в том, что я сомневаюсь, что этого никогда не случится.

В особо жаркие часы мы плаваем в озере, и мне стоит огромной выдержки придерживаться своего решения не переходить с Клем на другой, более интимный уровень, потому как ее тело в соблазнительном белом купальнике не способствует ясности мысли и самоконтролю. Мы много целуемся и обнимаемся, и всякий раз я готов пересечь черту, после которой — я уверен — все усложнится еще больше.

После ужина, который чаще мы готовим вместе, мы лежим в гамаке на веранде и тихо переговариваемся. А ближе к полуночи наступает самое тяжелое время, потому что я вынужден отпускать ее домой. И после того, как Клем уезжает, я еще несколько часов ворочаюсь без сна, с некой обреченностью отсчитывая дни, когда должен буду оставить Клем. Чем ближе день моего отъезда, тем ближе час, когда я вынужден буду принять какое-то решение в отношении нас.

Пятница наступает слишком быстро, но к тому моменту мне кажется, что я знаю Клем больше, чем кого-либо из близких мне людей.

К Стивенсам я приезжаю к восьми, где уже собрались гости в ожидании именинницы, которую подруги увезли под ложным предлогом, чтобы была возможность подготовить сюрприз-вечеринку. Клем старательно делала вид, что ничего не знает о планах семьи, но обе стороны были в курсе того, что происходит.

Торжество должно было состояться в саду, украшенном китайскими фонариками, яркими лентами и букетами живых цветов. Мэри и Тайра основательно потрудились. Столы буквально ломились от разнообразных угощений. А нанятая группа музыкантов должна была развлекать гостей.

— На юге умеют праздновать, — с усмешкой замечаю я Бену, пока мы ожидаем появления Клем. — Только здесь тщательно спланированный банкет называют вечеринкой-сюрпризом.

Друг хмыкает.

— И не говори. Но это на самом деле великий день: сегодня впервые, когда Клем выпьет шампанское, это не будет считаться нарушением закона, — шутит Бен, и мы смеемся.

Под одним из деревьев установлен стол специально для подарков, и очень быстро он заполняется яркими коробками с бантами. Свой же подарок я держу при себе, собираясь лично вручить его Клем. Это книга — первое издание «Вельветового кролика» — любимой детской книги Клем. Мне пришлось обойти ни один букинистический магазин в Роли, пока я нашел его.

Надеюсь, что выбранный мною подарок понравится ей.

Я удивлен, как много людей пришли на праздник Клем. Кажется, что не меньше сотни. Но это лишь значит, что она, в самом деле, необыкновенный человек, раз все эти люди пожелали отпраздновать ее день рождения.

Клем с двумя подругами появляется через двадцать минут после меня. Она выходит в сад, имитируя искреннее изумление, когда все мы кричим «Сюрприз!» и «С Днем Рождения!». Со всех сторон ее окружают люди, желающие поздравить именинницу. Я же держусь в стороне, потому что не хочу делить ни с кем ее внимание. После, когда мы сможем остаться наедине, где Клем будет принадлежать только мне.

Собственные мысли и чувства все еще не понятны мне, но они больше не вызывают панику. Возможно, я наконец смирился с тем, что Дженнифер больше нет и я могу полюбить кого-то еще?

Я хочу, чтобы Клем была моей. Только моей. И чтобы все об этом знали.

Издали я наблюдаю, как мягко смеется Клем, стараясь не обделить вниманием ни одного гостя, который подходит поздравить ее. Она кивает, улыбается и, кажется, с легкостью поддерживает любой разговор. Я же настолько заморожен, созерцая ее, что не в силах отвести глаз.

Клем — настоящая красавица, и сегодня ее нежность и юность особенно выделяются. Ее волосы собраны во французскую косу (кажется, это так называется), в которую вплетены желтые и фиолетовые цветы. На ней длинное легкое платье цвета лазури, гармонирующее с оттенком ее глаз.

Мне кажется, что я целую вечность наблюдаю за ней, впитывая в себя ее образ, чтобы запомнить навсегда. На деле же проходит несколько минут и наши глаза встречаются, когда Клем находит меня среди остальных гостей.

Она немного неуверенно улыбается мне, склонив голову набок, и я отвечаю ей едва заметным движением губ. Клем делает шаг в мою сторону, но ее перехватывает какая-то молодая девушка, увлекая за собой.

Несколько минут я общаюсь со старыми знакомыми, Кэри и Дайан, которые вместе еще со времен школы. Мы никогда не были друзьями, но я рад узнать, что они уже много лет женаты и воспитывают двоих детей.

Чуть позже я ухожу в дом, сославшись на то, что мне надо в туалет. На самом деле, я просто хочу побыть в тишине подальше от толпы и потешить свое любопытство — посмотреть на комнату Клем. Я поднимаюсь на второй этаж и по памяти открываю нужную дверь. Надеюсь, что это все еще ее комната.

Так и есть, я не ошибся. Все здесь говорит о том, что хозяйка комнаты — молодая девушка. И обои с нежным цветочным рисунком, и бледно-лиловое стеганое одеяло на кровати, различные школьные ленточки на полках с книгами, зеркало, наполовину скрытое увешанными фотографиями.

К нему я и подхожу, с интересом просматривая разные периоды жизни Клем. Клем верхом на Корице, ей лет четырнадцать — пятнадцать. Клем не больше двенадцати, и они с Беном дурачатся на пляже. Клем лет восемнадцать, и она ловит рыбу с отцом. Клем выпускница школы, с широкой улыбкой стоит среди гордых родителей и Бена.

Я улыбаюсь, рассматривая каждый снимок. На одном Клем лет шесть-семь, и она не с самым радостным видом позирует в гимнастической форме. Рядом висит другой, где Клем уже студентка, со счастливым видом указывающая на эмблему Университета Северной Каролины. Я снимаю его с крепления и подношу к лицу, а под ним вдруг вижу то, чего увидеть, никак не ожидал.

Это фотография десятилетней давности. На ней я, двадцатилетний младший сержант лётной школы, стою возле 182S Skylane. Это фото я выслал маме и тете Рут, но не знаю, как оно оказалось у Клем.

— Я стащила его, — словно отвечая на мой вопрос, виновато произносит Клем за моей спиной.

Я оборачиваюсь к ней, не заметив, как она вошла.

— Я много раз видела ее у Тима и однажды я просто взяла ее, — морщится девушка. —

Знаю, это нехорошо, но у них хватало твоих фото, а мне хотелось иметь хоть одну.

Она смотрит на меня с раскаяньем и одновременно проказливо, а все, о чем я могу думать, это ее губы, которые хочу поцеловать. Поэтому я подчиняюсь своему желанию, притягиваю ее к себе и, обхватив затылок, неистово, с силой целую.

Губы Клем охотно раскрываются, и наши языки сплетаются в порыве. Я не замечаю, как мы движемся, но скоро спина Клем упирается в стену, и одной ногой она обхватывает мое бедро.

Наши пальцы сплетаются, и я завожу руки Клем над головой. Она слегка выгибается, прижимаясь грудью ко мне, и волна мощного, чистого желания проходит сквозь меня.

— Хочу тебя, — шепчу ей в рот я, и ответом мне служит ее тихий стон. А в следующую секунду ее тело каменеет, и глаза испуганно взирают на что-то за моей спиной.

Я оборачиваюсь и вижу Тима.

— Тим?

— Лукас, какого черта?! — разъяренный взгляд брата заставляет меня заткнуться. — Как ты можешь после того, как я сказал, что люблю ее? — его голос повышается по мере того, как его шок отступает.

Я чувствую себя настоящим дерьмом, потому что его слова звучат более чем справедливо.

И что я должен сказать ему теперь?

— Тим, пожалуйста, дай нам все объяснить, — умоляюще просит Клем, беря его за руку, но парень резко одергивает ее.

— Объяснить что? — он смотрит на нее полным разочарования взглядом. — Что ты посчитала меня недостаточно хорошим для себя после всех лет дружбы, но с охотой бросилась в его объятия, стоило ему только приехать?

— Это не так, Тим, — стараюсь сохранять спокойствие, возражаю я. — Не спеши с выводами, — я делаю шаг к брату, но он резко отступает, будто близкое нахождение со мной вызывает в нем брезгливость.

— Дерьмо все это! Какие выводы я могу сделать, после того, как твой язык побывал у нее во рту?

— Тим, прекрати! — лицо Клем бледнеет еще больше, а глаза наполняются страхом. — Пожалуйста, не надо, чтобы нас кто-нибудь услышал. Никто пока не должен знать об этом, — она жестом обводит нас рукой.

— Так что, вы типа вместе? — он презрительно дергает плечами, но его глаза выдают уязвимость. — Между вами тайный роман, или как это называется? Как давно? Как давно вы держите всех за идиотов? — его голос снова повышается, и я поглядываю на дверь, ожидая, что в комнату вот-вот кто-то ворвется.

— Боже, Тим, это длится всего несколько дней, — Клем проводит руками по лицу, с трудом сдерживая отчаянье.

Я очень сожалею, что поставил ее в такую ситуацию.

— И мы пока не готовы к тому, чтобы всем рассказать. Все еще так зыбко. Пожалуйста, не говори никому.

Я смотрю на Клем, и понимаю, что она говорит только часть правды. Это не «мы» не хотим оглашать перед всеми наши отношения, а я. Что касается самой Клем, то она бы и минуты не стала ничего скрывать, не попроси я ее об этом.

— Почему он? — с искренним негодованием вопрошает Тим, мельком взглянув на меня.

Мне и самому интересно, почему Клем выбрала меня.

— То есть, ты же даже толком не знаешь его, — он мрачно усмехается. — Что у вас может быть общего?

Как бы ни хотелось мне это признавать, но тут я был с Тимом согласен.

Да, мне хорошо с Клем. Она забавная, добрая и с ней я забываю... да обо всем. Но разве это причина, чтобы связывать свои жизни вместе? Менять свой привычный уклад, видоизменять себя для того, чтобы вписаться в рамки другого человека.

Слишком сложно, и гарантии нет, что это будет оправдано. Готов ли я к этому?

Я не уверен.

Впервые, когда я встретил Дженнифер, то сразу понял, что хочу видеть ее рядом всю оставшуюся жизнь. Даже если бы мы оказались полными противоположностями, я был готов стать тем, с кем ей будет хорошо. Тогда у меня даже сомнений по этому поводу не возникало. Но сейчас, спустя почти десять лет, я думаю, что это молодость и неопытность говорили во мне.

— Это сложно объяснить, — после продолжительной паузы наконец произносит Клем, едва пожимая плечами. — У меня нет четкого ответа на твой вопрос, потому что... я и сама не знаю, — уголки ее губ слегка приподнимаются. — Но это то, что я чувствую. Это просто есть.

Я наблюдаю, как ее щеки немного краснеют, когда она признается в своих чувствах. Знаю, что ей нелегко далось это перед Тимом, ведь она прекрасно знает о его чувствах к ней и том, что причиняет боль ему.

Клем не смотрит на меня, но я знаю, что она чувствует мой взгляд.

Мое сердце останавливается на мгновение, когда понимание того, что не заслужил любви этой девочки, проходит сквозь меня.

— Я был рядом столько лет и любил ее, но все было бессмысленно. Тебе же стоило только появиться, как она голову от тебя потеряла, — Тим с неприязнью смотрит на меня. — Ответь мне, где здесь справедливость? — требует он, но я лишь качаю головой.

— Прости, Тим, но у меня нет ответа на твой вопрос. Не знаю, что тебе сказать, кроме того, что мне жаль, что ты узнал об этом таким образом.

Он фыркает, отмечая мои слова.

— Тим, не думай, что Люк — тот, кто виноват во всем, — тихо просит Клем. — Он не тот плохой парень, который по прихоти вскружил голову девчонке, приехав в маленький городок, — она мягко ему улыбается. — Если хочешь кого-то винить, тогда вини меня. Потому что, — она глубоко вздыхает, — я уже много лет люблю его. Это началось, когда я была совсем ребенком, и не изменилось с течением времени.

Я чувствую тепло в себе, идущее от ее слов. Хочу крепко обнять Клем и не отпускать долго-долго, но присутствие Тима останавливает меня.

— О чем ты говоришь? — он смотрит на нее так, словно не узнает. — Как ты могла любить его все эти годы, если его здесь даже не было? Это же полная чушь! Ты любила его, пока он был женат и даже не вспоминал о тебе? Это глупо, Клем.

— Тим, прекрати, — твердо заявляю я, видя, как жестокие слова парня задевают Клем. — Пошли, давай найдем место и поговорим. Пусть Клем вернется к гостям.

Я кладу руку на плечо брата, намереваясь увести его отсюда, но он резко дергается, страшивая ее.

— Отвали от меня! — его глаза яростно сверкают. — Ты ублюдок, которому я имел глупость довериться.

— Давай, скажи ей правду, Люк, — он язвительно смотрит на Клем. — Скажи, что ее фантазии о тебе просто глупы, и ты до сих пор любишь свою жену. Что мертвую Дженни ты любишь больше, чем живую Клем, хоть она сама предлагает тебе себя!

Он кивает в сторону Клем, и она буквально съеживается на глазах.

Меня словно прошибает горячим потоком, и кровь ревет в ушах. Я хватаю Тима за ворот рубашки, с трудом сдерживаясь, чтобы не захватить кулаком ему в челюсть.

— Закрой рот! Сейчас же заткнись! — дрожащим от гнева голосом цежу я. — Хочешь показать свое дерьмо — отлично. Но не здесь и не перед ней.

Я распахиваю дверь и волоку сопротивляющегося Тима вон из комнаты. Уже у лестницы я оглядываюсь и вижу, что Клем за нами не последовала.

Тем же вечером, но несколько позже, я сижу на крыльце своего дома, выкуривая одну сигарету за другой. Я уехал с праздника двумя часами раньше, посчитав, что я не в том настроении, чтобы праздновать. И, в первую очередь, мне казалось, что Клем будет лучше, если на время мы придержимся дистанции. Я видел, как повлияли на нее слова Тима. Больше, чем того хотела бы сама Клем.

Тим все же вырвался и, послав меня напоследок, скрылся. Я не стал его догонять, потому что не хотел устраивать сцену на вечеринке, которую Мэри так старалась организовать для своей дочери. Это было бы полным неуважением к ней и всей их семье. А я и так провинился перед ними, когда завел тайные отношения с Клем.

Больше всего сейчас меня волновала она. Я не знал, что она думает после случившегося и как себя чувствует. Предполагаю, что так же, как и я — паршиво.

Упустив Тима, я вернулся в дом и поднялся на второй этаж, но дверь ее комнаты была закрыта и, постояв перед ней некоторое время, я решил уйти. Если быть честным перед собой, то я просто побоялся посмотреть ей в глаза.

Когда слова Тима достигли цели, я видел выражение боли, страха и неуверенности на ее лице.

Я знал, что должен войти в ту комнату и сказать ей слова, которые уверят ее, что Тим ошибается. Найти то, что заставит ее почувствовать себя лучше. Но в тот момент таких слов просто не было.

И я сбежал.

А, оказавшись дома, понял, что этот вечер не должен закончиться так.

Только не так.

Я послал смс, в котором попросил Клем приехать, как только она сможет.

Мне казалось, что с момента моего возвращения домой прошла целая вечность. Я выкурил пачку сигарет и выпил миллион с чем-то чашек крепкого кофе, когда наконец ее машина остановилась на моей подъездной дорожке.

Я не жду, когда Клем заглушит мотор и подойдет к дому.

Сбегаю с крыльца и уже через несколько мгновений прижимаю Клем к себе, словно ошалевший, дрожащими руками глядя ее волосы и лицо.

— Я боялся, что ты не приедешь, — с трудом справляясь с дрожью в голосе, на выдохе признаюсь я.

— Я сомневалась, что стоит приезжать, — она чуть отстраняется, чтобы видеть мои глаза. От волнения покусывает уголок нижней губы. — Просто... Это сложно так, — она глубоко вздыхает и, повернувшись ко мне спиной, смотрит на озеро.

Я практически перестаю дышать, с неприятным чувством обреченности ожидая ее решения.

Это странно. Всего несколько дней назад я считал отношения с Клем досадным осложнением, которому не место в моей жизни. А теперь я покрываюсь холодным потом при мысли, что все испортил, и она решит закончить все здесь и сейчас.

— Тим ведь был прав сегодня, — в ее голосе слышится глубокая печаль, когда она снова смотрит на меня. — Это верно, я правда глупая, если думала, что из этого что-то может получиться.

— Чушь! — я беру ее лицо в ладони и заглядываю в глаза. — Ты не глупая. Ты... ты удивительная. — я улыбаюсь, но не потому, что мне весело, а потому, что я дико нервничаю. Уже и забыл, когда в последний раз что-либо переживал так. — Ты даже не представляешь, насколько ты необыкновенна. И ты заставляешь чувствовать меня живым, а это никому не удавалось уже очень давно, — я дергаю плечами, желая облечь в слова все то, что чувствую с ее появлением в моей жизни, но знаю — что бы я ни сказал, это не выразит и части того, что есть.

— Я не знаю, почему маленькая девочка однажды выбрала меня. Я не знаю, почему эта девушка передо мной любила меня все эти годы. Правда, не знаю. Но, Клем, позволь мне увидеть это. Увидеть это вместе с тобой. Если ты дашь мне шанс, возможно...

— Тсс, — на прикладывает палец к моим губам и, мягко улыбаясь, заставляет замолчать. — Я не собираюсь уходить, Люк. Я там, где хочу быть. Рядом с тобой. Даже если слова Тима — правда, я все равно не хочу отказываться от того, что есть и что может быть.

В глазах Клем я вижу неподдельное доверие. Она доверяет мне, и, хотя я сомневаюсь, что заслужил ее это, все же обещаю себе, что постараюсь оправдать его.

Еще недавно я думал, что моя жизнь — пустая оболочка, и что бы ни случилось, терять мне нечего. Но теперь это не так. Теперь у меня есть Клем, с потерей которой я утрачу не только ее, но и себя также.

Я беру Клем за руку и, переплетая крепко наши пальцы, веду в дом.

— Ты должен кое-что знать, прежде чем... — Клем запинаясь, и ее лицо розовеет в смущении.

Мы стоим в спальне, возле окна, в которое льется яркий свет луны. Мои руки лежат на талии девушки, и я чувствую, как она дрожит под моими ладонями.

— Ты можешь сказать мне все, Клем, — мягко говорю я, посмотрев ей в глаза. Мне становится любопытно: Клем не из тех людей, кто чувствует стеснение по любому поводу.

Наконец Клем на выдохе признается:

— У меня это впервые.

Я отступаю, не в состоянии скрыть удивления на лице и не сразу нахожу, что сказать.

Это неожиданно. Да, я знал, что у Клем не много опыта в интимных отношениях — это чувствовалось, не смотря на ее браваду и периодическую колючесть.

Но Клем — девственница?

Черт, не уверен, что готов взять на себя такую ответственность!

— Если ты хочешь, мы не будем делать этого сейчас, — предлагаю я, волнительным жестом проведя рукой по волосам.

Мое тело охвачено желанием и возбуждением, но я почти хочу, чтобы она отказалась. Секс всегда меняет отношения: в хорошую сторону или наоборот. С первым сексом все еще сложнее.

— Нет, я хочу! — в ее глазах мелькает паника. — Хочу тебя. Так сильно, даже все тело ломит, — ее губы дергаются в неуверенной, ранимой улыбке. — Просто хочу, чтобы все было по-честному. Надеюсь, это не станет препятствием для тебя.

Затаив дыхание, Клем в ожидании смотрит на меня.

Я качаю головой, погладив ее по нежной щеке.

— Нет, не станет.

Притягивая Клем к себе для поцелуя, я бросаюсь в омут с головой. Я решаю — будь, что будет. Возможно, наши отношения — только мимолетная вспышка в наших жизнях. Возможно, нам не суждено быть вместе. Но эта ночь — то, что мы можем получить. То, что никто не отнимет.

Я не сдерживаю страсти, целуя Клем. И она отвечает мне тем же. Стараясь не торопиться, я снимаю платье с нее, потом подхватываю на руки и отношу на постель. Покрываю нежными поцелуями и чувствую, как постепенно напряжение уходит из ее тела.

Она кажется такой уязвимой и незащищенной, но ее тело доверчиво льнет ко мне. Я знаю, что не могу предать доверие этой девочки. Слишком долго ее чувства ко мне жили в ней. То, что долгие годы Клем берегла свою любовь ко мне, казалось невероятным, удивительным, но я видел, что это так. Клем была слишком искренней и открытой, чтобы лгать об этом.

— Скажи мне, если что-то будет не так, или просто захочешь остановиться, — посмотрев в ее глаза, мягко произношу я.

Клем кивает, но молчит, и это служит мне сигналом продолжать.

Я долго целую и ласкаю ее, и тихие стоны удовольствия нарушают тишину комнаты. Степень моего возбуждения зашкаливает, но все это ради нее, а потому я сдерживаюсь, пока не буду уверен, что она действительно готова.

Клем теплая и мягкая; и кажется такой хрупкой в моих руках. Я боюсь причинить ей боль, пусть и ненароком.

И когда я чувствую, что момент настал, это наконец происходит.

В этот конкретный миг мы с Клем становимся одним целым.

Я просыпаюсь на рассвете и вижу, что Клем нет в постели. Несколькими часами ранее мы заснули вместе, и теперь, не обнаружив ее рядом, я испытываю волнение.

Поднимаюсь и натягиваю джинсы и футболку. Спускаюсь вниз, предполагая, что Клем может быть в кухне. Но нет — на первом этаже пусто.

Открываю дверь и выхожу на крыльцо, где и нахожу Клем. Она сидит на скамейке, закутавшись в одеяло, и смотрит на озеро, над которым только-только показались лучи солнца.

Всем телом и разумом я ощущаю облегчение. Рад, что Клем не сбежала, пожалев о том, что я стал ее первым мужчиной.

Первым?

Подобная формулировка вызывает неприятие. Не хочу, чтобы это было похоже на открытие какого-то счета. Сама мысль о том, что у Клем еще с кем-то будет то, что было у нас несколькими часами ранее, скручивает мой желудок в узел.

Я не тороплюсь нарушать молчание. Просто стою, облокотившись о дверь, и наблюдаю за умиротворением на лице Клем. В ее облике все еще много юности, где-то трогательной наивности, смешливой забавности. Но черты прекрасной молодой женщины проступают все отчетливей, и только вопрос времени, когда она покинет период девичества.

— Хотела бы так каждое утро встречать, — расслабленно улыбнувшись мне, признается Клем.

И внезапно, когда она говорит это, перед моим внутренним взором предстает картина того, что это реально. Что мы живем здесь, в Диллане, в этом самом доме и встречаем каждое утро, наслаждаясь видом предрассветного озера.

Нет, лгу. Сам я готов бесконечно любоваться только Клем, счастливой и безмятежной.

Возникает желание поделиться этим с ней, но отчего-то я не решаюсь. Вместо этого подхожу к скамейке и опускаюсь рядом с девушкой.

— Как ты себя чувствуешь?

Я мягко смотрю на нее, пытаюсь уловить в ее глазах то, что она не захочет мне сказать. Что, если ей больно? Что, если она сожалеет?

Столько причин, из-за которых я чувствую неуверенность. Даже когда это впервые случилось с Дженнифер, я так не волновался.

— Хорошо, — Клем чуть наклоняет голову и лукаво улыбается мне. — Даже больше, чем просто хорошо. Прекрасно! Волшебно!

Она смеется, а я лишь качаю головой.

Опять дурачится.

— Нет, правда, — ее лицо вдруг окрашивает нежный румянец, а взгляд принимает серьезное выражение. — Тебе не о чем беспокоиться. Все было замечательно. Только... — она колеблется, в нерешительности покусывая уголок рта.

— Что, Клем? — я ободряюще киваю ей.

— Так ли хорошо было тебе? — она опускает взгляд на колени, тихо озвучивая вопрос,

который ее беспокоит.

— Ох, Клем.

Я привлекаю ее к себе и прижимаюсь губами к теплomu лбу девушки. Мой голос звучит негромко, пока я признаюсь ей в своих чувствах, которые обнажились этой ночью. Не повышая тона, я шепчу ей на ушко разные милые глупости, которые вызывают в ней счастливую улыбку.

Проходит немало времени, и, когда солнце уже высоко стоит над озером, мы с Клем возвращаемся в дом, чтобы позавтракать, но стоит дверям захлопнуться за нами, как я привлекаю ее к себе и, перекинув через плечо, взбегаю по лестнице на второй этаж.

Когда тем вечером я останавливаюсь возле бара, то вижу собравшуюся толпу на парковке, в центре которой что-то происходит.

Наверняка, очередная пьяная потасовка.

Я выхожу из авто и подхожу ближе. Каково же мое удивление, когда в центре образовавшегося круга я вижу Бена и Сема Стинсона, которые вот-вот набросятся друг на друга.

— Немедленно попроси у нее прощения, грязный ты мешок дерьма! — едва сдерживаясь от злости, требует Бен у своего противника.

— Вот еще, и не подумаю! — Сем, успевший принять на грудь, фыркает. — Я сказал правду и не собираюсь извиняться перед какой-то девчонкой.

Я быстро оцениваю обстановку. Очевидно, слабый на голову Сем оскорбил Тайру, за которую и вступился Бен.

— Эй, что случилось?

Я подхожу к другу, не оставляя без внимания Сема и его брата Эда, который маячит поблизости. Если придется, я готов помочь другу разобраться с ними.

— Этот козел оскорбил Клем! — заявляет Бен, испепеляя противника взглядом.

Я смотрю за плечо друга и встречаюсь взглядом с Клем. Она смущена, и ее щеки стыдливо горят.

Что этот урод сказал ей?

— Ха! Оскорбил? Все, что я сказал — правда! Твоя сестра — маленькая вертихвостка, которая одевается как шляха, и при этом строит из себя невесть кого!

Волна горячей ярости пронесется от макушки до самых стоп, когда небрежные, оскорбительные слова слетают с его грязных губ в сторону чистой девочки, какой и была Клем. В следующий миг мой кулак встречается с челюстью Сема. Не делая паузы, я бью еще раз — не устояв на ногах, Сем с глухим стуком падает на землю. Пытаясь защитить брата, Эд кидается на меня, но его перехватывает Бен, и до меня доносятся звуки ударов — Бен и Эд нещадно колотят друг друга.

Я настолько зол, что буквально дрожу от ярости, наклоняясь к Сему и хватая его за шиворот грязной футболки:

— Ты сейчас же попросишь у Клем прощения, тупая ты скотина, иначе, Богом клянусь, я разбросаю твои мозги по асфальту, — сквозь зубы выплевываю я, трясая обмякшее тело Сема.

— Ладно, ладно! — хрипит подо мной Стинсон, пытаясь оторвать мои руки от себя. — Дай только встать.

Мне все еще хочется размазать этого урода по земле, но я поднимаюсь, отталкивая его от себя. Мы и так устроили целое представление, и все, кто был в баре, вывалили на улицу полюбоваться зрелищем.

Шатаясь и отплеывая кровь, Сем поднимается и, усмехаясь, смотрит на Клем, которая выглядит так, будто готова сбежать в любую секунду. Только за то, что он смотрит на нее так, я готов скрутить его шею голыми руками.

— Ну прости, что сказал правду, — кривясь, протягивает Сем, а в следующую секунду вновь оказывается на земле, сбитый моими кулаками.

Я перестаю связно мыслить, и мое желание только в одном — выбить весь дух из этого куска дерьма. Мои костяшки пальцев содраны до кости, но я не чувствую боли, продолжая ударять кулаками по Сему, тело которого больше не шевелится.

Я почти не слышу, как Бен призывает меня остановиться, предостерегая словами о том, что я убью Стинсона. Кто-то пытается оттащить меня от неподвижного Сема, но я сбрасываю с себя чужие руки. А потом я слышу крики Клем, и в тот момент, когда заносу разбитый кулак для следующего удара, она запрыгивает мне на спину и ее руки крепко обхватывают меня за шею.

— Прекрати, Лукас! — громко шепчет она и, хотя кровь шумит в моих ушах, я слышу ее. — Люк, пожалуйста! Остановись, ради меня!

Ее напуганный, умоляющий голос возвращает меня к реальности. Я моргаю и оглядываюсь.

Что, черт возьми, на меня нашло?

— Ты в порядке? — я смотрю на Клем, тяжело дыша. Она кивает и ее распахнутые в страхе глаза действуют на меня как охлаждающий душ. — Я напугал тебя?

Я смотрю только на нее, не обращая внимания на всех людей вокруг.

Черт, я вовсе не хочу, чтобы она боялась меня!

— Нет, — Клем качает головой, но я вижу, как она дрожит.

Стон Сема привлекает мое внимание, и я чувствую облегчение. Он выглядит отвратительно, но, слава Богу, я не убил его.

Кто-то помогает Сему, но меня это уже не волнует. Главное, что этот мешок дерьма остался жив. Меня все еще трясет и напряжение не уходит из тела. Я разворачиваюсь и иду к своей машине, чувствуя себя полностью дезориентированным.

Я едва не убил человека!

Слова Бена несутся мне вслед, но я не оборачиваюсь и не останавливаюсь. Дрожащими руками достаю ключи из кармана джинсов, но чья-то рука тут же отнимает их.

— Я поведу, — тихо, но твердо заявляет Клем.

Я не спорю, забираюсь на пассажирское сиденье и, прижимая голову к холодному окну, молчу до самого дома.

Как только машина останавливается на подъездной дорожке, я открываю дверь и выхожу. Мне все еще тяжело дышать — и я делаю несколько глубоких вдохов, заведя руки за голову.

На какой-то момент я почти потерял контроль над собой, и меня самого это напугало.

Я слышу, как хлопает водительская дверь сзади, но не оборачиваюсь. Я боюсь посмотреть в глаза Клем и увидеть там разочарование.

Меньше всего на свете я хотел бы разочаровать эту девочку.

— Лукас, надо осмотреть твои руки, — спокойно отзывается Клем, но я слышу, как едва вибрирует ее голос в попытке сдержаться.

— Скажи мне, что у нас все в порядке, — даже не думая о своих разбитых руках, я оборачиваюсь и напряженно смотрю на нее. — Скажи мне, что это не оттолкнет тебя.

Губы Клем дергаются в слабой улыбке, и она отрицательно машет головой.

— Даже не думай об этом.

— Но я напугал тебя?

— Я за тебя испугалась, — Клем выглядит растерянной. — Плевать я хотела, что этот придурок думает обо мне. Я просто не хочу... не хочу, чтобы тебе причинили вред или чтобы ты сам причинил себе вред.

Она кажется такой ранимой, трогательной и смущенной. И я понимаю, почему вышел из себя и едва не убил Сема.

Она причина. Я готов был голыми руками вырвать кадык любому, кто посмеет причинить ей боль.

Я делаю шаг к ней, стирая расстояние между нами и обхватив ее лицо своими поврежденными руками, притягиваю ее к себе. Все мои чувства, кажется, увеличились в стократ, и нет сил удержать их внутри. Мою грудную клетку буквально разрывает от ярких, сбивающих с толку эмоций к этой хрупкой девушке.

С жадностью набрасываюсь на ее рот, сминая ее губы своими. Клем с готовностью отвечает мне, вжимаясь своей фигуркой в меня. От моей вчерашней сдержанности не осталось и следа. Она настолько желанна для меня, что теперь я понимаю — сопротивляться чувствам к Клем было глупо и неэффективно.

Я не знаю, как в ней так гармонично уживается светлая невинность и чувственная сексуальность. Но я буквально теряю способность связно мыслить, когда она только лишь в простой белой майке и коротких джинсовых шортах прижимается ко мне. Я с дрожью провожу своими руками по ее густым золотистым волосам.

Мы перемещаемся в дом, но стоит двери за нами закрыться, как я прижимаю к ней Клем и подхватываю ее, закидывая ее длинные стройные ноги себе на пояс.

Ее пальчики расстегивают кнопки моей клетчатой рубашки, потом я помогаю ей стянуть с себя футболку. Ее руки ложатся на мои плечи, и прикосновение ее кожи к моей заставляет мое тело гореть и вибрировать от желания.

Я с долей отчаянья срываю поцелуи с ее губ и все никак не могу унять эту жажду. Она такая мягкая и сладкая, и я хочу ее более чем что-либо в этой жизни.

Я нуждаюсь в ней.

— Ты такая удивительная, — шепчу я в ее губы, пока мои руки избавляют ее от майки и бюстгалтера.

Клем быстро дышит, прикрывает глаза и облизывает свои слегка припухшие от поцелуев губы.

Ее запах, ее вид, вся она — это как лучший и самый сильный афродизиак для меня.

Последняя моя связная мысль перед тем, как податливое тело Клем принимает меня: «Я люблю ее. Я действительно люблю ее».

На следующий день, ранним утром я просыпаюсь от звука подъехавшей к дому машины. Жизнь в армии и дальнейшая работа выработала во мне чуткий сон. Порой малейший шум мог разбудить меня.

Гостей я не ждал, и было не так много людей, которые могли заявиться ко мне спозаранку. Встав с постели, я быстро влезаю в висевшие на кресле джинсы и, подойдя к окну, слегка отодвигаю занавеску.

— Черт! — ругательство невольно вырывается из моего рта, когда я вижу машину Бена и его, идущего к крыльцу.

— Что случилось? — сонно бормочет Клем, с усилием приоткрывая глаза.

Ее густые, отливающие золотом волосы спутались после сна, простыня сползла с оголенной груди, и сейчас она безумно сексуальная, красивая и желанная, но мне совершенно некогда остановиться на этом и насладиться моментом, потому что Бен ни в коем случае не должен увидеть здесь Клем.

— Бен.

Я с досадой смотрю на Клем. Имя брата вмиг прогоняет все остатки сонливости, и она подскакивает на постели, в панике распахнув глаза.

— Думаешь, он знает, что я здесь?

Я улавливаю дрожь в голосе Клем, и это заставляет меня поморщиться.

— Не знаю. Надеюсь, что нет, но после того, что произошло вчера, было бы странно, если бы у него не зародились подозрения.

Вчера, выйдя из себя и поддавшись эмоциям, я был неосторожен. Моя реакция и наш последующий совместный отъезд с ней был более чем странным.

Или так только мне казалось, потому что я знал — мне есть что скрывать.

Я должен был узнать, как много известно Бену и подозревает ли он что-то.

— Что будем делать? — Клем в ожидании смотрит на меня, давая понять, что решение за мной.

Не похоже, что в данный момент она хочет раскрыть наши отношения перед братом, но я так же понимаю, что именно я был инициатором сохранить их в тайне. И очень часто я не мог не корить себя за это.

— Я спущусь вниз, а ты побудь тут, хорошо? — чувствуя себя виноватым, говорю я, когда Бен стучит в дверь.

Мне кажется, что в глазах Клем мелькает тень разочарования, но она тут же кивает и, сложив руки на покрывале, смотрит, как я выхожу из комнаты.

В этот момент я совершенно не нравлюсь себе.

Мы с Клем оба взрослые люди, и между нами нет ничего предосудительного. Только если не брать моральный аспект.

Я не думаю, что Бен согласился бы с этим.

Открывая дверь перед другом, я демонстративно зеваю и делаю вид, что все еще не могу проснуться.

— Бен? — кажется, мне неплохо удастся изобразить удивление. — Что привело тебя в такую рань?

Мой голос звучит непринужденно, даже слишком. Это не похоже на меня, и я решаю, что если и дальше буду говорить в такой манере, друг тут же раскусит мой блеф.

— Извини, что заявился, пока ты спал, — Бен нервно улыбается и проводит рукой по волосам. — Но мне необходимо было поговорить с тобой до работы.

Отлично, он явно готовился мне сказать что-то, что не давало ему покоя и из-за чего он так тушевался. Очевидно, не я один здесь нервничал.

Приготовившись к непростому разговору, я прочищаю горло и говорю:

— Не против, если мы посидим на улице? Хочу покурить.

Бен кивает, а я беру пачку сигарет со столика в прихожей и выхожу из дома.

На самом деле, я и правда хочу курить, но также я должен держать Бена подальше от Клем, хотя сомневаюсь, что он догадывается о том, что его младшая сестра наверху в моей комнате. В моей кровати. Голая. После того, как мы трижды за ночь занимались сексом, пока не уснули в объятьях друг друга, совершенно вымотанные.

Твою мать! Я абсолютно точно заслуживаю звания «самый худший друг на планете».

— Так в чем дело?

Я начинаю первым, потому что Бен все никак не решается озвучить то, что вертится у него на языке.

— Люк, скажи мне, что мне вчера показалось, будто между Клем и тобой что-то происходит, — как на духу выпаливает друг и при этом впивается в меня взглядом в упор. Мне кажется, что он без труда разгадает мою ложь, которая буквально находится на поверхности.

— Что?!

Я изображаю полное недоумение, но, похоже, мой голос подводит меня и я переигрываю. Оказывается, это совсем не просто — иметь тайный роман. Секреты, драмы — это никогда не было по моей части, и теперь я просто удивлялся, как мог влипнуть в такое.

— Бен, с чего ты взял, что это так?

— Твоя реакция на слова придурка Стинсона. Приятель, ты же чуть не убил его! — он машет рукой, а я невольно отвожу взгляд, потому что Бен совершенно прав. — И то, как Клем запрыгнула тебе на спину. Извини, но обычно так поступают только влюбленные девушки.

Слова друга эхом отдаются внутри меня. Я знаю — Клем любит меня, так что тут Бен не ошибся, хотя сам он вряд ли понимает, как далеко все зашло. Конечно, он и предположить не мог, какие отношения связывали нас с его сестрой, иначе уже бы заехал мне несколько раз — я уверен.

Я все еще не могу свыкнуться с тем, что у меня есть чувства к Клем. Настоящие. Я люблю ее и больше не сомневаюсь в этом. Но наше будущее...

Я не знаю, что будет с нами через неделю или две. Пока не готов сделать наши отношения всеобщим достоянием.

Еще не время.

— Бен, я воспринимаю Клем как свою младшую сестру, — чувствую отвращение к себе, когда без зазрения совести вру в глаза старому другу. — Она выросла на моих глазах, и просто никто не должен говорить такое про нее, понимаешь? Про любую девушку — не только Клем.

Я никогда не был рыцарем в отношении женщин. То есть в юности я не вел себя как

полный придурок, как некоторые парни из училища, когда видели горячую цыпочку, но и не строил из себя саму благодетель. Я мог отпустить фривольный комментарий вслед какой-нибудь красотке или привести крошку на ночь, но никогда не унижал их, не принимал за шлюх.

Такие парни, как Сем — просто кусок дерьма, которым порой необходим жесткий урок, если они позволяют такое обращение к женщинам.

— Ладно, извини, — Бен немного расслабляется и улыбается. Интересно, если бы я дал ему другой ответ, как бы он поступил? — Из-за этой свадьбы я немного на взводе. Вот и кажется всякое.

Я говорю какие-то слова по случаю и похлопываю друга по спине, но ком в горле указывает на то, что я еще не скоро договорюсь со своей совестью.

Как долго я смогу всем лгать? Или как долго Тим будет молчать? Рано или поздно, но правда выйдет наружу. Это нерушимый закон. И мне придется разбираться с последствиями.

Скоро Бен уезжает — ему надо на работу. Я же испытываю чертово облегчение, когда его машина скрывается за поворотом. Только тогда я возвращаюсь в дом — на этот раз все обошлось, но надолго ли?

— Значит, я для тебя как младшая сестра? — Клем выгибает свои русые брови и с лукавством смотрит на меня. Она сидит на верхних ступенях лестницы, одетая в мою рубашку, а я люблю ее рассыпанными по плечам волосами.

На миг мое дыхание перехватывает — Клем красавица, имеющая прекрасные внешние данные, плюс огромное, доброе сердце, и теперь я понимаю, какой удачей было вернуться домой. Только чтобы встретить ее и полюбить.

Я начинаю верить, что Клем может стать моим исцелением.

— Ты подслушивала? — стараюсь, чтобы мой тон звучал шутливо, но голос подводит меня, и хрипота выдает мое волнение.

— Окно в спальне приоткрыто — я вас слышала, — с самым невинным видом отзывается она.

Сейчас, когда Клем всего в нескольких шагах от меня и так соблазнительно смотрит, мое чувство вины забыто. Мое тело реагирует на нее, и все, чего я хочу — это она.

Я поднимаюсь по лестнице, глядя в ее глаза, и не пытаюсь скрыть силу своего желания. Как-то так получилось, что с каждым днем моя потребность в Клем увеличивается. Теперь, мне трудно представить, что смогу оставить ее по истечению отпуска. Просто не захочу.

В самом скором времени я должен буду что-то придумать.

Немного позже, потому что сейчас есть кое-что, не терпящее отлагательств.

Наклоняясь к Клем, я упираю ладони в ступеньку по обе стороны от ее бедер и приближаю свое лицо к ее лицу, но не целую. Смотрю в ярко-голубые глаза и понимаю, что готов делать это остаток своей жизни.

Вот так просто. Она нужна мне. Вся. Навсегда.

— Ты красивая, — говорю я, слегка потираясь носом о ее нос.

Клем тихо смеется и обхватывает меня за шею руками. Я глубоко вдыхаю аромат ее шампуня — мята и лимон — теперь эти запахи всегда будут напоминать мне о Клем.

— Ты не представляешь, как много раз я мечтала услышать эти слова от тебя, — признается Клем, и я улавливаю нотку грусти в ее голосе.

Если это делает ее счастливой, я готов говорить их ей снова и снова.

— Ты красивая и сексуальная, и, кажется, я теряю рассудок из-за тебя, — шепчу я ей на

ухо, кладу руку на бедро и веду вверх.

Дыхание Клем становится частым и неровным. Она прикрывает глаза и чуть наклоняет голову в сторону, открывая мне доступ к своей шее, на которой я оставляю легкие поцелуи. С каждым прикосновением к ее нежной коже, с каждым звуком ее дыхания желание во мне ширится, и терпеть становится все трудней.

Клем шире разводит бедра и, откинувшись на ступеньку выше, смотрит на меня из-под полуприкрытых глаз. Ее взгляд полон такого же ответного желания и страсти.

Чувствительность Клем стала открытием для меня.

— Мне нравится, как ты выглядишь в моей рубашке, — с хриплым смешком говорю я, берясь за пуговицы и расстегивая их, — но еще больше — когда на тебе нет ничего.

Под моей одеждой Клем совершенно голая, и ее обнаженный вид бросает меня в настоящий жар. Мое дыхание сбивается — я с восхищением смотрю на нее.

— Займись со мной любовью, Люк, — чистым, мягким голосом произносит Клем, и эта простая, бесхитростная фраза добивает меня.

Как ей удается это? Каждый раз, она словно поражает меня своей сущностью.

Я запускаю пальцы в ее волосы и обхватываю затылок, после чего целую. Глубоко и сильно, показывая, как хочу ее. Губы Клем раскрываются, впуская меня и мягкость ее губ, теплая влага языка делает меня еще тверже.

— Хочешь, вернемся в комнату?

Я прикладываю усилия, справляясь со своим голосом. Хочу ее прямо здесь, немедленно, но удобство Клем — главное для меня.

— Нет, — ее зубы слегка прикусывают мою челюсть, и я закрываю глаза, получая удовольствие от ее действий. — Здесь, Люк.

Мне нравится, как мое имя звучит из ее уст. Это наполняет меня необъяснимой радостью, а в груди разливается тепло.

— Такая нежная, — бормочу я, беря левую грудь Клем в руку и потирая напрягшийся сосок большим пальцем.

Пальцы Клем сжимаются на моих плечах, и она тихонько стонет. Ее веки тяжело опускаются, когда я продолжаю ласкать ее грудь: сначала одну, потом другую.

Все тело Клем становится мягким и податливым, и я не оставляю ни малейшего участка без внимания, срывая с ее губ стоны удовольствия.

Я хочу ее безумно, до дрожи, но собственное желание переношу на второй план — сейчас все для нее.

Когда тело Клем выгибается дугой и с коротким вскриком она достигает своего финала, я поднимаюсь на один уровень с ней и целую во влажный лоб. Медленно, ее глаза открываются, и с охмелевшей улыбкой на губах она смотрит на меня.

— Спасибо, Люк, — ослабевшим голосом бормочет Клем, на что я усмехаюсь и вновь целую ее.

А после продолжаю, и вскоре нас обоих накрывают волны чистого удовольствия.

— Мм-м, — удовлетворенно протягивает Клем, подставив лицо солнечным лучам.

Время близится к вечеру, но жара все еще не спала. Когда Клем выразила желание искупаться, я охотно поддержал ее. После долгого дуракаваления в воде, где мы вели себя, как дети — решили передохнуть. Я выбрался на деревянный причал, оставляя мокрые следы за собой, а Клем — раскинув руки и ноги — плавала на спине.

Немного ранее она ненадолго отлучалась домой, потому что ей необходимо было лекарство, а так же сочинила матери какую-то историю про подругу, у которой останется.

От того, что Клем приходится лгать из-за меня — я чувствую себя еще больше виноватым, и это единственное, что портит наши отношения.

— Сколько пройдет времени, пока твои родители заметят, что что-то происходит?

Я должен был поговорить с Льюисом и Мэри. И Беном. Все должно быть честно. Я больше не хочу делать Клем предметом тайной интрижки. Потому что то, что есть между нами — намного больше.

— Думаю, они уже что-то чувствуют, — брови Клем слегка хмурятся, но она так и не открывает глаза. — Особенно мама. Из-за болезни она всегда очень внимательна ко мне, хотя порой это и выводит меня из себя. Иногда мы с ней разговариваем, и она спрашивает меня про парней. Но до недавнего времени не из-за чего было волноваться, — она смотрит на меня и лукаво улыбается. — И она знает о моих чувствах к тебе. Всегда знала.

Я глубоко вздыхаю и провожу ладонями по мокрым волосам. Все еще привыкаю к тому, что столько лет она была влюблена в меня, а я и не подозревал об этом.

— Твои родители убьют меня, — сухо произношу я, на что Клем только хохочет.

— Ничего подобного. Они тебя любят. Возможно, папа и побурчит для видимости — ну он же отец, ему положено. А мама будет рада. Только если ты действительно хочешь, чтобы они узнали, — внезапно, ее голос становится тише, и в нем проскальзывает неуверенность.

Это из-за меня она чувствует себя так. Я создал такие условия, по вине которых Клем сомневается.

— Мы больше не будем делать из этого тайну, — решаю я. С уверенностью смотрю на Клем, давая понять, что совершенно серьезен.

— С самого начала это была глупая идея. Не знаю, о чем я думал, — я с сожалением вздыхаю. — Скрываться, лгать твоим родным — это неправильно. Мы признаемся, и я приму последствия. Если они будут против — я постараюсь переубедить их.

Слова с легкостью слетают с губ, и я понимаю, что принял верное решение. Так и должно быть. Пусть все узнают о нас с Клем — больше меня это не беспокоит. А то, что скоро между нами будут сотни миль — это не проблема. Мы сможем найти выход, когда время придет.

Клем подплывает к причалу, и я помогаю ей выбраться из воды. Заворачиваю ее в полотенце, а она выжимает свои волосы.

Потом серьезно, без тени улыбки, смотрит на меня.

— Ты, правда, этого хочешь?

Она выглядит встревожено.

— Да, — я киваю. — Правда. Я не хочу, чтобы через неделю или чуть больше мы разошлись, будто ничего не было. Короткий летний роман — мне мало этого.

Наконец она заметно расслабляется, и так хорошо знакомая мне улыбка возвращается на ее лицо. Я раскрываю руки и привлекаю Клем к себе. Теперь так естественно обнимать ее, касаться ее кожи, целовать.

Солнце начинает клониться к горизонту, но нам еще не хочется уходить. Если бы было можно, я бы хотел провести остаток отпуска только лишь с Клем, не разлучаясь ни на секунду. Только мы в этом месте — и вокруг никого.

— Я бы хотела стать птицей, — неожиданно признается Клем, и мои брови в удивлении подскакивают. — Наверняка это так замечательно — расправить крылья и взлететь высоко-

высоко.

Она раскидывает руки и чуть отклоняется назад, будто и правда может взлететь. Лучи заходящего солнца играют в ее волосах, и мне кажется, что я вижу ангела перед собой.

Я быстро смаргиваю и делано легкомысленным тоном проговариваю:

— Думаю, если бы ты была птицей, то не ощущала ничего особенного. Это их способ передвижения. Люди же не приходят в восторг от того, что могут ходить.

— Ты такой скептик, — вздыхает Клем, посмотрев на меня.

Я только пожимаю плечами.

— Не хочу, чтобы лето заканчивалось, — вдруг грустнеет Клем. — Не хочу, чтобы эти дни ушли в прошлое.

Она качает головой и так проникновенно смотрит на меня, отчего я чувствую ком в горле.

— Таких дней у нас еще будет очень много, — я притягиваю ее к себе и целую в макушку. — Теперь я тебя ни за что не отпущу.

Клем кладет голову мне на плечо и негромко, так, что я едва слышу, говорит:

— Я приходила сюда иногда. Когда хотелось убежать ото всех. Плавала в озере, сидела на причале и думала о тебе.

Это еще одно признание Клем, от которого мое сердце сжимается. Я представляю ее на этом самом месте далекие дни назад, канувшие в прошлое. Как она сидит здесь в одиночестве, думает обо мне, тогда как я и забыл о ее существовании.

Мне становится тошно. Впредь я не допущу, чтобы подобное повторилось.

— Я не заслуживаю этого.

Я глажу волосы Клем и целую ее в висок.

— Не хочу об этом спорить.

Она поднимает голову и лучистым взглядом смотрит на меня.

— Идем, — Клем вскакивает на ноги и тянет меня за собой. — Я замерзла и проголодалась.

Я подбираю наши мокрые полотенца, а Клем смеется и манит меня рукой, идя задом наперед по причалу. Я улыбаюсь и покачиваю головой: она заставляет меня чувствовать себя моложе и живее.

Внезапно что-то происходит. Улыбка сходит с ее лица, Клем спотыкается, и ее глаза тяжело закатываются.

— Клем!

Полотенца выпадают у меня из рук, и я бросаюсь к ней, когда ноги Клем подгибаются, и она начинает падать.

Подхватываю ее у самой земли. Она словно обмякшая кукла в моих дрожащих руках.

— Я держу тебя, — голосом, полным страха, бормочу я. — Держу тебя.

— Ты напугала нас! — на грани слез выдыхает миссис Стивенс, сжимая ладошку Клем. — Ты так сильно напугала нас!

Слезы все же прорываются и катятся по ее щекам. Я отвожу взгляд, чувствуя себя лишним в этот исключительно семейный момент. Но уйти, не зная, что стало причиной обморока Клем, выше моих сил.

После того, как я поймал ее, занес в дом, чтобы привести в чувство. Я был чертовски растерян, не зная, не наврежу ли ей еще больше. Трясущимися руками смочил чистое полотенце и приложил к горячему лбу Клем.

Вдруг она перегрелась на солнце или пропустила прием лекарств? Не чувствуя ни в чем уверенности, я будто действовал в полной темноте.

Через пару минут глаза Клем с трудом открылись, и облегчение, которое я при этом почувствовал, было огромным. Шумный выдох вырвался из моих легких — кажется, я не дышал все время, что она провела без сознания.

Я быстро сменил плавательные шорты на джинсы и рубашку, настояв на том, чтобы отвезти Клем в больницу. Она принялась упираться, но бледность ее лица и слабость пугала меня. Мне пришлось проявить твердость, и в итоге она сдалась.

Я помог ей одеться и после привез в больницу, где Клем тут же забрали на осмотр. А я тем временем позвонил Стивенсам. В тот момент меня мало заботило то, как все это будет выглядеть со стороны и что они могут подумать.

— Господи, Клем! — Мэри качает головой, силясь унять слезы, а Льюис молча протягивает ей бумажную салфетку. С тех пор, как они приехали, он в основном молчит, погрузившись в глубокую задумчивость.

— Мама, — Клем улыбается матери, но я не могу не заметить, как нелегко ей делать это сейчас.

Клем больно? Что вообще происходит? Она утверждает, что все в порядке, но это не так.

Что-то ее мучает, и это рвет мне сердце. Чувство бессилия от того, что ничем не могу помочь ей, как горькая пилюля после дней, наполненных светом и радостью вместе с ней.

— Все будет нормально, — она храбро приподнимает подбородок и кивает. — Уверена, это не серьезно.

Даже сквозь улыбку, которую она так старается изображать, я вижу — Клем и сама не верит своим словам. Догадывается ли она, что с ней? А может, она знала все это время, но молчала...

От предположений у меня голова идет кругом. Неужели Клем стала бы молчать, зная, что что-то не так?

— Клем, ты потеряла сознание. Это не происходит по пустякам, — судорожно вздыхает Мэри, а Льюис кладет руку ей на плечо, выражая свою поддержку.

— Давай дождемся доктора Флина, — мягко предлагает Клем, по-видимому, не желая вступать в споры.

Мэри начинает беззлобно распекать Клем, как и любая мать, в момент повышенного волнения за своего ребенка. Клем закатывает глаза, но, в основном, молча принимает все

сказанное Мэри.

Я замечаю, как Льюис иногда поглядывает в мою сторону, и по его взгляду понимаю — он обо всем догадался. Только вот по непроницаемому выражению его лица не могу определить, как он к этому относится.

— Что случилось?!

Взволнованный, перепуганный Бен врывается в палату, без лишних предисловий желая выяснить, что с Клем.

Хотел бы и я это знать.

Мэри кратко посвящает Бена в курс дела и, видя, что в данный момент сестре ничего не угрожает, тот немного успокаивается.

— Ты опять не приняла лекарство, да? — Бен хмуро смотрит на Клем, и та едва сдерживает раздражение.

— Нет, не забыла. А ты когда-нибудь забудешь это и перестанешь постоянно меня упрекать?

— Если бы ты была более ответственная...

— Так, перестаньте! Оба, — голос Мэри звучит строго и авторитетно, заставляя Бена замолчать. — Сейчас не время и не место для ваших глупых споров.

Бен фыркает, но оставляет эту тему и подходит ко мне.

— Что там произошло? Ты был с Клем, когда она потеряла сознание? Где это произошло?

Друг смотрит на меня в ожидании ответов, а я не знаю, что сказать. То есть, как это прозвучит, если я скажу ему правду? В любом случае, это будет паршиво, ведь только сегодня утром я убеждал его, что его подозрения насчет нас с Клем беспочвенны.

Все, кроме Клем, обращают свой взор на меня и, черт возьми, сейчас я нервничаю так, как не нервничал даже перед своим первым полетом.

Ладно, я должен сказать все как есть, даже если Бен захочет меня убить, а Марта с Льюисом возненавидят.

Я открываю рот, чтобы сделать самое большое признание в своей жизни — и в этот момент доктор Флин входит в палату, привлекая к себе всеобщее внимание.

— Итак, как чувствует себя наша дорогая Клементина?

Доктор — добродушный худощавый мужчина средних лет — приветливо улыбается Клем.

— Доктор Флин, только не полным именем, — страдальческим голосом стонет Клем, и это выходит так забавно, что я невольно улыбаюсь. — Вы же знаете, как я его терпеть не могу.

— Очень зря, красивое имя, Клем, — док делает ударение на ее имени и подмигивает ей, уступая.

— Что скажете, доктор Флин? — Мэри с надеждой смотрит на того и сжимает руку Клем — только вот кому из них больше нужна поддержка?

Доктор глубоко вздыхает, и его лицо становится совершенно серьезным:

— У Клем гипогликемия. Уровень сахара упал до 2,8 ммоль. Мы поставим тебе глюкозу и посмотрим, как дела дальше пойдут.

— О Господи! — Мэри прижимает руку к губам — ее голос дрожит. — Она ведь

принимает все лекарства. Не понимаю, как могло такое могло произойти.

Док разводит руками.

— Иногда и при соблюдении всех предписаний происходят такие случаи. Причины могут быть разные. Стресс, голод, непривычные физические нагрузки.

Все в ожидании смотрят на Клем, но она молча качает головой. Думаю, я знаю, из-за чего она могла волноваться — осложнившиеся отношения с Тимом, наши отношения, которые скрываем ото всех. Это не могло пройти бесследно при ее болезни.

И упоминание о физических нагрузках не проходит мимо меня. Могло ли причиной обморока стать то, что прошлой ночью мы были слишком... активными?

Я чувствую, что налажал.

— Ты, наверняка, снова не приняла лекарство, но не признаешься, — упрямо настаивает Бен. — Господи, нельзя быть такой безответственной!

— Ты меня достал! Не забывала я ничего!

— Бен, прекрати! — строго велит мистер Стивенс, и Бену ничего не остается сделать, как замолчать.

— Нет, нет, причина не в этом, — качает головой доктор Флин. — Анализы Клем показали, что у нее гормональная недостаточность. Низкий уровень кортизола, скорее всего, и вызвал обморок.

Доктор пускается в объяснения, используя медицинские термины, а я не могу отделаться от мысли, что это моя вина.

Позже приходит медсестра, взять еще какие-то анализы, и нас всех выставляют из палаты. Док убеждает нас отправиться домой, потому что Клем требуется отдых, а завтра ее могут выписать.

Мэри с Льюисом уезжают, пожелав нам спокойной ночи. Мы с Беном остаемся на парковке одни. Мне необходимо во всем признаться ему, дальше тянуть некуда. К тому же по напряженному молчанию Бена я чувствую — он и так догадался.

— Какого хрена, приятель? — срывается Бен, угрожающе наступая на меня. — Моя сестра? Ты и моя сестра?!

— Бен, это не...

Его кулак врывается в мою челюсть. Острая вспышка боли взрывается в месте удара, горячей волной разливаясь до самой макушки. Меня отбрасывает назад, но, хотя и с трудом, мне удается удержаться на ногах.

Твою мать! А у него приличный удар справа.

— Как ты мог?! — орет Бен в ярости. — Это же Клем, а не какая-то девка на ночь! Она тебе не способ отвлечения для несчастного вдовца!

Он вновь пытается ударить меня, но я пригибаюсь, обхватив его за пояс, и мы падаем на асфальт. Я не делаю попыток напасть на Бена и намеренно причинить ему боль. Он имеет полное право выйти из себя. Мы боремся, катаясь по ночной парковке, и я стараюсь удержать свое лицо вне досягаемости кулаков Бена.

— Ты... поступил... как последний... гавнюк, — пыхтит Бен, изрядно вымотанный нашей борьбой.

— Я знаю! — мое дыхание тоже сбито. — Но она не просто... замена. — Я удачно уворачиваюсь от кулака друга, хотя сил на сопротивление остается все меньше. — Я люблю... ее.

Слова производят оглушающий эффект — мы с Беном замираем. Проходит секунд тридцать, прежде чем он моргает и скатывается с меня.

— Любишь? — сипит Бен, тяжело дыша.

— Люблю.

Я принимаю положение сидя, пытаюсь отдышаться.

— Черт! — Бен запускает руку в спутанные светлые волосы и хмыкает. Мы смотрим друг на друга, а уже через несколько секунд смеемся так, что валимся на спины. Благо, асфальт теплый.

Проходит несколько минут, когда мы успокаиваемся и, лежа в тишине, смотрим в ночное небо.

— Она больна, друг, — тихо произносит Бен, и каждое его слово пропитано болью за Клем.

— Знаю, приятель, — сглатывая ком в горле, отзываюсь я.

Нам не нужно лишних слов, чтобы понять, как паршиво каждому из нас от того, что человек, которого мы оба любим, страдает. Это объединяет нас, связывает крепче долгих лет дружбы.

Порой, разделенная боль делает нас ближе друг к другу сильнее любой радости.

— О Боже! — Клем подносит ладошки к лицу, распахнув от изумления глаза, когда на следующий день я захожу в ее комнату.

— Немного повздорили с Беном, — неловко улыбаюсь я. — Но уже все хорошо, — спешу заверить, чтобы она еще больше не расстроилась.

Здорово он меня вчера приложил. На моей левой щеке огромный кровоподтек, и челюсть все еще немного онемевшая.

— Мне жаль.

Клем сочувствующе морщится, протягивая ко мне руки. Я подхожу ближе и опускаюсь на постель рядом с ней. Ее вид беспокоит меня. Она слишком бледная, с темными кругами вокруг глаз. Стараюсь не показывать, но трудно скрыть тревогу во взгляде за нее.

— Ладно, я заслужил, — смиренно признаюсь я. Потом тянусь к ней и нежно глажу по лицу. — Ты как?

Вопросы подобного рода могут раздражать, знаю по себе. Когда после смерти Дженнифер ко мне подходили люди и спрашивали, как я, мне хотелось послать их. Ответить, что все херово и не может быть иначе, потому что — угадайте что? Правильно — моя жена покончила с собой, так что да, могло быть и лучше.

Но теперь понимаю, что просто не можешь не спросить это у небезразличного тебе человека. И мы ожидаем услышать «Все не так плохо», даже если это не так на самом деле. Иногда нам просто необходимо слышать подобные слова, чтобы иметь надежду.

— Все будет нормально.

Клем старается улыбаться, но у нее не очень хорошо получается.

— Знаешь, если хочешь выругаться или поплакать, я не буду тебя судить, — заверяю я. — Потому что это отстой, Клем.

Я держу ее пальчики в своих руках. Они такие холодные и тонкие. В действительности, это мне хочется ругаться и кричать. Потому что я не понимаю, почему это дерьмо происходит с ней.

— Да, отстой, — соглашается Клем. — Но это моя жизнь, и другой у меня не будет, да?

Она поводит плечами, и этот жест такой простой, бесхитростный, и отчего-то я чувствую щемление в груди.

Клем храбрая. Она принимает удары судьбы с мужеством. И я не знаю, как ей это удается, но она достойна восхищения. В этой ранимой, на вид слабой девушке больше духовной силы, чем во всех тех, кого я когда-либо встречал.

— Поэтому я должна сделать все, чтобы, несмотря на свой недуг, прожить ее нормально и по возможности полноценно, — продолжает Клем, широко и открыто улыбаясь мне, и на этот раз я ей верю. — Доктор Флин сказал, что при соответствующем лечении и соблюдении всех его предписаний, у меня на это все шансы.

— Тогда ты будешь выполнять все его указания, — строго ворчу я, целуя ее в мягкие губы.

— Знаю-знаю — не маленькая, — супится Клем.

Я ухмыляюсь и качаю головой — она такая забавная.

— Мне надо пойти и поговорить с твоими родителями, — произношу чуть позже, когда мы лежим на ее кровати — Клем под одеялом, а я поверх покрывала. — Они ожидают этого.

— Что ты скажешь им? — Клем поднимает голову с моей груди, с беспокойством хмурясь.

— Правду. Что мои чувства к тебе серьезны, и я не стану делать ничего, что может ранить тебя, — мой голос садится. — Я хочу заботиться о тебе. Хочу, чтобы ты была рядом. Всегда.

Говорю это и прислушиваюсь к внутреннему голосу. Наверное, мои сомнения окончательно исчезли в тот момент, когда я подхватил падавшую Клем на руки. Страх за нее разрушил всю неуверенность из-за нашего будущего. У нас все получится, пока мы хотим этого. Все возможно, пока мы оба живы.

Лишь смерть не оставляет шанса. Жизнь же дает их сполна. Я мог в этом убедиться.

— Ты... ты сейчас правду говоришь? — ее голос начинает дрожать, а на глаза наворачиваются слезы.

Вместо ответа я притягиваю ее к себе и, крепко обнимая, целую в висок. Так бы и держал ее вечность. Упустить Клем будет самой огромной ошибкой в жизни.

Клем еще очень слаба, и поэтому скоро ее начинает клонить в сон. Я держу ее в своих руках до тех пор, пока до меня не доносится ее тихое, размеренное дыхание. Тогда я поднимаюсь и, ступая бесшумно, выхожу из комнаты.

Мэри и Льюиса застаю на кухне, где они о чем-то негромко переговариваются. При моем появлении оба замолкают, в ожидании глядя на меня.

Они в курсе, что между нами что-то происходит, но не знают подробностей.

— Льюис, Мэри, — я прочищаю горло, обращаясь к ним, — мне надо с вами поговорить.

У меня есть сюрприз для Клем, поэтому, когда через несколько дней доктор Флин позволяет ей встать с кровати, я забираю ее из дома, сохраняя полную тайнственность.

— Почему ты не говоришь, куда мы едем?

Надув губы, она обиженно смотрит на меня со своего сиденья. И так всю дорогу: она спрашивает, я ничего не отвечаю, а она делает вид, что обиделась.

— Потому что это сюрприз. Никто не раскрывает его раньше времени, иначе эффект будет испорчен.

— Ну и ладно. Как скажешь. Не очень-то и хотелось.

Она показывает мне язык, и я смеюсь. С удовлетворением замечаю, что цвет лица у нее стал лучше, и она вновь бодрая, заводная Клем, какой я увидел ее почти четыре недели назад.

— Но если ты играешь нечестно, то и я буду.

Внезапно на ее губах вспыхивает лукавая улыбка, и, становясь коленями на сиденье, она тянется ко мне, обвивает мою шею руками и прикасается губами к моему уху.

— Я так соскучилась по тебе, Люк, — игриво шепчет она, обдувая мою кожу горячим дыханием. — По твоим прикосновениям и поцелуям.

Ее близость и страстный шепот делают свое дело — мое тело отзывается практически мгновенно. Сильней стискиваю руль, но начавшуюся реакцию сложно прервать.

— Клем, — предупреждая отзываюсь я, когда ее губы обхватывают мою мочку уха и мягко сосут. — Это не просто нечестная игра, а игра на грани риска.

Она утыкается носом мне в шею и приглушенно смеется.

— Ты пилот, Люк. Немного странно слышать от тебя такое, — дразнит она.

— Нет, когда рядом ты, — возражаю я.

— Жить полной жизнью, помнишь? — она легонько прикусывает мою челюсть, кладет ладонь на мое бедро и ведет вверх.

Черт! Я проигрываю и прекращаю сопротивление. Съезжаю на обочину проселочной дороги и, заглушив двигатель, пересаживаю Клем к себе на колени.

Зной августовского дня заполняет машину сквозь открытые окна. Я берусь за свободную майку Клем и стягиваю ее. Длинные светлые волосы разметались в беспорядке, голубые глаза блестят от желания, а приоткрытые губы побуждают тут же, ни о чем не думая, поцеловать ее.

Она такая соблазнительная и сексуальная в своей чистоте и невинности, и я окончательно, бесповоротно и навсегда потерял голову из-за нее.

— Но я тебе все равно ничего не скажу, — хрипло предупреждаю я, прежде чем позволяю контролю полностью отступить.

— Это то, что я думаю? — Клем выходит из машины, с изумлением оглядываясь вокруг.

— Да.

Я скрещиваю руки на груди и облакачиваюсь о джип, с довольной улыбкой наблюдая за ней. Клем открывает рот, но ничего не произносит, с блеском в глазах качая головой.

Впервые Клем Стивенс нечего сказать. Значит, я угадал с выбором сюрприза.

Мы на небольшом частном аэродроме в тридцати милях от Диллана. Выбор у хозяина не велик: одномоторная «Цесна 210» и «Пайпер PA-28-161». Но для того, что я задумал, сгодится.

— Люк, это потрясающе! — визжит от радости Клем, бросаясь мне на шею. — Я так хотела этого, правда!

— Это хорошо, потому что хозяин несколько раз переспросил меня, имею ли я лицензию пилота, — посмеиваясь, сознаюсь я.

— Он сомневался в тебе?

Она изображает ужас и негодование.

— Видимо, да. Так что давай покажем ему, что он ошибался.

Я беру Клем за руку и веду к небольшому одноэтажному офису, выкрашенному белой краской. Хозяин аэродрома, Мик, полноватый лысеющий мужчина в районе пятидесяти, встречает нас, с пристальным вниманием осматривая меня. Только как следует изучив мою лицензию, заметно расслабляется. После я заполняю форму, оплачиваю аренду, и мы, вслед за Миком, направляемся в ангар.

Он проводит короткий инструктаж, после чего оставляет нас.

Я помогаю Клем подняться на борт, после чего занимаю место первого пилота.

— Ты должен знать кое-что, — она в смущении смотрит на меня, пока я закрепляю ее ремнями. Приподнимаю брови, показывая, что внимательно слушаю. — Я никогда прежде не летала.

— Что? — в недоумении распахиваю глаза. — Как это?

Она разводит руками.

— Все наши семейные путешествия проходили в автомобиле, к тому же, мы редко уезжаем дальше пяти штатов. Так что да, это еще один первый раз.

Она немного краснеет, покусывая нижнюю губу. Это отвлекает меня, поэтому я отворачиваюсь и прочищаю горло.

— Тогда я буду особенно аккуратным и деликатным.

Клем в возмущении приоткрывает рот, уловив двойной смысл моих слов. Я смеюсь, и тогда она несильно бьет меня в плечо.

Проверяю приборы, вывожу режим двигателей на взлётный, и при достижении скорости, мы отрывается от земли.

— Полетели, — подмигивая Клем, оповещаю я.

Солнце клонится к закату, постепенно опускаясь к горизонту. Небо украшено всеми оттенками золотого и розового, когда мы с Клем поднимаемся на высоту шестисот пятидесяти футов над землей.

— Это великолепно, Люк! — радостно хохочет Клем, с жадностью рассматривая облака сквозь иллюминатор.

— Я люблю тебя, — перекрикивая шум двигателя, признаюсь я.

Вот так легко и просто. Слова, которых я так боялся — чувства, которых избегал последние два года — заполняют кабину. Клем поворачивает голову ко мне, с изумлением распахнув глаза.

— Ты что? — ее голос похож на писк.

— Я люблю тебя, Клем Стивенс, — я смеюсь, испытывая ни с чем несравнимое облегчение. Я чувствую, будто у меня самого появились крылья. — Люблю тебя. А теперь держись крепче, детка, потому что знаешь, что мы делаем?

— Что? — ее блестящие глаза с любопытством наблюдают за моим лицом.

— Мы живем полной жизнью и берем от нее все самое лучшее.

И с этими словами я выполняю срывной поворот. Я слышу радостный крик Клем. Смотрю на нее, впитывая в себя ее образ. Я знаю, что навсегда запомню этот момент. Момент, когда мы почти догоняем солнце, сливаясь с небом. И в мире, в этот момент, никого кроме нас — только я и Клем.

— Я под собой ног не чувствую, — признается Клем, когда час спустя мы идем к джипу.

В наступивших сумерках отовсюду слышатся ночные звуки. Моя рука на плече Клем, а ее обернута вокруг моей талии. Думаю, ей просто необходимо держаться за меня для поддержки.

— Со мной так тоже было после первого полета. Это пройдет, — я целую ее в макушку, впитывая в себя запах лимонов.

Дело вот в чем: мне ведь тоже необходимо держаться за нее, но по другой причине. Иногда я боюсь, что проснусь и окажется, что Клем была только сном. Прекрасным, волшебным сном. Мне до сих пор трудно поверить, что происходящее с нами — реальность. Я ведь вовсе не рассчитывал, что вернусь в родной город и влюблюсь в младшую сестру старого друга. Да, Клем не входила в планы моей жизни. Она ворвалась в нее ураганом, не оставив шанса увернуться от своего влияния. Я осознал, что такие люди как Клем, меняют жизни тех, кто их окружает. Клем изменила мою, и теперь я понимаю, насколько мне повезло.

Ты выиграл крупный приз, Лукас Хантер. Это уж точно.

— Спасибо тебе, — Клем приподнимается на носочки и целует меня в щеку. — Это был удивительный сюрприз.

Она улыбается, но по голосу я слышу, что Клем устала. Хотя доктор Флин дал свое одобрение на мою затею, возможно, это было слишком преждевременно?

— Устала?

Я обеспокоенно смотрю на нее, когда мы садимся в джип.

Возможно, она хочет солгать, но в итоге вздыхает и кивает.

— Немного. Но это не страшно. Я рада, что ты устроил все это для меня.

— Я тоже, — признаюсь ей с улыбкой.

Правда в том, что это меньшее из того, что я хочу сделать для нее. Два года я жил без какого-либо желания делать хоть что-то не только для кого-то, но и для себя. Вел существование робота, выполняя механические действия. Душа моя была в глубокой спячке. А порой мне казалось, что и вовсе умерла.

— Поехали, отвезем тебя домой.

Я целую Клем в лоб и завожу двигатель.

— Черт, никогда не умел завязывать эти штуки, — бормочет Бен, безуспешно дергая галстук-бабочку.

Друг выглядит как на иголках, но, наверное, это нормальное состояние для жениха.

— Дай сюда.

Я подхожу и беру дело в свои руки. Шаферы вроде для того и нужны, да?

— Я так нервничаю, — признается Бен. — Больше, чем перед свиданием с Керри Берроуз.

— Ничего себе! — я впечатлен. — Тебя тогда раза три стошнило.

— Чего ты хочешь — мне было пятнадцать, и я никогда прежде не приглашал девчонок на свидания, — ворчит Бен.

— Все будет хорошо, — я несильно хлопаю его по щеке, чтобы привести в чувство. — Ты любишь Тайру; она прекрасная женщина, и лучше жены ты не найдешь.

Бен переводит дыхание и кивает.

— Ты прав. Я настоящий счастливчик. Она все, что я только могу желать.

Бен, кажется бодрее — значит, я неплохо справился со своими обязанностями. Теперь можно и о себе подумать. Беру пиджак от своего смокинга со спинки кресла и надеваю.

Уже и забыл, когда носил нечто подобное.

До церемонии остается полчаса. Погода в день свадьбы не подвела: небо ясное, солнце наполняет воздух зноем, таким привычным для Северной Каролины в это время года. Везде, куда ни глянь, море зелени, но уже скоро природа начнет меняться. Последние летние дни подходят к концу.

— Так что, завтра назад, к военному распорядку?

Бен криво улыбается, но я не могу не заметить беспокойство и невысказанные вопросы в его глазах.

Я киваю.

— В понедельник надо быть на базе. Но не волнуйся, для нас с Клем это ничего не изменит, — убеждаю я. — Я пообещал твоим родителям, что позабочусь о ней и не сделаю ничего, что плохо может сказаться на ней. Я не собираюсь нарушать свое слово.

Мы с Клем еще не решили, как все у нас устроится. Впереди есть целый год, чтобы определиться, где мы будем. Главное — мы будем вместе.

Через год Клем окончит университет, а я серьезно начал подумывать о том, чтобы завершить карьеру в авиации.

— Должен признать, родители довольно спокойно отнеслись к известию о вас, — Бен задумчиво скребет подбородок, заметно расслабившись.

— Думаю, Льюис хотел наподдать мне, но передумал, когда узнал, что ты уже это сделал, — шучу я, а друг морщится.

— Да, извини за это, приятель. И за те слова. Но я правда решил, что...

— Все нормально, — я хлопаю Бена по плечу, улыбаясь. — Не переживай из-за этого. Любой нормальный брат на твоём месте поступил бы так. Но я люблю твою сестру и хочу, чтобы она была счастлива.

Мы с Беном замолкаем ненадолго, продолжая собираться в тишине. Потом он резко хмыкает:

— Ты и Клем — кто бы мог подумать.

— Жизнь полна сюрпризов, — соглашаюсь я.

Бракосочетание Бена и Тайры прошло в небольшой часовне Святого Георга, где женились все лютеране Диллана. Наш городок довольно мал, так что не удивительно, что каждый третий житель был приглашен на свадьбу.

Пока Бен и Тайра обмениваются клятвами верности, я смотрю на Клем, стоящую за невестой с небольшим букетом из желтых и белых роз, в небесно-голубом платье подружки невесты. Наши взгляды встречаются, и она украдкой улыбается мне.

Я вижу, как однажды, в будущем, Клем идет по этому проходу, пока я ожидаю ее, чтобы

сделать ее своей женой.

Навсегда моей.

Клементина Хантер, миссис Лукас Хантер.

Хватило месяца, чтобы эти мысли перестали казаться чем-то неосуществимым. Чтобы подобные мысли вообще появились в моей голове.

Однажды это случится. Я знаю это, как и то, что завтра солнце точно так же встанет на Востоке.

После церемонии новоиспеченных молодоженов забрасывают рисом и конфетти, а дальше все гости перемещаются на ранчо, где на заднем дворе натянут белый шатер для праздника.

— Не могу поверить, что мой старший, порой очень допекающий брат женился, — с улыбкой наблюдая за первым танцем мистера и миссис Стивенс, с легкой грустью говорит Клем. — Наверное, мне будет недоставать утренних пререканий с ним из-за того, кто первый пойдет в душ.

— Ты все равно скоро уезжаешь, — напоминаю я в свою очередь, не в силах глаз от нее отвести. Ее светло-русые волосы собраны в косу и уложены в замысловатый узор — мне нравится эта прическа.

— Да, — Клем хмурится. — В среду надо быть в университете.

— Последний курс. Почти на финишной.

Стараюсь говорить бодро, но голос меня подводит. Я так привык видеть Клем каждый день, а теперь придется вновь привыкать к прежнему распорядку. Между нами будет шесть часов пути, и этим я успокаиваю себя.

— Ты завтра уезжаешь, — Клем тихонько вздыхает, положив голову на мое плечо.

— Если бы мне не надо было в понедельник на базу...

— Знаю, — она прикрывает глаза. — И понимаю. Просто мне грустно.

— Мне тоже, Клем, — я целую ее в макушку, а потом поднимаюсь и тяну за собой. —

Потанцуй со мной, Клементина Стивенс.

Клем хохочет, и мы выходим на установленную площадку для танцев. Играет «Убивая меня нежно» Френка Синатры, и я кружу Клем в своих руках. Ее лицо сияет от счастья, и улыбка не покидает губ.

Клем. Моя любимая Клем.

— Я решил не продавать дом.

Мое признание нарушает уютную тишину. Клем, кажется, удивлена. Она опускает чашку с кофе на стол и чуть приподнимается в плетеном кресле, в котором устроилась, поджав под себя ноги.

Утро после свадьбы. Мы сидим на крыльце моего дома, пока рассвет занимается над озером. Остатки утреннего тумана еще видны над водой, но скоро солнце своими лучами нагреет воздух, а к обеду будет настоящая жара.

— Почему?

— Подумал, что будет жаль расставаться с этим местом после всего.

Я расслабленно откидываюсь на спинку кресла, проведя ладонью по отросшим волосам.

Странное дело: я ведь тот еще трудоголик. В ВВС есть установленный лимит полета часов, который пилот не может превышать ради безопасности. Бывали случаи. Но я всегда стремился схитрить и обойти систему. Удавалось не каждый раз, но я нуждался в этом. Только работа не дала мне свихнуться после самоубийства Дженнифер. Поэтому, когда месяц назад ко мне подошел командир и сказал, что у меня начинается отпуск, я не очень обрадовался.

А теперь вот не хочу возвращаться.

Странная штука жизнь.

— Это так романтично, Люк, — дразнит меня Клем, приложив руку к сердцу.

Она такая красивая этим ранним утром. В моей футболке, спутанными после сна волосами и блуждающей, задумчивой улыбкой на губах.

Моя невероятная Клем.

— Можешь смеяться, я не против, — снисходительно разрешаю я.

— Если серьезно, я очень рада, — Клем ставит локти на стол и опирается подбородком на ладони. — Я бы тоже не хотела, чтобы здесь жил кто-то чужой. А еще я бы хотела, чтобы воспоминания можно было хранить в закрытой банке. Как бабочек. Тогда они никуда не денутся.

— Бабочек? — недоумеваю я.

Клем удастся удивлять меня так же, как и в первые дни.

— Да. Бабочки очень хрупкие, как и воспоминания. Времени свойственно все исказить, — ее голос звучит с грустью.

— Но бабочки в банке погибают, Клем, — замечаю я.

Она вздыхает, вновь обхватывая чашку ладонями.

— Не хочу о грустном, — Клем решительно трясет головой. — Скажи мне, если ты не будешь продавать дом, что с ним будет?

Ее вопрос ставит меня в тупик. И дело не в том, что я не думал. Думал. Много. Возможно, если я расскажу Клем обо всем, это напугает ее. А я этого не хочу.

— Пока все будет, как и прежде: тетя Рут будет приглядывать за ним, а позже я решу, что делать.

Внезапно Клем поднимается и, подойдя к одному из деревянных столбиков, поддерживающих крышу, обхватывает его руками.

— Думаю, я хотела бы жить здесь.

Она стоит лицом к озеру, поэтому не может видеть выражение моего лица.

— Раньше я приезжала сюда, сидела на причале и представляла, что живу здесь. И, выходя каждое утро из дома, вижу, как солнце поднимается над озером.

— Меня ты тоже представляла в этих фантазиях?

Мой голос хриплый из-за спазма, перехватившего горло.

Она оборачивается ко мне с широкой, открытой улыбкой на губах.

— Всегда.

Клем больше ничего не добавляет, но ей и не надо. Ее взгляд всякий раз обнажает все ее чувства. В ней нет хитрости и лицемерия.

Она подходит ко мне, садится на мои колени, а я крепко обнимаю ее, и вновь уютное молчание заполняет пространство.

О любви не обязательно кричать, слагать стихи или совершать безумные поступки. Когда любовь есть, она не остается незамеченной.

Если вы обрели любовь, приложите единственное усилие: просто не отпускайте ее.

После моего отъезда на базу и возвращения Клем в университет все сложилось само собой. Расстояние ничего не изменило, напротив — наша связь крепла с каждым днем все больше и больше. Раз в две недели мне удавалось вырваться к Клем — я приезжал в Чапел-Хилл, и мы проводили полтора дня вместе, пока мне не нужно было возвращаться. Клем водила меня по кампусу, показывала свои любимые места. Мы посещали музеи и выставки, которые она хотела посетить. А ночью ее квартира была в нашем распоряжении — соседка Клем уезжала на выходные домой.

Наверное, никогда в жизни я столько не разговаривал по телефону, как в тот период жизни. С Клем мне нравилось разговаривать обо всем, даже о забавных мелочах, которые она умудрялась постоянно примечать.

Но однажды ее звонок стал предвестником новых изменений. Я только закончил плановый полет, когда она позвонила и сказала, что что-то случилось, но говорить по телефону не станет. Клем сообщила, что находится в Диллане и мне надо приехать как можно скорей.

У меня оставались неиспользованные отгулы — я часто заменял ребят на праздники, так как мне попросту не с кем было их отмечать. Отпроситься на несколько дней с работы проблем не возникло и уже через час, закинув дорожную сумку в багажник, я был в пути.

В Диллан я приезжаю с наступлением сумерек. Я гнал из Вирджинии на все возможных пределах. Тон Клем по телефону заставил мой желудок завязаться в узел, который ничуть не ослабел за время пути.

Что такого могло случиться, что она не захотела говорить по телефону? Мысли о том, что это что-то с ее здоровьем, терзали голову и мешали дышать.

Клем сидит на крыльце, когда я сворачиваю на подъездную дорожку и выпрыгиваю из джипа. Клем поднимается мне навстречу и, подходя ближе, я вижу ее покрасневшие от слез глаза. Я сгребаю ее в охапку, притягиваю к себе и зарываюсь лицом в мягкие волосы. Ладони Клем ложатся на мою спину.

Возможно, я сдавил слишком сильно, но я нуждаюсь в том, чтобы физически чувствовать ее. Две недели я был этого лишен.

— Что произошло?

Я чуть отстраняюсь и с тревогой впиваюсь в ее лицо.

— Кое-что произошло.

Она опускает взгляд, нервно теребя рукава вязаного кардигана.

Господи, да она едва на ногах стоит! Нехорошее предчувствие внутри становится в миллион раз сильнее.

— Клем, ответь, что случилось? — мой голос дрожит, но мне плевать.

Она прикрывает глаза, а потом выдыхает:

— Я беременна.

Я открываю рот, но не издаю ни звука. Не могу понять: смеяться от облегчения или паниковать? Это шок. Но в то же время, беременность не так страшна, в отличие от того, что я напредставлял.

— Я думаю... Это... — я чешу затылок, не в состоянии закончить предложение. Такого я не ожидал. Даже предположить не мог.

— Мы справимся, — мне наконец-то удается совладать с речью. — Ты сама-то как к этому относишься?

Настороженно смотрю на Клем, потому что по ее лицу ничего не могу разобрать.

Она разводит руками.

— Не знаю. Это стало настоящим сюрпризом.

Я сухо усмехаюсь.

— Да уж.

— Может быть, мы этого не планировали, но это случилось.

Я осторожно киваю, ожидая, что она скажет. Последнее слово будет за ней, я должен буду принять любое ее решение. Только вот... я хочу этого ребенка, и, если Клем решит иначе, я буду разочарован.

Я знаю о малыше не более пяти минут, но этого достаточно, чтобы маленькое существо внутри Клем стало важным для меня.

— Ребенок означает большие изменения, — она слабо улыбается. — Ты готов к тому, чтобы твоя жизнь изменилась?

Не выдерживаю, и мои губы растягиваются в широкой улыбке. Мы говорим о ребенке — нашем с ней ребенке.

— Моя жизнь и так изменилась с твоим появлением. Дети — они же крохотные. Не думаю, что это слишком сложно.

Клем издает смешок, и я расслабляюсь. Целую ее в висок и с теплотой смотрю на нее.

— Боялась моей реакции? — догадываюсь я.

Она кивает.

— Жутко. Я, когда узнала, не представляла, что и чувствовать. Мы с тобой не говорили о детях, и я не знала, как ты можешь отнестись к этому.

Она смотрит себе под ноги, обхватив плечи руками. Я беру ее за подбородок, заставив посмотреть на меня.

— Я люблю тебя. Все в тебе. И пусть это не запланировано, но я также буду любить нашего ребенка, — опускаю руку и глажу Клем по пока еще плоскому животу. — Я уже его люблю.

Когда доктор Флин входит в кабинет, я протягиваю руку и сжимаю ладонь Клем, выражая ей свою поддержку. Она не находила себе места весь вечер, и утром, когда я забирал ее из дома, Мэри сказала, что Клем почти всю ночь не спала.

Будущей матери нужен полноценный сон, о чем я и сказал Клем. Но я и сам едва глаз смог сомкнуть. Из-за болезни Клем могли возникнуть осложнения. Мы хотели быть готовы к этому.

— Только, док, не тяните, пожалуйста.

Она улыбается дрогнувшей улыбкой, огромными от испуга глазами глядя на доктора. Даже меня бросает в холодный пот, когда замечаю непривычно опущенные уголки губ Флина.

Очевидно, он принес неутешительные новости.

— Клементина, — Флин вздыхает, сцепляя кончики пальцев на столе. Еще один тяжелый вздох, после чего продолжает, — мне жаль, но показатели не очень хорошие.

Мои руки дрожат, и я с силой хватаюсь за подлокотники кресла.

Наше будущее в руках этого человека, а я чертовски боюсь услышать, что он скажет дальше.

— Насколько? — Клем съеживается в кресле, ее голос едва разборчив.

— Я рекомендую прервать беременность.

Слова словно выстрел на поражение. Они не просто ранят — они убивают. Я знаю о ребенке менее сорока восьми часов. А теперь нам говорят, что мы должны избавиться от него.

Клем плачет: тихо, беззвучно слезы катятся по щекам. Мое сердце рвется в клочья от боли за нее, нашего ребенка, нас. Рушение нашей надежды.

— А если я не буду этого делать? — она судорожно вздыхает, сжимая руки на коленях.

— Это опасно, Клем, — док тепло смотрит на нее. — Риск слишком большой. Может произойти самопроизвольный аборт, у плода могут возникнуть патологии. Твое состояние может ухудшиться, — он делает паузу, но потом продолжает, — Твоя собственная жизнь может быть под угрозой.

— Вы говорили, что если... если я буду придерживаться лечения, смогу... жить нормальной жизнью, — она говорит с трудом, задыхаясь от слез. — Но что здесь нормального, если...

Она замолкает и, прикрыв глаза, трясет головой.

— Разве ничего нельзя сделать? — я смотрю на дока взглядом побитого пса. Собственные слезы перехватили горло и душат.

Пусть бы все оказалось кошмарным сном. Проснуться, увидеть счастливую улыбку Клем и не бояться, что можешь потерять все это в один момент.

— Может быть позже. Но сейчас это опасно.

Флин опускает глаза. Не будет никаких «позже». Риск того, что с Клем и ребенком что-нибудь случится, будет всегда.

Погода, подстраиваясь под наше состояние, тоже меняется. Ветер усиливается — и температура резко падает. Всю обратную дорогу Клем плачет, забившись в угол джипа. Я не трогаю ее, давая ей выплеснуть свою боль — моя же концентрируется внутри, кислотой разъедая все на своем пути.

Она попросила сразу поехать на озеро. Я и сам не знаю, как сейчас встретиться с ее

родными и разделить с ними эту новость.

Это же я во всем виноват. Будь я более осторожен, ей бы не пришлось решать судьбу своего ребенка. Она бы училась на выпускном курсе и брала от жизни все. С ее-то энергией и умением радоваться каждому дню.

— Хочешь, я приготовлю тебе что-нибудь? — тихо предлагаю я, когда мы входим в дом. Не думаю, что кто-то из нас сейчас в состоянии есть, но Клем это необходимо, чтобы не упал уровень сахара.

Она качает головой, но ее изможденный вид не может не беспокоить.

— Клем, надо. Ты должна съесть что-нибудь. И тебе пора принимать таблетки.

— А какой в этом смысл? — в ее голосе слышится такая непривычная для нее агрессия. — Смысл соблюдать правила, если я не могу даже ребенка выносить? Мое тупое тело не способно на это! Зачем я тебе такая бесполезная?

— Клем!

Я смотрю на нее в ужасе от ее слов. Знаете, как страшно наблюдать, как ломается человек, которого ты любишь? Испытываешь беспомощность — ведь никакие твои слова не могут помочь.

Я проходил это с Дженни. Каждый день наблюдал, как она рассыпается, становится кем-то, кого я не знал. В итоге моя жена превратилась в незнакомку. Потому что моя Дженни не могла пойти на самоубийство.

Мысли о том, что история повторяется, пугают меня до дикого ужаса.

— Не говори так.

Я чувствую, как начинаю злиться. Не на нее, нет. На несправедливость, которая раз за разом происходит с ней. Я бы хотел забрать всю ее боль себе, впитать ее как губка, до последней капли, чтобы ничего не осталось.

— Даже не думай об этом.

— Почему, если это правда? Всю жизнь слышишь слова о том, что, если будешь следовать правилам, принимать вовремя лекарства, то и не почувствуешь, что болезнь чего-то лишила тебя, — в ее словах столько горечи и обиды. — В школе тебе говорят, что тебе не следует заниматься кроссом, потому что твоя болезнь может плохо сказаться на физическом здоровье. И ты отказываешься — это не сложно, ведь в мире столько увлекательных занятий. В колледже на вечеринке ты пьешь воду, пока твои друзья поглощают коктейли. И это тоже не проблема, хотя где-то в глубине души ты и чувствуешь себя немного отстраненной. Тебе говорят есть по часам, потому что иначе дерьмовые последствия не заставят себя ждать. И ты ешь. А потом ты слышишь, что должна избавиться от своего ребенка.

Ее губы дрожат, и она тяжело сглатывает. Я чувствую, что перестал дышать. Мне кажется, если я сейчас сделаю вдох, мою грудную клетку разорвет.

— И это становится пределом. Я больше не могу так, Люк. Я не могу улыбаться, говорить: «Да, сейчас тяжело, но ведь станет лучше». А лучше может и не быть. Мы всю жизнь ждем чего-то: более удачного момента, благоприятных условий, знаков свыше. Нам кажется, что стоит потерпеть еще совсем немного, и мы получим награду. А потом оказывается, что мы упустили драгоценное время и больше ничего уже не будет, — Клем смахивает слезы с глаз и качает головой. — Я больше не хочу отказываться, Люк. Не хочу.

Знаете, я много раз представлял, как мы с Дженни проводим месяцы в ожидании малыша. Еще когда мы не лишились надежды. Потом, когда это случилось, я перестал

представлять. С мечтами ушла и вера.

Когда я обрел Клем, я понял, что даже с такой неверующей душой случаются чудеса. Клем Стивенс стала моим чудом. Она вновь помогла мне обрести веру в то, что мы не одиноки в этом мире. Даже если вам кажется, что в мире нет никого, кто смог бы вас полюбить и вы никому не нужны, это не так. Где-то, может быть далеко или совсем рядом с вами, есть человек. И однажды вы найдете друг друга. Не сомневайтесь в этом ни на секунду.

Возможно, это девушка, которую вы видите в окне своего дома, или парень, оказавшийся вашим соседом в вагоне метро. Может быть, это девочка из вашего далекого прошлого, которая выросла в прекрасную молодую женщину.

Оглянитесь вокруг. Поверьте. Не теряйте надежду.

Я бы хотел сказать, что решение оставить ребенка не принесло нам трудностей. В первое время мы спорили, иногда ругались, после чего я всегда винил себя. Клем нельзя было нервничать, но страх за нее, возможность ее потерять, сводили меня с ума.

Но потом все изменилось. Наши жизни изменились, и мы подстраивались под обстоятельства. Ребенок стал нашей реальностью, он был частью нас. Мы справлялись с трудностями, которые подкидывала жизнь.

Я ушел в отставку из ВВС, чтобы посвятить все время заботе Клем, а ей пришлось взять академический отпуск. Благодаря тому, что я вел скудную общественную жизнь последние два года, мне удалось скопить кое-какие сбережения, и некоторое время я мог не думать о работе. Мы с Клем поселились в коттедже у озера. Из-за частой усталости она много спала, а я в эти часы шел в сарай, переделанный в мастерскую, где работал над сюрпризом для Клем — делал кроватку ребенку.

— Если это будет девочка, назовем ее Лили. Мне всегда нравилось это имя, — говорила Клем, глядя ладонями свой округлившийся живот.

Часто после обеда мы сидели на крыльце, и Клем клала свою голову мне на колени, а я перебирал ее мягкие волосы.

— А если мальчик, то Дэниел. Как тебе?

Я всегда соглашался и говорил, что мне нравится. Если это делало ее счастливой, я готов был согласиться с чем угодно.

Те месяцы ожидания разделились на «хорошие» и «плохие» дни.

В хорошие мы с Клем отправлялись в небольшие пешие прогулки, плавали на лодке или занимались оформлением детской. Часто состояние Клем вынуждало нас мчаться в больницу, и эти дни были плохими. Три месяца из всего срока Клем провела в больнице Диллана, где врачи держали ее под пристальным наблюдением двадцать четыре часа в сутки.

Самое главное — мы были друг у друга, и принимали трудности со стойкостью.

Оглядываясь на те дни, я пытаюсь вспомнить, чувствовал ли я, что вскоре моя жизнь вновь сделает крутой поворот. Но нет, ничего такого не было.

Понимаете, в тот день — день, когда родилась моя дочь — я потерял Клем. Моя любовь, мой ангел, моя Клем оставила нас.

Когда Клем была на четвертом месяце, и угроза выкидыша была уже не так велика, мы поженились в часовне Святого Георга. Клем в прекрасном белоснежном платье шла по проходу под руку с отцом. Я смотрел на нее, такую молодую и прекрасную, и не мог поверить, что она выбрала меня. Я был счастливчиком, которому достался самый ценный приз. Я любил ее так сильно, что порой это казалось невозможным. Невозможным, ведь еще недавно я и подумать не мог, что в моей жизни появится кто-то такой удивительный, добрый и светлый, как Клем. Она вдохнула в меня новую жизнь.

Она и была моей жизнью.

Наша свадьба была скромней той, что устраивали Бен с Тайрой. Нам с Клем не хотелось большой шумихи и суеты. В присутствии самых близких людей мы обменялись клятвами, слова которых отпечатались на моем сердце до конца моих дней. Все, что мы сказали другу другу в тот день, я храню в глубине своей памяти как самое большое сокровище.

— Клем, мои дни проходили во мраке до тех пор, как я тебя встретил, — мой голос немного дрожал от волнения, пока она смотрела на меня своими лучистыми голубыми глазами, наполненными безграничной любовью. — Я не понимал этого, но ты показала мне, чего на самом деле лишена моя жизнь. Когда появилась ты, я осознал, каким на самом деле пустым было мое существование.

Клем, я люблю тебя абсолютно за все: за твои вопросы, которые порой ставят меня в настоящий тупик; за то, как ты смотришь на меня и за то, как даришь свою любовь, не скупясь. За то, какая ты смелая и, не боясь, смотришь в лицо трудностям. За то, что ты можешь рассмешить меня, хотя до тебя мне казалось, что улыбка больше никогда не коснется моих губ.

Если через пару минут ты ответишь мне «да», то сделаешь меня самым счастливым человеком на планете, и я клянусь тебе, Клементина Стивенс, что остаток своей жизни я проведу, делая счастливой тебя.

Я видел слезы в ее глазах, и я сам готов был заплакать. Все мои слова были самой неоспоримой истиной. Она спасла меня, и за это я готов был на все ради нее.

— Лукас, ты был моей любовью столько, сколько я себя помню, — сделав вдох, начала Клем. — Все время, в школе, потом в колледже меня всегда окружали люди — хорошие, замечательные люди. И мне казалось, что моя жизнь полноценна, я даже считала себя счастливой. Но иногда, в особые моменты, я чувствовала, что я лишена чего-то. А потом, одним вечером, ты вернулся в мою жизнь — внезапно, словно с порывом ветра, которого не ждешь. И ты показал мне, чего же мне не доставало. Тебя, Люк, — моя любовь, мой свет и мое абсолютное счастье. И, если через пару минут ты ответишь мне «да», я обещаю, что моя любовь к тебе никогда не угаснет. Я буду уважать и ценить тебя каждый день своей жизни. Ты мой необыкновенный, замечательный мужчина, которого я буду любить до своего последнего вздоха.

Я слышал прошедшие вздохи по залу, и уверен, некоторые дамы приложили платочки к влажным глазам, но все, что я видел в тот момент, была моя прекрасная невеста.

После церемонии состоялся небольшой банкет, где ко мне подошел Тим, и хлопнув

меня по плечу, поздравил со свадьбой. Они с Клем решили свои разногласия, когда она рассказала ему о беременности. Тим много лет был ее лучшим другом и поддержал ее в нелегкий для нее период.

— Она любила тебя долгие годы, теперь сделай так, чтобы ее реальность превзошла все ее ожидания, — сказал он мне, и, кивнув, я заверил его, что приложу для этого все свои усилия.

Я был рад, что между нами не осталось никакой натянутости.

Медовый месяц пришлось отложить — состояние Клем не позволяло уезжать далеко от дома.

Мы думали, что в будущем у нас будет еще много возможностей устроить медовый месяц. А оказалось, что не будет ни одной.

Солнце садится, и я поднимаюсь на второй этаж, чтобы разбудить Клем к ужину. Сегодня один из плохих дней — она была особенно слабой, и ее рвало, такое случалось, когда падало почечное давление.

— Клем, пора просыпаться.

Я сажусь на кровать и глажу ее по щеке — я всегда бужу ее таким образом. Но в этот раз что-то не так — мои пальцы словно льда касаются, такая она холодная. И дыхание странное, будто затрудненное.

— Клем? — я начинаю трясти ее сильнее, но она все равно не просыпается. — Клеми!

Я кричу, прошу ее открыть глаза, но никакой реакции. Мои мышцы сводит от страха — случилось то, о чем и предупреждал доктор Флин.

И это я во всем виноват! Я! Я! Мне некого винить кроме себя. Если бы я не вернулся в город, если бы я не был таким эгоистом, она была бы в порядке. Она бы не умирала сейчас.

Господи, если с ней что-нибудь случится... Озноб пробегается по коже. Потеря Клем — самое страшное, что я могу представить. Самое ужасное, что может произойти.

Я хотел сделать ее счастливой, я обещал, что сделаю это. А теперь она едва дышит и я чувствую, что совершенно бессилен в том, чтобы это исправить.

Подхватываю Клем на руки — она словно тряпичная кукла и, даже на девятом месяце, такая легкая!

Несу ее к машине, моля Бога, чтобы успеть. Чтобы он спас ее. А иначе как? Я просто не смогу без нее. Если ее не станет, все будет кончено. На этот раз окончательно. Господи, только не Клем. Только не она. Она меньше всего заслуживает смерти. Жизнь такого светлого, чистого создания не может оборваться вот так внезапно, так жестоко. Это не ее выбор. Она этого не желает. Тогда почему она? Почему?!

Ничего не помню, кроме липкого ужаса, пока на всей скорости мчался в больницу. Хотя и с трудом, но она дышит, когда мы наконец-то на месте.

Те часы навсегда врезались мне в память. Часы, полные панических мыслей, хаоса, безумного страха остаться без нее. Страха никогда больше не увидеть ее улыбки, взгляда ее глаз, в которых всегда было столько любви ко мне!

Я понял, что еще никогда в жизни не испытывал такого поглощающего отчаянья. Даже когда Дженнифер покончила с собой. Даже тогда. Казалось, меня засасывает в кокон безнадежности, мрака и уныния, высасывает всю энергию из меня. Вот такой станет моя жизнь без Клем в ней.

И теперь, ожидая вердикта для нашего будущего, я молился Богу, давая любые клятвы,

любые обещания, только если он не отнимет ее у меня. Не так скоро. В моих планах мы жили долгие-долгие годы вместе, а на деле... Даже еще один день вместе мог оказаться огромной роскошью для нас.

Клем уложили на носилки и повезли в реанимацию. Меня забросали вопросами о ее возрасте, аллергии, сроке и еще разными подробностями, и, наверное, только высшее чудо помогало мне отвечать и не кричать от отчаянья, пока они раздевали, ощупывали, измеряли и что-то кололи в нее.

Я слышал слова дежурного врача о витиеватом пульсе и гипогликемической коме, но мой мозг отказывался воспринимать хоть что-то. Просто тарасился на нее и не понимал, реально ли это, или некий кошмар, от которого я не могу очнуться.

— Сердцебиение плода замедленное. Быстро, первую операционную, иначе ребенка тоже потеряем! — громко распоряжается доктор, которого я не знаю.

Весь персонал двигается быстро и оперативно, но перед моими глазами все будто размыто и замедленно.

— Что с моей женой? — я хватаю врача за руку, заставляя обратить на меня внимание.

— У вашей жены гипогликемическая кома, — он раздражен, что ему приходится отвлекаться на мои вопросы. — Нам надо спасти ребенка.

Клем вновь куда-то увозят. Я бегу за каталкой, но мне нельзя в операционное отделение, и меня выставляют вон, велев дожидаться.

В одном часе шестьдесят минут. Шестьдесят минут равняются трем тысячам шестистам секундам.

Три тысячи шестьсот секунд навсегда изменили мою жизнь. Жизнь, в которой больше не было Клем.

Клементине Хантер был двадцать один год, восемь месяцев и двенадцать дней, когда ее не стало.

Мое личное солнце закатилось навсегда.

Рано утром я выхожу из дома и, стоя на крыльце, смотрю на водную гладь озера.

Меня зовут Лукас Хантер, мне тридцать пять лет и я вдовец. Дважды. Так начинается каждый мой день.

Однажды Клем сказала мне, что мечтала жить здесь и встречать новый день именно так.

Это для тебя, родная.

Скоро проснется Лили. Я приготовлю дочери завтрак, а потом мы поедем к мамочке. Я пообещал ей. Сегодня тринадцатое августа, день рождения Клем. Сегодня ей исполнилось бы двадцать семь лет.

Вчера мы с Лили весь вечер делали открытку для Клем. Дочка очень старалась, желая, чтобы подарок понравился маме.

Но пока у меня есть немного времени, я достаю изрядно истрепавшейся сложенный лист бумаги. Это письмо Клем. Я не знал о его существовании, пока однажды, приблизительно через неделю после похорон, не приехал Тим и передал его мне. Клем просила его сделать это, если с ней вдруг что-то случится.

Я прочитал его несколько раз, пока мои слезы беспрепятственно капали на бумагу, из-за чего теперь чернила кое-где размыты. Но знаете, в последние месяцы я не часто его перечитываю — боюсь, оно совсем истрепаётся.

В тот день, когда я получил послание от Клем, я сел в машину и отправился к Стивенсам. Мэри и Льюис забрали малышку к себе, потому что я не мог заставить себя сделать это. Мне казалось, что я умер вместе с Клем. Но она сама напомнила мне, что это не так.

Я забрал дочку домой, чтобы больше никогда с ней не разлучаться.

Мой взгляд пробегается по строчкам, которые давно выучил наизусть.

Говорят, время лечит. Так вот — всем скептикам в мире — это правда. Боль от потери тускнеет со временем. Она как шрамы — они затягиваются, но не исчезают, и, глядя на них, вы помните, как они появились.

Потеря Клем — шрам на моем сердце. Он затянулся, но никогда не исчезнет. Да я бы и не хотел этого.

Иногда в утреннем тумане, что стелется над озером, я вижу ее. Ее прозрачный силуэт, солнечную улыбку. До моего слуха доносится ее смех, который приносит прошлое. Но когда туман рассеивается, она исчезает.

Я закрываю глаза и воскрешаю в памяти наше лето. Клем раскидывает руки, и солнечные лучи играют на ее лице.

«Я бы хотела стать птицей и взлететь высоко-высоко».

Я верю, что у тебя получилось, Клем.

Позади слышатся тихие шаги и, раскрыв глаза, я оборачиваюсь.

— Привет, Пчелка.

Я улыбаюсь дочери, и она отвечает мне тем же. Недавно у Лили выпал первый молочный зуб, и теперь на его месте пусто.

Дочка — вылитая Клем, хотя некоторые и говорят, что у нее мои губы, но не верьте.

Лили гордится тем, что похожа на маму. Она часто говорит, что мама была красивой.

Лили взбирается ко мне на руки, обхватывая своими ручонками мою шею.

— Мы уже можем поехать к мамочке?

Из-за отсутствия переднего зуба она немного шепелявит, и это забавно.

— Скоро, солнышко, — я поднимаюсь, держа ее крепко, и направляюсь к двери. — Давай сначала приведем себя в порядок. У мамы день рождения, нам следует быть нарядными.

Лили согласно кивает, и я целую ее в нос.

Легкий порыв ветра ощущается на коже, хотя утро и тихое. Чувствую запах мяты и лимона — легкий, едва уловимый. Такое порой происходит, я уже привык к этому. Кто-то скажет, что я сошел с ума, но я знаю — это Клем. Так она дает понять, что она по-прежнему рядом. Присматривает за нами.

В наших сердцах Клем будет жить вечно.

Письмо Клем

«Дорогой Люк.

Не знаю, веришь ли ты в провидение, сама я никогда не задумывалась над этим, но проснувшись несколько минут назад, поняла, что должна написать это письмо.

Ты сейчас в мастерской, работаешь над кроваткой для ребенка, думая, что я сплю. Да, я знаю о кроватке, хотя ты и хотел сделать мне сюрприз. Прости за это, но я любопытная. Это не исправить.

Сегодня один из дней, которые мы называем плохими. Но мое «сейчас» — это твое прошлое, и думая об этом, мне становится грустно. Потому что если ты читаешь это письмо — значит меня больше нет, и мое предчувствие меня не подвело.

Знаешь, это будто писать себе в будущее, которого у меня никогда не будет. Это жутко.

Не думай, что я хотела оставить тебя, нет. Это письмо как мое напутствие, и я надеюсь, что ты прислушаешься к моим словам.

Первое, о чем тебя попрошу — не закрывайся больше от мира. Не ради себя, и даже не ради меня — ради нее.

Ах, да — это девочка. Знаю, мы не хотели узнавать пол раньше времени, но ты ведь помнишь о моем любопытстве? Я спросила у доктора Свен — прости и за это.

Мне больно от мысли, что меня не будет рядом, когда она будет расти. Больно, что меня не будет с вами. Но я спокойна, зная, что у нее есть ты. Я верю тебе, Люк, и знаю, что ты не подведешь. Ты будешь лучшим отцом для Лили.

Ты ведь назовешь ее так?

Однажды в вашей жизни появиться женщина — позволь ей стать частью вашей семьи. Ты не будешь грустить вечно, Люк, а Лили нужна будет мать.

Рассказывай ей обо мне. Говори, как сильно я ее любила. Я ни о чем не жалею, знаешь, и даже будь у меня возможность, ничего бы менять не стала.

Мне грустно, что меня не будет рядом, когда у нее выпадет первый зуб, когда первое катание на велосипеде завершится неудачей, а меня не будет, чтобы утешить ее. Что в день ее первого бала, первого свидания и свадьбы я не смогу быть там.

Потому — говори ей обо мне, Люк, и будь с ней за нас двоих.

Любящая всем сердцем Клем (не Клементина) Хантер.

P.S. Надеюсь, что мое предчувствие подведет меня, и ты никогда не увидишь это письмо. Да, я надеюсь...»

Ты запомни меня такою:

Лето, море, цветы, ракушки...

Я держала весь мир в ладонях.

И любила твои веснушки.

Ты запомни меня такою:

Осень, дым, и гремит гроза...

Обнимала весь мир рукою.

И любила твои глаза.

Ты запомни меня такою:

Ночь, зима и стихов страницы...

Наполняла весь мир собою.

И любила твои ресницы.

Ты запомни меня живою -

А не ту, что взяла могила...

Свою тайну тебе открою:

Больше жизни тебя любила.

Мадина Себиханова

Больше книг на сайте - Knigolub.net